

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№3

2008

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2008

Учредители

Алтайский государственный университет
Барнаульский государственный педагогический университет
Бийский педагогический государственный университет имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), Н.Е. Меднис (Новосибирск), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

О.А. Ковалев – отв. секретарь по литературоведению
Н.В. Панченко – отв. секретарь по лингвистике
М.П. Чочкина – отв. секретарь по фольклористике

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 411-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ю.В. Трубникова. Детерминированность формально-семантических связей текста в коммуникативном аспекте.....	7
И.Г. Шестакова. Адресованность как категориальный признак текста научно-технической рекламы (на материале английского и русского языков).....	18
И.А. Нагорный. Субъектная перспектива односоставных предложений с предположительными частицами.....	30
Н.К. Данилова. Жилище в системе традиционного мировосприятия народа Саха.....	42
Н.Ю. Абузова. Календарная лирика поэтов «сумароковской школы».....	51
И.Н. Кошелева. Взаимодействие гетерономного и автономного текстов в поэзии 60–80-х годов XX века.....	66
М.С. Черепеникова. Гете и Фосколо: традиции итальянского «вертеризма».....	72

Научные сообщения

С.М. Дубинина. Имидж и речевая компетенция: взаимообусловленность в процессе имиджмейкинга.....	82
Е.В. Акулова. Женская и мужская «любовь» в пространстве русского и немецкого объявления о знакомстве.....	89
Е.Е. Горбань. Изотопная реконструкция культуuroобразующего текста (на материале романа У. Фолкнера «Авессалом! Авессалом!»).....	98
Д.О. Морозов. Графическая интеграция в текстах А.А. Вознесенского.....	105
В.В. Тарасенко. Фразеологические репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в системе языка и их восприятие русскоязычными носителями.....	115
О.Г. Лещинская. Ситуация слухового восприятия и лексика, ее обслуживающая, в языке города.....	124

Е.В. Федяева. Субъективный и этнокультурный компоненты в семантике категории <i>количество</i>	132
Е.Л. Калининна. Проблема концептуального содержания субстратных географических имен.....	141
М.В. Овчинникова. Из истории терминологии уголовного права XVIII века (на материале памятников деловой письменности Забайкалья).....	148
К.Б. Самтакова. Сравнительный анализ топонимики Монгольского и Южного Алтая в историко-лингвистическом аспекте.....	155
Ю.В. Чернова. Некоторые особенности картины мира писателя-билингва В.В. Набокова (на материале романов «Lolita» –«Лолита» и «Другие берега» – «Speak, Memory»).....	162
Я.А. Терскова. Игровые мотивы в романе В.П. Катаева «Время, вперед!».....	169
Е.А. Черниченко. Культура как миф в поэзии И.А. Бродского позднего периода.....	176
Э.А. Лариева. Святые и грешные: два рассказа Л. Улицкой о семье («Они жили долго...», «... И умерли в один день»).....	185
В.Н. Чечелева. Античность в прозе Томаса Лава Пикока.....	192
В.П. Канарина. Алтайская литература в «Сибирских огнях»: проблемы критики.....	199
Е.М. Талалаева. Роль детских СМИ в развитии медиакомпетентности детей и подростков.....	205

Филология: люди, факты, события

И.М. Волчкова, Э.А. Лазарева. Филологическое знание как организующий центр профессионального творчества.....	212
---	-----

Критика и библиография

Н.И. Завгородняя. Рецензия на книгу: Семькина Р.С.-И. О «соприкосновении мирам иным»: Ф.М. Достоевский и Ю.В. Мамлеев. – Барнаул: БГПУ, 2007. – 241 с.....	220
---	-----

Филология в современном мире: ответы на вопросы анкеты.....	222
--	-----

Резюме.....	227
--------------------	-----

Наши авторы.....	235
-------------------------	-----

CONTENTS

Articles

U.V. Trubnikova. Determination of Text's Formal and Semantic Connections in Communicational Aspect.....	7
I.G. Shestakova. Address as Categorical Indication of Technical Scientific Text (in English and Russian Advertisement).....	18
I.A. Nagorny. Subject Structure of One Word Sentencies with Supposition Particles.....	30
N.K. Danilova. Home in Traditional Perception of Sakha people.....	42
N.U. Abuzova. The Calendar Lyrics of the «Sumarokov's School» Poets.....	51
I.N. Kosheleva. The Interaction of Heteronomous and Autonomous Texts in the Poetry of the XX century 60–80-s.....	66
M.S. Cherepennikova. Goethe and Foscolo: Traditions of «Werther» in Italian Literature.....	72

Scientific reports

S.M. Dubinina. Image and Speaking Competency: Interdependence in Image Making.....	82
E.V. Akulova. Female and Male «Love» in Russian and German Dating Advertisement.....	89
E.E. Gorban. The Isotope Reconstruction of Cultural Formative Text (W. Faulkner «Absalom! Absalom!»).....	98
D.O. Morozov. Graphical Integration in works by A.A. Voznesensky.....	105
V.V. Tarasenko. Phraseological Representation of Concepts «Life» and «Death» in Language and their Perception by Russians.....	115
O.G. Leshchinskaya. Situation of Audial Perception and it's Serving Vocabulary in Urban Language.....	124

E.V. Fedyaeva. Subjective and Ethnocultural Components of the Category of <i>Quantity</i>	132
E.L. Kalinina. The Particularities of Conceptual Filling of Substrative Toponyms.....	141
M.V. Ovchinnikova. History of Terminology of the Criminal Law of the 18th Century (on the material of business scripts in Baikal region).....	148
K.B. Samtakova. Comparative Analyses of Mongolian and Southern Altai Place names in Historical Linguistic Aspect.....	155
U.V. Chernova. V. Nabokov's Picture of the World Reflected in «Lolita» – «Лолита» and «Другие берега» – «Speak, Memory»).....	162
A.A. Terskova. Play Motifs in the Novel «Time, forward!» by V.P. Kataev.	169
E.A. Chernichenko. Culture as Myth in the Poetry of Brodsky's Late Period.....	176
E.V. Larieva. Sacred and Guilty: Two Stories by L.Ulitsky about Family («They lived long...», «...Also have died in one day»).....	185
V.N. Checheleva. Antiquity in Thomas Love Peacock's Prose.....	192
V.P. Kanarina. Altai Literature in «The Siberian Lights»: problems of critics.....	199
E.M. Talalaeva. Children's Media Role in Development of Mass Media Education for Children and Teenagers.....	205

Philology: people, facts, events

I.M. Volchkova, E.A. Lazareva. Philological Knowledge as Organizing Center of Professional Creativity.....	212
---	-----

Critics and bibliography

N.I. Zavgorodnaya. Review on Semykin's book: Семькина Р.С-И. О «соприкосновении мирам иным»: Ф.М. Достоевский и Ю.В. Мамлеев. – Барнаул: БГПУ, 2007. – 241 с.....	220
--	-----

Philology in modern world: questionnaire answers	222
---	-----

Summary	227
----------------------	-----

Our authors	235
--------------------------	-----

СТАТЬИ

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ТЕКСТА В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Ю.В. Трубникова

Ключевые слова: коммуникация, деривация, формально-семантические связи, синтаксические отношения.

Keywords: communication, derivation, formal and semantic connections, syntactic relations.

Языковая коммуникация всегда протекает в форме текста, и наоборот, любой текст существует только в определенном коммуникативном пространстве, которое определяется как «среда бытия текста, представляющая собой сложно организованную, внутренне противоречивую систему систем составляющих – “внутренних” (коммуниканты, процессы вербализации и понимания, языки [естественные и другие языки культуры], тексты, обстоятельства актов рече-коммуникативной деятельности, практические цели, коммуникативные цели) и “внешних” (культура, природа, социальная сфера)» [Чувакин 2007, с. 333].

Текст как знаковая сущность в любой коммуникативной ситуации вступает в синтагматические и парадигматические отношения с другими единицами своего уровня. Парадигму текста формируют вторичные, или производные, тексты, возникающие как результат воспроизведения и интерпретации исходного. К вторичным текстам относятся реферат, аннотация, заголовок, пересказ, изложение и т.п., то есть любое понимание и любая интерпретация исходного текста. Для вторичных текстов характерна множественность и принципиальная бесконечность возможных трансформаций, поскольку один и тот же текст, свернутый при восприятии, может быть развернут в разные текстовые формы. Поэтому проблема успешности языковой коммуника-

ции может быть рассмотрена как проблема динамического отношения между текстами в деривационном аспекте (под деривацией в широком смысле в настоящее время понимается процесс образования всех возможных языковых единиц, начиная от слова, его грамматических форм и заканчивая текстом).

Определяющую роль в процессе функционирования текста играет его лексико-деривационная структура, что обусловлено внутритекстовыми деривационно-детерминационными процессами. С деривационной точки зрения любой элемент текста, больший чем слово, есть продукт развертывания, отдельный этап деривационного процесса и единица, обеспечивающая свертывание текста. Каждый элемент обусловлен предшествующим текстом и конкретно предыдущей единицей.

В целом деривационная структура текста представляет собой пространственно-временное развертывание различных лексических рядов, члены которых находятся друг с другом в отношениях детерминации, то есть всякая «последующая» единица может быть рассмотрена как семантическое продление предыдущей. Одним из типов таких рядов являются ряды, названные нами лексико-деривационными (далее – ЛДР), под которыми мы понимаем в разной степени актуализированные в контексте ряды лексических единиц, имеющих в системе языка или приобретающих в конкретных текстовых условиях формально-семантические связи и находящихся друг с другом в отношениях детерминации. Семантические ряды и ЛДР, взаимодействуя в тексте, образуют его лексико-деривационную структуру, которая определяет систему смыслов и является основанием восприятия текста в целом и воспроизводства его в форме вторичного текста.

Между двумя сопологающимися языковыми единицами и, шире, между любыми элементами текста возникают определенные внутритекстовые связи и отношения. Современной лингвистикой выделяются следующие наиболее общие типы отношений между частями предложения и текста: присоединительные, разделительные, отношения пояснения и конкретизации, альтернативные, градационные, отношения обусловленности, уступительные, противительные, каузальные и т.д. Поскольку вопросы внутритекстовых отношений, выделения их типов, особенностей организации рассматриваются традиционно в рамках синтаксиса, основой классификации являются квалификаторы отношения, главным образом союзы и союзные слова. Если же подойти

к проблеме с более общих логико-семантических позиций, то этот ряд можно свести к пяти основным типам: пояснение и конкретизация, альтернатива, градация, противительность, обусловленность (уступительность и каузальность суть разные ее модификации). Такие же типы характеризуют отношения базового предложения и интродукта, а принимая во внимание смысловое взаимодействие интродукта и предложения, результатом свертывания которого он является, необходимо дополнить наш перечень отношениями тождества.

Пояснение и конкретизация образуют особую область отношений. В рамках сообщения информация распределяется таким образом, что вторая часть предстает как уточняющая поправка, факультативное примечание к предшествующей части. Поскольку эти отношения реализуются не только и не столько в рамках одного предложения (пусть даже и сложного), но в рамках текста, то ЛДР как раз и помогает выявить и передать уточняемую, поясняемую, конкретизируемую информацию: *«Власть неизбежно порождает бюрократию. Не в последнюю очередь опасное усиление общеевропейского бюрократизма создало сложности при ратификации маастрихского договора. Длинная бюрократическая процедура принятия решений существенно тормозит процесс»* /ЛГ/; *«У нее же (истории) подхвачен и игровой, каламбурный стиль: она сама, по Давыдову, есть нескончаемый каламбур»* /ЛГ/; *«Новиков не борец, он – труженик. Это не всегда одно и то же: в борцах Россия недостатка не знала, дельные же труженики – просто на вес золота»* /ЛГ/.

Отношениям пояснения и конкретизации близки градационные отношения, которые, однако, отличаются неравной значимостью членов и имеют место при распределении информации по принципу «меньше – больше» (восходящая градация) или по противоположному принципу (нисходящая градация). При градуировании значимости сообщаемое в одной части представлено как более важное, как коммуникативно более значимое по сравнению с сообщаемым в другой части. В целом «такое распределение возникает в результате дотекстовой сравнительной оценки 1) значимости сообщаемого, 2) его истинности или 3) адекватности избранной словесной формулировки сущности обозначаемого» [Ляпон 1986, с. 92]. В контекстах с ЛДР, реализующих этот тип отношений, градация чаще всего является восходящей и отражает именно степень значимости сообщаемого. *«Моим учеником он никогда не был. Он вообще не был учеником»* /ЛГ/ – в этом контексте

градация значимости фактов поддерживается на уровне ЛДР последовательным расширением семантики слова *ученик*. В ЛДР контекста «*Никакая корова <...> через ять не пишется и пишется не должна*» /ЛГ/ градуируется пропозициональная модальность. Реже градация связана с формой выражения мысли: «*Герои ведут двойное существование – а правильнее сказать, **сдвоенное**, и оттого мучительное...*» /ЛГ/. В процессе формирования ЛДР «двойное–сдвоенное» уточняется формулировка и тем самым наводится значение внешнего влияния. Истинность сообщаемого в контекстах с ЛДР не градуируется.

В основе альтернативных отношений лежит идея несовместимости, модифицируемая как взаимоисключение (альтернатива в собственном смысле) и разделительность (разграничение) в разных аспектах: модальная несовместимость, несовместимость по времени, несовместимость референтов, несовместимость субъектов действия и так далее. Контексты с ЛДР реализуют только отношения разделительности, причем не на уровне частей сложного предложения или текста, но на уровне микрочастей, слов и даже сем: «*Остроумие автора афоризма рождает **остроумие** понимания*» /ЛГ/ (разграничение референтов и субъектов действия); «*...существо из второй **реальности**, дитя фантазии Чехова, должно, кажется, удостоверить **реальность** не только Фелицына, но и самого “Славянского базара”!*» /ЛГ/ (разграничение дифференциальных сем); «*Редакция вслед за классиком призвала читателей **смеяь** расставаться со своим прошлым, но наступила пора подвести итоги, которые дают повод **посмеяться** и над настоящим*» /ЛГ/ (разграничение времени и модальности).

Общим признаком, формирующим сферу обусловленности в широком смысле слова, является признак достаточного основания. В «Русской грамматике» этот признак рассматривается как интегрирующее начало, на базе которого в сферу обусловленности включаются такие виды зависимости, как условно-следственная, причинная, уступительная, целевая. Поскольку для нашего исследования конкретизация и дробление подобных отношений не актуальны, мы будем пользоваться общим понятием обусловленности при рассмотрении отношений частей в таких контекстах, как «*Поскольку мне все время приходится **бороться**..., то, наверное, я бы предпочел костюм, выражающий дух **борьбы**, стиль **борца***» /ЛГ/; «*Если мы, журналисты, дадим **задушить** Российское телевидение и радио, завтра **придут** всех*

нас» /ЛГ/; «Если **нарушена** связь с миром, то **нарушено** ощущение формы» /ЛГ/.

Наконец, последним в нашем перечне типом семантико-синтаксических отношений, реализуемым в контекстах с ЛДР, является противительность. «В сфере противительности реализуются два принципа: принцип антитезы и принцип, который условно можно обозначить как соединение неантагонистически противоречивого, или просто принципом компромисса» [Ляпон 1986, с. 152]. Особенностью контекстов с ЛДР является то, что они чаще воплощают именно принцип компромисса, фиксируя внимание на детали или обстоятельстве как коррективе к сообщаемому: «**Представление это было, конечно, *ирреальным*, но само оно явилось частью *реальности***» /ЛГ/; «Я уверен, что и к Кушнеру придут, были бы книги. А то они в Ленинграде **выходят**, а до Москвы не **доходят**» /ЛГ/. Антитеза, логическим основанием которой является взаимное отрицание, охватывающее сообщаемое в одной и другой частях в полном объеме, опирается на антонимические отношения и реализуется только на уровне актуализации внутренней формы лексических единиц предложения и текста в целях воплощения парадоксальности ситуации («**Ах, *недетские* наши *детские* проблемы!**» /ЛГ/), а чаще для поддержания других типов семантико-синтаксических отношений («**Я никогда не видел большой разницы между *актерами* и *неактерами***» /ЛГ/ – альтернативные отношения; «**Умудренные опытом политики предупреждают президента, если он хочет победить в 1996 году, то должен отстаивать свои *принципы*...**, поскольку в перемене курса избиратель усмотрит лишь проявление **беспринципности**» /ЛГ/ – отношения пояснения).

Члены ЛДР, входя в синтаксическую конструкцию и участвуя в формировании семантико-синтаксических отношений внутри предложения и текста, сами взаимодействуют друг с другом в логико-синтаксическом плане, что зачастую делает избыточным квалификатор связи частей: «**В литературе тоже произошла революция. Исчезла искусственная *иерархия*, определенная руководящей рукой партии, изменилась, сохранившись, *иерархия талантов***» /ЛГ/. В приведенном примере альтернативные отношения между частями сложного предложения формируются на основе альтернативы «*иерархия*» – «*иерархия*», связанной с различной референцией лексемы. Очень часто сам ЛДР становится для микроконтекста показателем отношений пояснения и конкретизации или градации: «***Интеллигенция* и сама ответственна**

за развал экономики и весь тот ужас, который мы сейчас переживаем. Многие **интеллигенты** поддерживали новоявленных политиков...» /ЛГ/. Именно формирование ЛДР интеллигенция–интеллигенты подчеркивает тождество субъектов в двух высказываниях и позволяет соотносить их как причину и следствие и квалифицировать отношение пояснения. «Каждая из входящих в этот блок сил преследует здесь свою **выгоду**. Правительству **выгодно** иметь такую поддержку. Жириновскому **выгодно** демонстрировать свою респектабельность» /ЛГ/ – в этом контексте ЛДР *выгода–выгодно–выгодно* фиксирует тождество действия, позволяя расчлнить и конкретизировать позицию субъекта. Без квалификатора отношений чаще всего реализуется градация: «**Финал романа жесток. Жесток**» /ЛГ/.

Таким образом, детерминированность единиц ЛДР актуализируется реализующимися в контексте семантико-синтаксическими отношениями. Информационное наполнение («событийный материал») каждой части текста независимо от ее размера является значимым по крайней мере с двух точек зрения: во-первых, как источник информации о внутренних процессах, о разных аспектах смысловой структуры каждой из соотнесенных ситуаций, во-вторых, как источник информации о внутренних процессах возникновения смысловых связей и отношений «второго плана», то есть как контекстуальный фактор отношения, а смысловая структура этой части в целом формируется как координация трех семантических составляющих: во-первых, семантической структуры частей, во-вторых, уже названного контекстуального фактора отношения и, в-третьих, квалификатора отношения.

Если рассмотреть с этой точки зрения ЛДР, то оказывается, что члены ряда, являясь частью семантической структуры, непосредственно участвуют в формировании контекстуального фактора отношения между предложениями, их частями или базовым предложением и интродуктом и, таким образом, задавая формирование вторичного текста, могут способствовать успешности процесса коммуникации, поскольку детерминированность единиц ЛДР, под которой понимается **закрепленная в тексте субъективно значимая для автора (в структурном или экспрессивном плане) и именно так воспринимаемая реципиентом взаимозависимость нескольких текстовых означающих**, актуализируется реализующимися в контексте семантико-синтаксическими отношениями. Этот вывод получил подтверждение в ходе эксперимента, в котором испытуемым предлагалось заполнить лакуну

в контексте с намеренно разрушенным формально-семантическим лексическим рядом. Полученные реакции были либо семантическими, либо формально-семантическими, то есть некоторые испытуемые восстанавливали в том числе и формальные связи единиц.

Сравнивая процентное соотношение формально-семантических реакций и общего их числа для каждого контекста мы установили, что наибольшее количество таких ассоциаций дают контексты, реализующие отношения пояснения и конкретизации (не меньше 20%). Наименьшее (в основном 0–1%) – контексты с градацией. Несомненно, на степень актуализации формально-семантического взаимодействия внутри контекста влияет выраженность синтаксических отношений, формальная или пресуппозитивная. Однако анализ результатов ассоциативного эксперимента показывает, что реакции испытуемых зависят еще и от типа денотативных ситуаций и деривационных процессов внутри контекста.

Рассмотрим следующий пример: *«Каждое толкование – это скорее попытка оживить, сделать более осязательным для читателя творчество известного, но и столь же <...> (неизвестного) прозаика»*. Фрагмент контекста, содержащий лауну, образуется путем перекрестной контаминации и синтагматической компрессии двух синтаксических конструкций (СК1 и СК2), обозначающих две денотативные ситуации, различающиеся только характеристикой объекта. Установленные между данными ситуациями и предложениями противительные отношения (квалификатор отношения и оператор деривации – союз *но и*) устанавливаются по сути между двумя атрибутами. Пропуск определения в данном контексте практически не разрушает денотативной ситуации. Результатом этого является то, что большинство испытуемых, заполняя пробел, используют прилагательные с отрицательной семантикой. Это объясняет и высокий процент формально-семантических ассоциаций («неизвестный» – антоним к опорному компоненту контекста).

Сходный результат контаминации и синтагматической компрессии двух синтаксических конструкций, но с альтернативными отношениями между ними, представляет собой контекст *«Армянские писатели бедствуют, они не могут издать или <...> (переиздать) свои книги»*. Однако альтернативные отношения в данном случае устанавливаются между частями предикатной группы, поэтому пропуск лексемы в этом контексте разрушает денотативную ситуацию в гораздо большей

степени. Поэтому испытуемые, восстанавливая предикатную группу в целом, ориентируются прежде всего на семантику контекста (*продать, распространить*). Все это определяет малый процент формально-семантических ассоциаций (4,1%). Кроме того, количество отказов (17,2%) и ассоциаций, названных нами семантическими, но по сути являющихся асемантическими (реакции типа *опубликовать, выпустить, напечатать*, дублируя семантику предыдущего глагола, разрушают смысл всего предложения), заставляет нас говорить о слабости пресуппозиции.

Сходной деривационной структурой, реализующей однако отношения градации, обладает контекст «*Кувалдин в своем романе вторгается на чужую и <...> (чуждую) ему территорию*». В данном случае союз является оператором деривации, но не квалификатором семантико-синтаксических отношений. Отношения градации и формально-семантическое взаимодействие лексем в исходном контексте формирует эпидигматический ЛДР, они воспринимаются реципиентом и оцениваются положительно, но не восстанавливаются на основе контекста, результат – 1,1% формально-семантических ассоциаций.

Контекст «*Я, например, в интеллектуальной и художественной областях человек нетерпимый и <...> (терпимым) быть не собираюсь*», один из контекстов, реализующих отношения градации, актуализирует формально-семантическое взаимодействие на уровне лексики, что отличает его от предыдущего. Однако оператор деривации (союз *и*), как и в предыдущем примере, не является квалификатором семантико-синтаксических отношений. Контекст создается путем параллельной контаминации двух синтаксических конструкций. Большое количество формально-семантических ассоциаций (35,5%) обусловлено, на наш взгляд, сильной пресуппозицией и сильным контекстуальным фактором отношения: сама синтаксическая конструкция является стереотипной для выражения восходящей модусной градации.

Достаточно высокий процент формально-семантических ассоциаций (46,2%) дает контекст «*Борька всегда рыл землю, если находил для этого подходящее место, а если находил <...> (неподходящее), тоже рыл*», реализующий противительные отношения. Фрагмент контекста, содержащий лауну, параллельно контаминирует с предыдущей синтаксической конструкцией. Несмотря на различие типов контаминации (перекрестная и параллельная), этот контекст сходен с первым рассмотренным нами контекстом: в том и в другом синтаксические

конструкции различаются семантикой только одной синтаксической позиции (в данном случае объекта). Однако в контексте объект в СК1 представлен расчлененно, а в СК2 – нет (в исходном контексте это парадигматически компрессированное прилагательное). Это создает определенные трудности для испытуемых, многие из которых, заполняя позицию объекта, используют стандартную для выражения этого синтаксического значения часть речи – существительное, тем самым разрушая семантику контекста.

Контекст «*Дети появляются время от времени. Но это какие-то <...> (недетские) дети*» отличается от предыдущего тем, что параллельной контаминации подвергаются разноструктурные синтаксические единицы, объединяемые компонентом «*дети*». За счет этого противительные отношения между синтаксическими конструкциями становятся отношениями внутри СК2. Кроме того, особенностью контекста является его заданная оценочность, поддержанная местоимением «*какие-то*». Результаты эксперимента показали, что большинство испытуемых понимают особенности семантико-синтаксических отношений в этом контексте и оценивают существительное *дети* как положительно окрашенное, поэтому, заполняя пропуск, используют прилагательные с отрицательной семантикой (*странные* – 46, *ненормальные* – 23, *не такие* – 11). Заданная контекстом оценочность объясняет и отсутствие формально-семантических реакций, поскольку исходное *недетский* не несет оценки в системе языка и не может быть воспроизведено испытуемыми, оно же, точнее, его устойчивая семантика препятствует образованию подобного прилагательного как каузального оценочного неологизма.

Только путем параллельной контаминации создаются контексты, реализующие отношения пояснения и конкретизации: «*Окитейну все еще снились Черновцы, и <...> (сны) его отражались в картинах*». В данном случае мы имеем классический пример контаминации, когда предыдущая синтаксическая конструкция занимает позицию объекта-подлежащего в последующей. Установить отношения между СК1 и СК2 и между СК1 и парадигматически компрессированной ее формой в СК2 испытуемым тем легче, что объект в СК2 представлен в расчлененном виде: местоимение *его* соотносится с субъектом-дополнением СК1 (*Окитейну*), соответственно, пропущенный член должен соотноситься с предикативной основой. Легкость установления отношений

определяет высокий процент (72,6%) формально-семантических ассоциаций в ходе эксперимента.

Противоположный процесс мы наблюдаем в контексте «*Там убили супрефекта, и <...> (убийство) связывают с этим конфликтом*», тип деривации которого идентичен предыдущему контексту. Разница состоит в том, что объект в СК2 (*убийство*), соответствующий СК1, представлен нерасчлененно. Кроме того, установление синтаксических отношений затрудняет присутствие в СК2 местоименно осложненного объекта «*с этим конфликтом*». Это объясняет небольшой для данной группы контекстов процент формально-семантических ассоциаций (23,1%) и появление семантических реакций типа «меня», «неприятности», «беспорядки» и тому подобных.

Таким образом, анализируя условия детерминированного деривационного функционирования лексических единиц по результатам контекстного ассоциативного эксперимента, можно обнаружить зависимость коммуникативных особенностей текста от особенностей протекания в нем деривационных процессов. Рассматривая различные контексты с ЛДР, нельзя не обратить внимание на то, что члены ряда по-разному участвуют в формировании разных синтаксических отношений. Например, реализуя альтернативные отношения, члены ряда выполняют только номинативную функцию, тогда как при отношениях градации не столько номинативную, сколько эпидигматическую и экспрессивную.

Проведенный анализ, на наш взгляд, еще раз подтвердил известное положение В. Гумбольдта о том, что в речи происходит воссоздание воспринимающим мысли говорящего, и идей А.А. Потебни, который «рассматривал и повседневную, и художественную речь как формы совместной деятельности автора и адресата речи, основанные на владении общим для них языком и состоящие в преодолении индивидуальных расхождений во владении этим языком» [Рыбаков 2005, с. 57].

В целом, проведенный анализ, на наш взгляд, позволяет говорить о достаточно жестких закономерностях взаимодействия первичного и вторичного текстов, так как «регулярный повтор тех или иных явлений в определенных условиях есть необходимая предпосылка для предположения об их неслучайном характере <...> а регулярный повтор одних и тех же явлений при одних и тех же условиях – это не что иное, как закон» [Лукин 1999, с. 22]. Это объясняется тем, что различные

типы формально-семантического взаимодействия по-разному имплицитно развивают тему, создают ощущение единства текста и его структурированности по принципам «тема–рема», «данное–новое» или выделяют опорные точки темы, помогая удержать ее в памяти. С другой стороны, актуализируя формальное взаимодействие лексем, они способствуют усилению эмоциональности текста, прагматически акцентируют внимание на определенном содержании. Таким образом, названные типы, формируя структуру текста, обуславливают наличие у текста в целом такого признака, как функциональность формы, что и определяет особенности деривационных связей первичной и вторичной единиц.

Проведенный анализ позволил уже на текстовом материале подтвердить выводы деривационной лексикологии о том, что «деривационные механизмы языка формируются и управляются законами и правилами, принадлежащими самому языку <...> Эти правила являются достаточно строгими и подчиняются принципу внутрисистемной детерминации, а языкоречевая материя представляется в виде самодетерминирующейся и саморазвивающейся системы, несущей в себе потенции своей активности» [Шкуропацкая 2003, с. 12].

Литература

- Лукин В.А. Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М., 1999.
- Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М., 1986.
- Русская грамматика. Т. II / Под ред. Шведовой Н.Ю. – М., 1980.
- Рыбаков М.А. Проблемы коммуникации в классических трудах по языкознанию // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций. – Барнаул, 2005.
- Чувакин А.А. К исследованию «жизни» текста // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2007.
- Шкуропацкая М.Г. Деривационное измерение лексики: системный аспект. – Барнаул, 2003.

АДРЕСОВАННОСТЬ КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ТЕКСТА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (на материале английского и русского языков)

И.Г. Шестакова

Ключевые слова: семантико-стилистическая категория адресованности, научно-техническая реклама, воздействующий тип текста.

Keywords: semantic and stylistic address category, technical scientific advertisement, manipulation text type.

Научно-техническая реклама – особый вид массовой коммуникации, вызванный к жизни объективными историческими условиями: расширением и усложнением задач в сфере науки и техники. Одну из таких задач – информирование о различных научно-технических нововведениях и изобретениях (средствах производства) с целью создания спроса на них – решает исследуемая нами научно-техническая реклама (далее – н-т реклама). Социальная задача н-т рекламы определяет ее коммуникативную задачу, решение которой связано с прагматической установкой на регуляцию социального поведения потенциального потребителя. Основной функцией текста н-т рекламы, реализующего акт коммуникации, является функция психологического воздействия методами убеждения и внушения через информирование. Побудительный характер н-т рекламы отражает ее установку на диалог. Диалогичность, как один из ведущих текстообразующих признаков рекламы [Бровкина 2000, с. 9], соотносится с адресованностью, представляющей собой естественную форму диалога.

Цель данной статьи – рассмотреть, какими способами и с помощью каких средств осуществляется реализация семантико-стилистической категории адресованности в тексте научно-технической рекламы, что позволит выявить языковые и паралингвистические средства, служащие выражению адресованности, а также их функционально-семантические и коммуникативно-прагматические свойства в рамках текста н-т рекламы. Системное описание средств реализации адресованности возможно лишь при условии понимания процессов и законо-

мерностей функционирования языка н-т рекламы в реальном общении, что предполагает непрерывный выход в экстралингвистическую область, в широкий контекст. Изучение семантико-стилистической категории адресованности с позиции функционального подхода вписывается в современные тенденции лингвистики к интеграции с социопсихологическими, философскими, культурологическими и другими областями знания, объектом которых является *человек*, его внутренний мир, его связь с внешним миром (Ю.Д. Апресян, В.В. Богданов, Т.Г. Винокур, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, Е.В. Падучева, Ю.С. Степанов, Д.Н. Шмелев и др.).

Текст н-т рекламы соотносится с другими воздействующими типами текста, и, чтобы проследить специфичность проявления адресованности в н-т рекламе, проведем две параллели – англоязычной н-т рекламы с англоязычной торговой рекламой (товаров широкого потребления), с одной стороны, и англоязычной н-т рекламы с русскоязычным вариантом н-т рекламы – с другой. Н-т реклама и торговая реклама имеют однотипную прагматическую установку, но их различает такой экстралингвистический фактор, как «сфера общения»: н-т реклама обслуживает сферу науки и техники, в то время как торговая реклама – бытовую сферу. Различие сфер функционирования данных видов рекламы означает разный объем и характер пресуппозиции. Англоязычную и русскоязычную н-т рекламу, напротив, объединяет общая для них сфера общения и единая прагматическая установка, но они функционируют в условиях разных культур, что предполагает проявления в их организации особенностей национального менталитета.

Понятие «семантико-стилистическая категория адресованности» соотносится с понятиями субъект речи и адресат, которые выполняют свои ситуативно обусловленные роли. Прежде всего рассмотрим речевое поведение субъекта речи англоязычной н-т рекламы как основы для проведения обозначенного сопоставления. Руководствуясь своими целями и мотивами, субъект речи как языковая личность создает *адресатную ситуацию*, то есть ситуацию взаимодействия с адресатом для установления речевого контакта и адресатных отношений, складывающихся в процессе продуцирования субъектом речи и интерпретации адресатом высказываний, имеющих значение адресованности [Чаплыгина 2002, с. 9]. Диалог, предполагающий обмен репликами, совмещает в себе черты речевой акции и реакции. Для инициирующих и ответ-

ных реплик характерны определенные типы семантических отношений. Иницирующие реплики представляют по своей сути «иллокутивное выдвигание», создающее «динамический характер речевого воздействия» [Красильникова 1995, с. 4]. Ответные реплики (со стороны адресата) предстают как возражение, сомнение, уточнение, (не)согласие. В силу того, что реплики адресата отстоят во времени от реплик субъекта речи, складываются «перспективные диалогические отношения» (определение Л.В. Красильниковой [1995, с. 4]). В рамках н-т рекламы субъект речи выступает не только от своего имени, но и от имени адресата, предвидя возможные возражения, сомнения адресата. В этой роли субъект речи признает адресата целенаправленным субъектом, а себя объектом воздействия со стороны адресата. В роли инициатора общения субъект речи отвечает на предполагаемые вопросы адресата, убеждает его, доказывает правомерность своего сообщения. В этой роли он воспринимает себя как целенаправленного субъекта, а адресата – как объект своего воздействия. Весь процесс общения предстает как запрограммированный переход от одной роли к другой.

Принятие субъектом речи роли адресата дает ему возможность, с одной стороны, добиться большей доказательности в своей речи, а с другой – создать иллюзию живого, личного общения с одним адресатом (а не с множеством адресатов), реакция которого и определяет характер развертывания общения (ср.: [Бгажников 1972]). Внесение в доброжелательные, неофициальные отношения оттенков интимности создает видимость *субъект-субъектных отношений* (*S – S*), «которые более адекватно характеризуют сущность человеческой коммуникации», представляющей собой осмысленную деятельность в человеческом (субъект-субъектном) мире [Ищенко 2004, с. 84]). Установленный характер взаимоотношений коммуникантов является внутренним условием возникновения между ними контакта, то есть той социально-психологической общности коммуникантов, сущность которой может быть выражена словом «мы».

Строя свою адресатную ситуацию в конкретном социальном времени и пространстве, субъект речи исходит из своего понимания коммуникационных потребностей адресата, его квалификационной специфики, типов межличностных отношений, исторически сложившихся в процессе коммуникационной деятельности в данной социальной группе. Иными словами, «Я» субъекта речи отражается в создаваемом им образе адресата. Этот образ адресата определяет иллокутивные цели субъекта

речи достижения им перлокутивного эффекта. Так, образ адресата определяет характер сообщаемой информации (соотношение эксплицитной / имплицитной фактуальной информации, фактуальной / подтекстовой информации), степень эмоционального и волевого воздействия. В одних случаях субъект речи отводит ведущую роль информированию, устанавливая сугубо деловые отношения с партнером (воздействие через информирование). В других случаях он избирает стратегию коллегиальной дискуссии, аргументируя, обосновывая свои утверждения о преимуществах рекламируемого товара, то есть использует такой метод психологического воздействия, как убеждение. В третьих – оказывает психологическое воздействие путем внушения, сводя общение к выражению своей эмоциональной восторженности рекламируемым товаром по поводу его исключительных, уникальных характеристик (зачастую не давая при этом каких-либо существенных обоснований), «заражая» адресата своим эмоциональным настроением, подчеркивающим свою демократичность по отношению к адресату, с которым он «на короткой ноге». Все эти типы воздействия тесно взаимосвязаны, но тем не менее в рамках н-т рекламы они образуют различные сочетания по степени проявления каждого из них. В зависимости от преобладающего типа речевого воздействия на адресата выделяются три типа н-т рекламы – *информирующий, убеждающий, внушающий*. Для каждого типа рекламы характерна определенная информационная программа. Информирющей рекламе свойственна *рациональная программа*, представляющая необходимый и достаточный объем информации для составления адресатом-специалистом представления о достоинствах рекламируемого товара и соотнесения этих представлений со своим профессиональным опытом. Для убеждающей рекламы ведущей является *рационально-оценочная программа*, то есть сообщаемые факты получают определенную оценку (приводятся аргументы, доказывающие экономические, технологические, экологические преимущества рекламируемого товара). Для внушающей рекламы характерна *эмотивно-оценочная программа*, привносящая в сообщаемую информацию эмоциональную окрашенную оценочность рекламируемого товара. Все виды информационных программ носят прагматический характер, поскольку информирование как через констатацию фактов, так и через рациональную и эмоциональную оценочность имеет четкую прагматическую направленность – направленность на достижение коммуникативного эффекта, то есть ожидаемой реакции адресата (перлокутивный эффект).

Наблюдаемое в этих информационных программах варьирование характера информирования свидетельствует об избирательном подходе субъекта речи к выбору стратегии реализации прагматической установки текста н-т рекламы, что находит свое отражение в характере соотношенности текста рекламы с определенными внетекстовыми компонентами. Так, для информирующего типа н-т рекламы соотношение внетекстовых компонентов предстает как «*денотат текста – субъект текста – адресат*». Для текста убеждающего типа – «*субъект текста – денотат – адресат*». Для текста внушающего типа – «*адресат – субъект текста – денотат*» (ср.: [Лившиц 1990]).

В *информирующем типе* н-т рекламы на первый план выносятся денотат: субъект речи ставит своей задачей как можно полнее представить информацию о денотате. В выборе сообщаемой информации он исходит из своего профессионального опыта. Иными словами, субъект речи проявляет себя в данном типе текста в двух ипостасях: в качестве информатора (*Я-1*), которому надлежит что-то сказать о рекламируемом товаре, и в качестве специалиста (*Я-2*), который определяет, что именно сказать. Субъект речи, таким образом, строит свое информирование, пропуская информацию через «себя-специалиста», а не через адресата, которого он воспринимает подчеркнуто отстраненно. И, как результат, диалог в рамках данного типа текста можно представить, интерпретируя (в соответствии со спецификой н-т рекламы) предложенные М.Н. Кожинной формы диалогических отношений в письменной научной речи, следующей схемой: (*Я-1 – Я-2*) – *Он* [Кожина 1998, с. 124–165].

В *убеждающем типе* рекламы субъект речи не просто информирует, а находит и выдвигает аргументы в пользу рекламируемого товара, которые, по его мнению, могли бы подвести адресата к осознанию необходимости приобретения предлагаемого товара как наиболее оптимального средства для решения его производственных задач. С целью добиться большей убедительности субъект речи эксплицирует свои приемы диалогичности и управления. Данные приемы проявляются в том, что субъект речи демонстративно проявляет свой интерес к адресату и его запросам и диалог имеет схему: *Я – Вы*.

Внушающий тип н-т рекламы носит ярко выраженный личностный характер. Субъект речи ставит своей целью не столько информировать и убеждать, сколько добиться тесного контакта с адресатом, с которым он стремится быть на «ты», воспринимая его как равного

себе или даже позволяя себе несколько покровительственный тон, поскольку он сообщает адресату о чем-то таком, что тому *совершенно еще неизвестно, неведомо*. Реализуемый данным типом н-т рекламы диалог имеет схему: Я – Ты.

Из вышеизложенного следует, что адресатные отношения в рамках текста н-т рекламы могут иметь разную степень проявления, поэтому значения адресованности в тексте н-т рекламы подразделяются на *прямые* и *косвенные*.

Прямые указатели адресованности характерны для убеждающего и внушающего типов англоязычной н-т рекламы, и следует отметить: они адекватны тем, что используются в торговой рекламе. Проиллюстрируем это следующими примерами, взятыми из заголовков рекламных текстов.

1. *Личные местоимения 1-го и 2-го лица*. Личные местоимения указывают на заинтересованный характер отношений субъекта речи к адресату, так как дейксис лица устраняет социальную дистанцию между коммуникантами.

а) *We're as good as our gold (Plating and Surface Finising February 1990)*.

Мы такие же хорошие (надежные), как и наше золото.

б) *Now you can find out about your mistakes on your factory floor faster than you can read this sentence (Material Handling Engineering November 1990)*.

Теперь вы сможете узнать об ошибках, допущенных на вашем предприятии, быстрее, чем вы сможете прочесть данное предложение до конца.

в) *We'll make this short and sweet (It took just 10 minutes) (New Idea June 1991)*.

Мы сделаем ее (глазурь для кексов) сладкой и быстрой в приготовлении (потребовалось лишь 10 минут).

2. *Притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица*. Используемые в качестве определения к названию предлагаемого субъектом речи рекламируемого товара (*наше* оборудование), а также целей, задач, непосредственно связанных с интересами адресата (*ваша* производительность труда), данные местоимения создают иллюзию непосредственного, личного общения с адресатом.

*Designed to match **your** process needs (Foundry M & T November 1990).*

*Спроектировано специально для **ваших** производственных нужд.*

***Your** opinions about these products are important! (New Idea September 1991).*

***Ваше** мнение об этих пищевых продуктах очень важно!*

3. *Вопросительные предложения, вопросно-ответные комплексы, предложения в повелительном наклонении выполняют контактоустанавливающую функцию. Названные конструкции вносят в рекламный текст ярко выраженные разговорные интонации, подкупающе действующие на адресата и провоцирующие его вступить в общение: они служат средством выражения расположения субъекта речи к адресату, проявления к нему живого участия, передаваемого в виде мягкого или, напротив, настоятельного совета, стимулирующего на нерешительного адресата, и многие нюансы и оттенки, типичные для межличностного по своему характеру общения.*

a) *What is the material handling world coming to? (Foundry M & T March 1990)*

К чему идет технология обработки материалов?

Is your baby ready for cow's milk? (New Idea December 1990)

Ваш ребенок готов пить коровье молоко?

b) *Fishing for sand? RBM Zircon is the answer. (Foundry M & T February 1991)*

Ищете подходящий песок? Циркон RBM – ответ на этот вопрос.

Recladding? Do it yourself and save thousands! (New Idea September 1991)

Покраска дома? Сделайте это сами и сэкономьте тысячи!

v) *Double the reliability of your Electric Motors! (Foundry M & T September 1990)*

Удвойте надежность ваших электромоторов!

Win a fabulous Lada "Cevaro"! (New Idea December 1990)

Выиграйте сказочную машину Lada "Cevaro"!

Вышеприведенные языковые средства эксплицируют адресованность текстов англоязычной н-т рекламы и торговой рекламы: создаваемый ими стилистический эффект связан с интенсификацией иллокуции субъекта речи.

В группу косвенных средств указателей адресованности текста англоязычной н-т рекламы (как и торговой рекламы) входят *лексические* (повтор, образные выражения) и *синтаксические стилистические приемы* (синтаксический параллелизм, нарастание), *прилагательные* во всех их степенях сравнения (*minimal maintenance* – минимальное профилактическое обслуживание, *greater penetration* – более глубокий провар, *highest standard* – высший стандарт), *наречия* (*absolutely* – абсолютно, *perfectly* – совершенно), вносящие положительную оценочность.

К косвенным средствам адресованности относятся также *паралингвистические средства*, которые можно подразделить в рамках текста н-т рекламы на две группы. Одна группа включает в себя такие средства, как пространственное размещение структурно-семантических звеньев, шрифт, пунктуацию. Данные средства непосредственно связаны с задачей субъекта речи – задачей воздействия на адресата. Вторая группа паралингвистических средств – иллюстрация, товарный знак – создают внешний фон протекания рассматриваемой коммуникации.

Исходя из сложности задач, стоящих перед заголовком, основным текстом и технической справкой, субъект речи англоязычной н-т рекламы придает большое значение необычности, оригинальности их пространственного размещения, служащего средством привлечения внимания адресата. Так, заголовок, имеющий, как правило, горизонтальное расположение, может размещаться «столбиком», «лесенкой» или более сложным образом и, если обвести заголовок по контуру, могут получиться самые разные геометрические фигуры: трапеция, шестиугольник, окружность и др. Отдельные элементы заголовка в целях их выделения могут иметь диагональное расположение. Заголовок иногда размещается таким образом, что разбивает основной текст на несколько отдельных частей. Подобное размещение заголовка, как бы вбирающего в себя текст, имеет свои положительные стороны: заголовок привлекает к себе внимание своей необычностью; дробя текст на мелкие отрезки, он облегчает прочтение текста; называя тему абзацев, заголовок указывает на характер заключенной в каждом из них информации, тем самым помогая адресату ориентироваться в этой информации. Говоря в целом, композиционное оформление текста призвано привлекать внимание адресата к тексту, расставлять зрительные акцен-

ты на его наиболее информативных фрагментах, подчеркивать «множественность» присущих рекламируемому товару достоинств.

В силу того, что общение, реализуемое текстом н-т рекламы, носит опосредованный характер, субъект речи не может прибегнуть к использованию таких паралингвистических средств, как мимика, жесты и др., с помощью которых можно подчеркнуть важность высказываемой мысли, придать ей большую силу и выразительность, как это обычно происходит в случае непосредственного контакта коммуникантов. Вместо этого субъект речи использует контрастный шрифт, типичная функция которого – поддержать, усилить высказывание. Так, с помощью контрастного шрифта субъект речи англоязычной н-т рекламы (как и торговой рекламы) создает нужный ему подтекст, то есть вносит дополнительную информацию, имеющую эмоционально-смысловой характер, выделяет в потоке высказываемых мыслей отдельные моменты, являющиеся ключевыми в реализации содержательно-концептуальной информации, делает на них упор, раздвигает границы их локального содержания. Шрифт подтверждает, повышает смысловую ценность высказывания. Заменяя субъекту речи жесты, мимические движения, интонацию, шрифт упрощает и ускоряет понимание, делает его адекватным тому, что хотел сказать субъект речи. С помощью различных комбинаций размера и насыщенности шрифта субъект речи добивается также внешней нестандартности, нешаблонности текста, повышает содержательность формы текста. Входя в арсенал средств, используемых субъектом речи в целях оказания психологического воздействия на адресата, шрифт вносит в текст н-т рекламы значительный объем содержательно-подтекстовой информации, имеющей субъективно-модальное значение.

Иллюстрация – это тот компонент текста н-т рекламы, который своим предметным содержанием проводит линию раздела между н-т рекламой и торговой рекламой, является внешним «сигналом» их отнесенности к разным сферам функционирования и, следовательно, их тематической разобщенности. Иными словами, иллюстрация служит маркером ситуации общения. Текст н-т рекламы отличается значительно большим разнообразием видов иллюстративного материала: он сопровождается не только фото и рисунками, показывающими внешний вид рекламируемого товара (что характерно для торговой рекламы), но и схемами, графиками, таблицами, отражающими взаимозависимость каких-либо переменных, а также фото и рисунками, показывающими рекламируемое оборудование в разрезе, оборудование в процессе

монтажа или демонтажа или его отдельные узлы. Функциональная роль иллюстрации в тексте н-т рекламы велика: рассчитанная на ценностную установку адресата, она привлекает к себе внимание, заинтересовывает его в содержании рекламного сообщения; заключая в себе определенные смыслы и отношения, она способствует адекватному пониманию этого сообщения; воспринимаемая и понимаемая в качестве системы знаков, иллюстрация исключает необходимость многословия и делает возможным лаконичное сообщение фактуальной информации. В силу значимости иллюстрации в создании перлокутивного эффекта текст н-т рекламы относится к категории текстов с полной креолизацией (ср.: [Анисимова 2003, с. 15]).

Субъекты речи англоязычной и русскоязычной н-т рекламы реализуют свое общение в едином для них лингвоперсонологическом пространстве – сфере науки и техники. Их речевое поведение детерминруется общими для них мотивами – обеспечить сбыт рекламируемых средств производства. Вместе с тем они привносят в текст особенности своего национального менталитета, сформировавшегося в условиях двух разных моделей культур, что проявляется в стратегии их общения с адресатом, в выборе способов и средств реализации адресованности. Характерные для культуры Запада активность, гибкость, рациональность, противоборство с Природой наделяют субъекта речи как языковую личность такими чертами, как волевая напористость, деловая хватка, деловая логика, эмоциональность, гибкое реагирование на ситуацию, манипулирование собеседником. Н-т реклама имеет дело с *ценностями мужского мира*, и субъект речи, руководствуясь своими знаниями оценочных стандартов своей социальной группы, правил и норм социальной практики, особенно в той ее части, которая связана с взаимодействием с другими людьми, строит свои отношения с адресатом по меркам этого мира – *жесткие, деловые, корректные*. Однако, сознавая, что успех решения коммуникативной задачи, связанной с психологическим воздействием на адресата, зависит от тональности общения, субъект речи стремится создать иллюзию *идеала «мужского мира»*. Он маскирует *«рыночные»* по своей сути отношения с адресатом (строящиеся по принципу «тебе нужно купить, мне нужно продать») под *партнерские отношения*: «Мы люди одного круга, и мы понимаем, что это хороший товар!» Доказывая, что «мы предлагаем надежное средство для решения *ваших* проблем!», субъект речи избирает, как правило, рационально-оценочную программу воздействия, в силу чего ведущим типом англоязычной н-т рекламы является убе-

ждающий, то есть модусно-диктумный тип. Прагматическая установка данного типа текста н-т рекламы на коммуникативный эффект (перлокутивный эффект) проявляется, в частности, в эксплицитном характере реализуемой им адресованности.

В противоположность сказанному, русскоязычная н-т реклама носит «мягкий» и эмоционально сдержанный характер: ведущим типом русскоязычной н-т рекламы является информирующий тип. Данное обстоятельство можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, русскоязычная н-т реклама функционирует немногим более десятилетия и, как результат, еще не имеет столь значительной исторической практики (по сравнению с англоязычной н-т рекламой) в плане разработок стратегий суггестивного воздействия; во-вторых, она не действует в условиях жесткой конкуренции; в-третьих, она несет в себе черты русского национального характера – неторопливость, пассивность, прямолинейность, противоположные активности, изворотливости, жесткому прагматизму, практицизму Старого и Нового Света. В силу названных причин русскоязычная н-т реклама в подавляющем большинстве случаев предстает как констатация факта существования некоего товара, предлагаемого вниманию адресата без какого-либо ощутимого психологического воздействия, давления на него: *Я предлагаю Вам купить товар – Ваше дело купить его или нет*. Вышеизложенное можно проиллюстрировать следующим образом: а) на 20 текстов русскоязычной н-т рекламы приходится 1 текст с эксплицитно выраженной адресованностью, в то время как в англоязычной н-т рекламе – все 20; б) на 1000 печатных знаков текста англоязычной н-т рекламы приходится от 6 до 10 языковых единиц со значением адресованности, в русскоязычной н-т рекламе – от 0 до 5 таких единиц. Преимущественное использование в русскоязычной рекламе константов (дискриптивов) отражает ее диктумно-модусный характер.

Адресованность в русскоязычной н-т рекламе эксплицируется *притяжательными местоимениями* (рентабельность *вашего* литейного производства); *перформативами* (*предлагаем, выполним, обучим, обеспечим*); *глаголами в повелительном наклонении* (*Повысьте производительность вашего литейного производства.*). Адресованность имплицитного характера передается некоторыми из косвенных средств реализации адресованности англоязычной н-т рекламы: *лексический повтор* (как правило, названия рекламируемого товара), *образные выражения* (например, *Время – деньги; Тихая революция!*), *прилагатель-*

ные (новая разработка, высокая надежность). Значительную роль в реализации адресованности в русскоязычной н-т рекламе играют паралингвистические средства.

На основе проведенного сопоставления представляется возможным сделать следующее заключение.

1. Адресованность является категориальным признаком текста н-т рекламы (как и торговой рекламы). Функционирование данной категории в рассматриваемом типе текста обусловлено прагматической установкой н-т рекламы на регуляцию социального поведения адресата.

2. Адресованность в тексте н-т рекламы может носить эксплицитный и имплицитный характер. Однако эксплицитный и имплицитный виды адресованности в рамках англоязычного и русскоязычного вариантов н-т рекламы имеют разное соотношение. Так, средства прямой адресованности (составляющие ядро полевой структуры категории адресованности) являются ведущими в англоязычной н-т рекламе (как и в торговой рекламе), в то время как в русскоязычной н-т рекламе ведущими являются косвенные средства выражения адресованности. Данное расхождение объясняется экстралингвистическими факторами культурологического порядка.

3. В качестве средств реализации семантико-стилистической категории адресованности в сравниваемых типах текста используются равноуровневые языковые средства (морфологические, лексические, синтаксические), а также разнообразные паралингвистические средства. Все названные средства, отражающие коммуникативно-прагматическое содержание текста рекламы, связаны функциональной и семантической общностью. Так, будучи объединены общим для них прагматическим значением – значением направленности рекламного сообщения на адресата с целью побудить его к покупке рекламируемого товара, они несут в себе значение *адресованности* как обязательный компонент их семантической структуры.

4. Средства, реализующие адресованность, являются полифункциональными, так как, наряду с адресованностью, они служат средством актуализации и выражения положительной оценки рекламируемого товара. Неся в себе такие компоненты значения, как *адресация*, *оценка*, *актуализация*, они, в силу своей полисемантической, служат действенным средством языковой манипуляции. В своей совокупности средства, реализующие функционально-семантическую категорию ад-

ресованности, определяют стилистическое своеобразие текста любого вида рекламы и текста н-т рекламы, в частности. Варьирование их комбинаторики отражает особенности национального менталитета и языковой способности субъекта речи как языковой личности.

Литература

- Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М., 2003.
- Бгажноков Б.Х. Личностно и социально ориентированное речевое общение // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. – М., 1972.
- Бровкина Ю.Ю. Газетное рекламное объявление как речевой жанр: риторический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2000.
- Ищенко Е.Н. Новая парадигма в дискурсивном поле современной философии // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 2004. – № 6.
- Кожина М.Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь, 1998. – Т. 2. – Ч. 2.
- Красильникова Л.В. Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995.
- Лившиц Т.Н. Реклама в прагматическом аспекте. – Таганрог, 1999.
- Чаплыгина И.Д. Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке: автореф. дис. ... док. филол. наук. – М., 2002.

СУБЪЕКТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ ЧАСТИЦАМИ¹

И.А. Нагорный

Ключевые слова: односоставное предложение, модально-предположительные частицы, субъектная перспектива высказывания, точка зрения говорящего.

Keywords: one word sentence, modal supposition particles, subject structure of the sentence, speaker's point of view.

Субъектная перспектива – аспект анализа предложения, с одной стороны, уже достаточно детально исследованный в отечественной ру-

¹ Статья написана при поддержке гранта Белгородского государственного университета.

систике, а с другой стороны, требующий дальнейшей разработки, в том числе применительно к отдельным типам предложений в современном русском языке.

Обращение к вопросу о субъектной перспективе глагольных односоставных предложений представляется целесообразным, поскольку базовые параметры, положенные в основу типологизации односоставного предложения, такие как степень отстраненности деятеля от действия, определенность, неопределенность, обобщенность деятеля, внеличностность события, не могут служить препятствием для внедрения в диктум глагольного односоставного предложения точки зрения говорящего, его субъективного мнения, а по-иному говоря, квалификативного модального фактора. Субъект проявляет свое присутствие вербализацией собственной точки зрения на событие, что неизбежно ведет, во-первых, к сближению объективного и субъективного слоев смысла в зоне односоставных предложений, «притягиванию» диктума модусом, а во-вторых – к усложнению субъектной перспективы односоставного предложения. Исследование данной проблемы в рамках теории переходности, разработанной В.В. Бабайцевой [2000], также представляется продуктивным, так как позволяет более пристально взглянуть на такие синтаксические явления, как снижение степени безличности собственно безличных предложений, экспликация зоны говорящего в личных глагольных односоставных предложениях и ряд других.

В статье предпринята попытка проследить особенности функционирования модально-предположительных частиц (*едва ли, вряд ли, словно, точно, авось, небось, будто* и под.) в глагольном односоставном предложении в аспекте расширения и углубления его субъектной перспективы. Основанием для актуализации данной проблемы послужила способность частиц фиксировать в предложении субъектную сферу говорящего. Указанная способность позволяет рассматривать модальные частицы как одно из средств соотношения высказываемого с действительностью в аспекте персональности.

Наличие субъективно-модального компонента устанавливает факт вербализации авторской точки зрения на событие и, следовательно, является показателем авторства произведенной модальной квалификации. В результате происходит утверждение позиции говорящего («я так считаю», «я хочу, чтобы собеседник понял, что я так считаю»). Функционирование модальных частиц в этом плане проявляет один из

аспектов категории персональности – соотнесение автора субъективно-модальных характеристик с говорящим.

С категорией персональности тесно связана проблема авторства, точки зрения говорящего, которая в настоящее время получила отражение в ряде направлений лингвистики и смежных наук, изучающих способы представления автора в структуре предложения, исследующих категорию субъекта, описывающих парадигмы авторизации, модусные рамки, средства дифференциации сущности и ипостасей субъекта-говорящего, модальные трансформации предложения.

Комплексные субъектные типологии, появившиеся относительно недавно, отталкиваются от языковой классификации, которая имеет широкую лингвистическую традицию. Типология субъектов, по мнению Н.К. Онипенко, должна опираться на «отнесенность субъекта к зоне диктума или зоне модуса», «семанτικο-синтаксический статус субъекта, вытекающий из его онтологического статуса» и «референциальную характеристику субъекта» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, с. 230]. Включение глагольных односоставных предложений с модальными частицами в классификацию, основанную на типологии субъектов и способе экспликации субъекта, должно преследовать определенные цели, в числе которых – установление статуса, которому соответствуют модальные частицы в семантической структуре поля персональности глагольных односоставных предложений. Последнее же невозможно осуществить без обращения к центральным проблемам субъектной перспективы предложения и определения сущности понятия «субъект» [Лекант 1976].

Экспликация и соотнесение в предложении диктумного субъекта («субъекта сообщаемого факта») и модусного субъекта («субъекта факта сообщения») позволяют выстроить субъектную перспективу предложения, «прочертить» ось между *Он* субъекта исходной модели и *Я* говорящего» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, с. 231]. Данная ось по большому счету есть перспектива между *Я*-личности и *Не-я*-вещи, поэтому должна рассматриваться как одна из сторон модусной характеристики предложения. Установление функциональной роли частицы в развитии субъектной перспективы односоставного предложения и обоснование критериев экспликации частицами определенных субъектных сфер в конкретных разновидностях данных предложений представляется важным, так как в итоге оказывается связанным с об-

щими проблемами авторства, обнаружения и описания способов диалогизации монолога.

Немаловажное значение здесь приобретает и вопрос о связи субъектной перспективы предложения с предикативностью. Суть его заключается в следующем. Модальность обуславливает присутствие в предложении субъектной сферы говорящего, что влечет за собой экспликацию развернутой или свернутой модусной рамки, в которой вербализуется способ соотношения высказываемого с действительностью. Персональность же, устанавливая соотношение между сферами диктума и модуса в предложении, определяет тип действующего (воспринимающего и т.д.) субъекта, а также факт совпадения или несовпадения субъектных сфер, то есть тоже «работает» на предикативность предложения.

Известно, что субъектная перспектива предложения бывает разной степени сложности. Минимальная степень сложности, базирующаяся на минимальном количестве диктумных субъектов, характерна для предложений, не осложненных вербализованным модусно-рамочным элементом. В таких предложениях эксплицирован только субъект (субъекты) базовой модели. Личные глагольные односоставные предложения в этом аспекте имеют четкий грамматический показатель наличия диктумной субъектной сферы – флексию глагольной формы (*Люблю грозу...*; *В дверь постучали*). Мнимо-безличные односоставные предложения также имеют грамматический фиксатор диктумной субъектной сферы – словоформу в Д.п. («дательный субъекта») (*Мне хорошо*; *Ему холодно*).

Расширенная субъектная перспектива имеет место в том случае, когда в семантической структуре односоставного глагольного предложения помимо диктумных субъектов эксплицируются субъекты модусной сферы (*Вряд ли возможно это сделать*; *Едва ли ему ответят*; *Словно бы подтаяло на улице*). Так как нормой для диктума является невыраженность модусной субъектной сферы (стремление диктума к модусному нулю), то ее экспликация всегда оказывается обусловленной интенциями говорящего, который считает необходимой вербализацию собственной точки зрения на описываемое событие. Усложнение субъектной перспективы односоставного глагольного предложения связано с увеличением количества субъектов, каждый из которых фиксирует отношение к модусу. Усложнение субъектной пер-

спективы, таким образом, связано с увеличением сложности модуса предложения.

В этом аспекте также необходимо определить нашу позицию. В глагольных односоставных предложениях модальные частицы являются элементами, либо расширяющими, либо уточняющими субъектную перспективу¹.

Для глагольных односоставных предложений характерной оказывается актуализация частицей субъекта модусной зоны S₄ (субъекта-говорящего, квалифицирующего субъекта). В данных предложениях так или иначе дано указание на факт присутствия говорящего, причем само наличие в структуре предложения модальной частицы уже предполагает такое указание – через вербализацию в предложении авторской точки зрения на событие.

Возможность наличия практически в любом глагольном односоставном предложении зоны S₄ обусловлена еще и тем, что отношения, в которые включены данные предложения, всегда устанавливаются говорящим, автором этого предложения. Субъект зоны S₄ при этом находится вне других субъектов, представляя автономное модусное ядро.

Действительно, субъектная зона S₄ – сфера говорящего – это высшая ступень в иерархии субъектов. Универсальность зоны S₄ состоит в том, что фактически все субъектные зоны оказываются открытыми для ее внедрения. В то же время сфера говорящего не является самодостаточной в том смысле, что она реализуется только на базе других субъектных зон глагольных односоставных предложений, принадлежащих области диктума. Субъект S₄ в данном типе предложений также не самодостаточен, так как его точка зрения не может быть эксплицирована сама по себе, вне объекта ее приложения. В этом, кстати, заключается одна из причин универсальности и открытости субъектной зоны S₄. Модусный субъект при этом должен быть наделен чертами, характерными для субъектов реактивного и информативного регистров: показателями регистровой принадлежности; способом участия в квалификации описываемого события; экспликацией собственной точки зре-

¹ В статье нами принимается концепция Н.К. Онипенко о различении пяти субъектных сфер в семантической структуре высказывания. Ученым предлагается следующая типология субъектов в зависимости от отнесения их к области диктума или модуса: 1. **Область диктума.** Зоны: S₁ – субъект базовой модели (субъект действия, состояния, качества); S₂ – субъект-каузатор (с предикатами физического действия и интерпретации). 2. **Область модуса.** Зоны: S₃ – субъект-авторизатор; S₄ – субъект-говорящий, автор высказывания; S₅ – слушающий (адресат) [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, с. 231].

ния на денотативную ситуацию; принадлежностью «точки зрения» автору высказывания. Модусный субъект, знаком присутствия которого в односоставном глагольном предложении являются модальные частицы, обладает указанными чертами.

Исходя из сказанного, модально-предположительные частицы в семантической структуре односоставного глагольного предложения должны быть охарактеризованы как средства экспликации позиции (а следовательно, и факта присутствия, «точки зрения») говорящего. Модальная частица – средство выражения авторского «я». Это имплицитное выражение «его» («я так думаю», «я так считаю»), указание на говорящего, на личную (субъективную, и значит – авторскую) окрашенность односоставного предложения: *Небось потеплело сегодня, – с надеждой проговорила она* (А. Иванов); *Как будто возле этих камней и взаправду испытываешь чувство гармонии и облегчения* («Крестьянка»). С одной стороны, модальные частицы – это формальные показатели авторского мнения (сомнения, предположения и др.) относительно квалифицируемого события, то есть элементы, «проявляющие» позицию говорящего, указывающие на авторство производимой квалификации. С другой стороны, эти же средства являются показателями некатегоричности мнения говорящего, «невывычиваемости» своего «я» с тем, чтобы предоставить собеседнику право самому решать, соглашаться с предоставленным ему видением события или нет. Это так называемое дипломатичное приглашение с правом на отказ.

Авторство предлагаемой адресату квалификации служит основой того, что модальные частицы всегда относятся к «я»-модусного субъекта. Они не могут относиться к «ты»-собеседника или к «он»-отстраненного лица. Любая попытка введения модальных частиц в смысловое пространство указанных лиц соотносит данные смысловые сущности со сферой говорящего, актуализирует данную сферу¹. Это обусловлено тем, что говорящий, как субъект речи, выполняет перед адресатом эпистемические обязательства, то есть несет свою долю ответственности за истинность / ложность утверждаемой им пропозиции

¹ Ср.: *Он (S₃=S₄) думал, что ему вряд ли (S₄) удастся испытать такую радость еще хоть раз в жизни* (Л. Леонов), где сферы S₃ и S₄ хотя и совмещены, однако не полностью, а лишь частично. Результат – синтезация двух точек зрения (субъекта-авторизатора и субъекта-говорящего) в одну, достигаемая через актуализацию позиции субъекта S₄, который, отождествляя свою точку зрения с точкой зрения авторизатора, вводит свою личность в смысловое пространство сферы S₃.

(или хотя бы за факт утверждения предлагаемой квалификации события).

Модификация по линии синтаксического лица в сфере модуса односоставных глагольных предложений сосредоточена на противопоставлении *Я*- и *Он*-модусной рамки. *Я*-модусная рамка характеризуется слиянием субъекта сознания (субъекта мыслящего) и субъекта говорящего. *Он*-модусную рамку образует несовпадение субъекта мыслящего и говорящего. Для *Он*-модусной рамки типично появление субъекта-авторизатора.

Модальная частица в глагольном односоставном предложении – вербализатор *Я*-модусной рамки. Субъект *Я*-модусной рамки отражает факт наличия мыслительной операции, указывает на «присутствие» говорящего, квалифицирующего событие, поэтому экспликация в глагольных односоставных предложениях только лишь *Он*-модусной рамки (без одновременного эксплицирования *Я*-модусной рамки) исключается.

Я-модусная рамка, вербализуемая модальной частицей, является рамкой свернутого типа. Присутствие именно такой формы представления говорящим своей позиции относительно объекта квалификации вполне объяснимо. Сворачивание модусной рамки обусловлено сферой функционирования односоставного предложения с частицей. В большинстве случаев это сфера разговорной речи, диалога, где свернутая модусная рамка служит компактным средством обнаружения позиции говорящего.

Свернутая модусная рамка в односоставных предложениях с модальными частицами, будучи внешней рамкой по отношению к диктуму, сосредоточена на актуализации субъективной информации, которая вводится для квалификации информации объективной¹. Субъект модуса и объект квалификации, с одной стороны, представляют собой сущности, отстраненные друг от друга как объект и его субъективная квалификативная характеристика, а с другой стороны, они, на наш взгляд, в большей степени, чем в сложных предложениях с развернутой внешней модусной рамкой (Ср.: *«Мне кажется, что...»*, *«Я считаю, что...»*), приближены друг к другу. Авторская модально-квали-

¹ Вычленение внешней модусной рамки характерно и для тех высказываний, в которых МПЧ корректируют семантические поля модальных компонентов, образующих внутреннюю модусную рамку: *Нет, едва ли можно ожидать, что оружейные магазины в Америке закроются из-за того, что где-то, кто-то убил несколько человек* (г.т.); *–Разве можно так думать про людей? – ответила девушка в кожаной куртке* (ж.т.).

фикативная характеристика события в глагольных односоставных предложениях с модальными частицами как бы внедряется в диктум и его субъектные сферы.

Главная задача введения свернутой Я-модусной рамки заключается в снятии на субъектном уровне противопоставленности диктума и модуса, имеющем место при развернутой рамке. Данный процесс завершается изменением соотношения диктума и модуса в пользу последнего: противопоставление диктума и модуса, имеющее место при развернутой Я-модусной рамке в сложном предложении, снимается, диктум глагольного односоставного предложения с частицей как бы смещается к модусу, начинает служить нуждам модуса. Результатом этого является, например, некоторое снижение степени безличности собственно безличных предложений (*Словно завечерело во круг; Вряд ли подтаяло на улице*), частичное нивелирование параметра личной обобщенности в обобщенно-личных односоставных предложениях с одновременным смещением последних к зоне определенно-личных предложений (Ср.: *К нему и на козе **вряд ли** подъедешь*).

Функционирование модальных частиц в составе глагольных односоставных предложений в рамках субъектной перспективы во многом обусловлено факторами, характерными для синтаксических лиц и степеней отстраненности лица. Остановимся в связи с этим на специфике расширения модальными частицами субъектных перспектив конкретных типов глагольных односоставных предложений.

Модально-предположительные частицы в рамках субъектной перспективы глагольного односоставного предложения работают в двух направлениях. Первое включает непосредственное эксплицирование субъектной зоны говорящего (S₄), причем модальная частица является единственным средством вербализации авторской точки зрения и, следовательно, сферы модусного субъекта. Второе направление сосредоточено не столько на прямой экспликации частицей зоны S₄, сколько на ее дополнительной актуализации. Это обусловлено тем, что в односоставном предложении, кроме модальной частицы, имеются другие экспликативы субъектной сферы говорящего. Модальные частицы в этом случае выступают в качестве локализаторов зоны S₄.

Нужно отметить, что локализация зоны S₄ модальными частицами осуществляется в безличном типе односоставного предложения. Локализация зоны происходит достаточно редко и только в определенной структурной разновидности безличных односоставных предложе-

ний, где модусный субъект вербализован формой *мне*: *Мне (S₄) вряд ли (S₄) нужно было это знать* (А. Казанцев). В этом случае модальная частица не является единственным экспликатором зоны S₄, а лишь актуализирует ее.

Экспликация модальными частицами субъектной зоны S₄ в глагольных односоставных предложениях осуществляется более разнообразно. Здесь, как уже говорилось, модальная частица является единственным экспликатором субъектной зоны S₄. Такой способ модальной квалификации характерен для неопределенно-личных, обобщенно-личных и части безличных односоставных предложений¹. Фактор

отстраненности действия от деятеля-говорящего служит одной из причин вербализации авторской точки зрения в виде свернутой Я-модусной рамки.

Нормой для неопределенно-личных предложений считается грамматическое представление деятеля как неопределенного, неизвестного или специально устраненного из сообщения. Говорящий отстранен от независимого действия. Позиция субъекта может быть занята словоформами, которые указывают на лицо, однако указание это косвенное, отнесенное к совокупности лиц или отдельному лицу, а грамматически представленное не формой базового субъекта модели.

Экспликация МПЧ субъектной зоны S₄ производится в данных предложениях следующим образом. Зона S₃, вербализуемая в неопределенно-личных предложениях глагольной формой, не сливается с зоной S₄, поэтому о совмещении зон, как это имеет место в ряде двусоставных предложений (*Он думал, что **вряд ли** сюда вернется (S₃=S₄)*), не может идти речи. Зона S₄ автономна, обособлена от зоны S₃: *В комнате как будто говорили (ж.т.); Спросите какого-нибудь представителя племени акхе или мяо: почему он рискует, из года в год занимаясь запрещенным промыслом? Вам **вряд ли** ответят (г.т.); И тут я немного замешкался. **Вроде** снова постучали в дверь напротив, – тихо, но отчетливо (Л. Пантелеев)*. Модусный субъект отстранен здесь от субъекта (субъектов) сферы S₃, занимает позицию наблюдате-

¹ Определенно-личные глагольные односоставные предложения в статье не рассматриваются, однако отметим, что для данного типа односоставного предложения экспликация частицами субъектной зоны говорящего также характерна, однако в первую очередь для определено-личных предложений, в которых главный член представлен формой 2-го лица ед. и мн. числа. Малопродуктивной оказывается в этом плане форма 1-го лица. Формы повелительного наклонения непродуктивны.

ля. С помощью модальной частицы говорящий обособляется от группы лиц, исключает себя из их числа: – *Чай, не доверяют ему теперь стадо, – сокрушался дед Степан* (ж.т.); *Нам сделают прививку едва ли к лету будущего года* (г.т.).

При развертывании субъектной перспективы зона S_4 также остается несомненной с другими субъектными зонами (Ср.: *Его (S_3) как будто (S_4) считали (S_3) разумным человеком* (В. Михайлов); *Не приглашают (S_3) тебя (S_5), что ли (S_4)?* (В. Шукшин); *Видел Серебряков ту небрежную закорючку красным карандашом? Ордер вряд ли (S_4) ему (S_3) предъявили (S_3)* (г.т.).

В предложениях с обобщенным значением лица модальные частицы зафиксированы в единичных случаях. Эта особенность обусловлена спецификой семантического поля данных конструкций. Здесь обозначено действие, которое может быть отнесено ко всякому, любому лицу, то есть действие абстрагированное (обобщенное). Актуализировать модально-кваликативные смыслы (сомневаться, предполагать и т.д.) по поводу такого действия говорящему приходится лишь тогда, когда это обусловлено его коммуникативным заданием: желанием в завуалированном виде, ненавязчиво эксплицировать свою точку зрения, выявить таким образом свой взгляд на ситуацию, для описания которой используется данный способ представления информации, соотносить высказываемое с конкретной речевой ситуацией («здесь» и «сейчас»). Личность говорящего при этом не выдвигается на первый план и не противопоставляется обобщенному количеству субъектов: *Отшельника на людях вряд ли встретишь* (г.т.); *Вроде делаешь-делаешь, стараешься-стараешься... а все напрасно* (ж.т.).

Нормой для обобщенно-личных предложений считается неэкпликация модусного субъекта, что приводит к внедрению зоны S_4 в зону S_1 : говорящий включает себя в состав внутреннего субъекта, так как предстает здесь не только как отдельный, но и как любой и всякий субъект. Последнее затрудняет выведение зоны S_4 из зоны S_1 : *Можно представить, сколько было тогда у вас волнений, – замечает Заболотный. Да вряд ли и волнением назовешь то состояние* (О. Гончар). Указание же на факт наличия S_4 при помощи МПЧ служит сигналом стремления говорящего уточнить «свое» видение события, например: – *Но ведь сегодня вряд ли найдешь человека, который скажет, что он не желает перестраиваться* (г.т.); *Безумно хочется весны, Ведь серд-*

цу не прикажешь, Такие нынче снятся сны... Ну разве перескажешь! (Т. Иноземцева).

Вычленение свернутой Я-модусной рамки является показателем того, что субъект хотя и не стремится к типичной для предложений такого рода передаче личной точки зрения в нейтрально-обобщенном виде, тем не менее не противопоставляет ее другим точкам зрения: *Небось и не подумаешь, что три дня как из армии демобилизовался* (ж.т.); *Какие бы ни велись споры о порядке, вряд ли отыщешь людей, которые не любили бы удобство и чистоту в доме* (г.т.). В подобных предложениях отмечен процесс объективации модуса: сам модусный субъект представлен как обобщенный, а в речи такие предложения воспринимаются как выражение акцентированного мнения говорящего. Формальная невыраженность диктумного субъекта ведет, в принципе, к необязательности его экспликации модально-персуазивным средством. Если же это имеет место, то всегда причинно обусловлено.

В безличных предложениях субъектная зона S₄ при экспликации ее с помощью модальных частиц представляет самостоятельную область. Она выделяется как коммуникативный центр высказывания вне зависимости от того, в какой разновидности безличных предложений эксплицируется: *Вряд ли можно и должно требовать от учеников шестого класса полного раскрытия художественного образа* (М. Снежная); *Положили начало и пошли каждый куда ему следовало на ночной покой, но только бог весть отчего и зачем всем что-то в ту ночь не спалось и было как будто жутко и беспокойно* (Н. Лесков); *Выбрал такой предлог, что будто бы надо самому ехать лекарем для лошадей у травщиков набрать, и поехал, но поехал не спроста, а с хитрым подходом* (Н. Лесков); – *А “счастья” нет! – шепчу я безнадежно: – Ужель найти его не суждено? И вдруг... сирень отброшена небрежно: Шаги – ты здесь... О счастье! Вот оно* (Т. Щепкина-Куперник); *Ведь в горах едва ли будет тепло ближайшую неделю, поэтому вопрос снаряжения приобретает особую остроту* (А. Казанцев). Причиной свободного наложения авторской квалификации является безотносительность выражаемого действия к деятелю, субъекту. Зона S₄ свободно внедряется как в собственно безличные, так и в мнимо безличные предложения. И то, что, например, в собственно безличных предложениях субъектная перспектива зафиксирована, заставляет вести речь, во-первых, о специфическом взаимодействии диктума и модуса в данной разновидности безличных

предложений, а во-вторых, – о промежуточном положении подобных безличных предложений между собственно безличными и мнимо-безличными с дательным субъекта.

Таким образом, в глагольных односоставных предложениях модальные частицы выступают и как экспликатеры, и как актуализаторы субъектной зоны говорящего, однако экспликация данной зоны является более частотной операцией, нежели ее актуализация. Это объяснимо, поскольку при экспликации зоны говорящего базовым субъектом ее дополнительная актуализация при помощи модальной частицы, как правило, требуется только в тех случаях, когда квалификация говорящим собственного мнения действительно необходима, исходя из прагматически обусловленных факторов, в первую очередь фактора интенсификации. Говорящему, актуализирующему зону S_4 , важно, чтобы адресат обратил внимание на то, что производимая модальная квалификация собственного мнения представляется субъекту значимой в аспекте речевого воздействия на адресата.

В заключение отметим, что намеченные нами проблемы в области субъектной перспективы односоставного глагольного предложения являются, на наш взгляд, перспективными для исследования, поскольку связывают формально-грамматический аспект изучения односоставного предложения с функционально-семантическим и прагматическим аспектами. Интегративная разработка данных аспектов позволит глубже проникнуть в синтаксическую природу односоставного предложения, точнее осмыслить диктумно-модусную организацию данных предложений, описать в действии процесс снятия четкой противопоставленности диктума и модуса. Предпринятый анализ глагольных односоставных предложений позволяет сделать предположение о том, что глобальное явление переходности имеет способность распространяться и на данный тип предложения в аспекте усложнения его субъектной перспективы субъективно-модальными квалификаторами.

Литература

- Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000.
Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.
Лекант П.А. Синтаксические категории субъекта, лица, агенса в структуре простого предложения // Лингвистический сборник: Проблемы русского языкознания. – М., 1976. – Вып. 5.

ЖИЛИЩЕ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ НАРОДА САХА

Н.К. Данилова

Ключевые слова: традиционная культура, картина мира, символика, якутское жилище, пространство, мировоззрение.

Keywords: traditional culture, picture of the World, symbolics, the Yakut dwelling, space, outlook.

Жилище – один из ключевых символов культуры, являющийся средоточием «своего» в контексте ритуальной культуры. Как известно, его связь с человеком неразрывна. Жилище представляет собой пространство в пространстве, являющееся хранилищем семейных и культурных традиций, при этом выполняет апотропеическую функцию – оберегает жизнь человека в природном мире и выступает как главный символ «человеческого существования».

Человек на протяжении всего своего жизненного пути (как земного, так и неземного) наделен своим пространством. В утробе матери зародыш находится в первичном пространстве *о5о хаата*. После рождения ребенка ему делают колыбель (*буһук, о5о уйата*)*, затем человек обзаводится своим жилищем – домом. После смерти его отправляют в потусторонний мир в последнем собственном пространстве – гробу. Гроб в данном случае служит эквивалентом жилища (колыбели) в ином мире.

Строительство нового жилища – это наделение человека статусом полноценного хозяина собственного пространства. Являясь концентрированным выражением очеловеченного пространства, жилище формирует следующие бинарные противопоставления: Культура – Природа, внутри – снаружи, человеческий – нечеловеческий. Так, в дихотомии Культура – Природа «свой – чужой» кодируется через оппозицию дом – недом. Т.В. Цивьян отмечает, что «в оппозиции внутренний / внешний дом является носителем признака – внутренний; оппозиция внутри / снаружи заменяется на дом / снаружи; оппозиция внутренний / внешний – принадлежащий дому / принадлежащий внешне-

* Если ребенок умирал в младенчестве, колыбель превращалась в его гробик. По некоторым сведениям, труп ребенка, положив в колыбель, помещали внутри могильника какого-нибудь родственника [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 795, л. 14].

му миру может быть интерпретирована как оппозиция принадлежащий культуре / не принадлежащий культуре (неочеловеченный)» [Цивьян 1978, с. 74].

Пространство за пределами жилища в определенные отрезки времени непосредственно наделялось признаками «инога». Наиболее опасным для человека временем является время от заката до рассвета. В связи с этим практически у всех народов существуют аналогичные поверья, например: на ночь нельзя оставлять на улице одежду, особенно маленьких детей (вселится злой дух, могут нанести порчу), после ужина сразу убирают посуду со стола, не оставляют еду или открытыми сундуки и ящики и пр.

Вообще, вечер, ночь – это время суток, требующее строго ритуализованных действий со стороны человека. Считается, что это наиболее подходящее время для проведения большинства ритуально-практических действий, так как сверхъестественные силы приобретают свою мощь и могут вступить в контакт с человеком, а в мифопоэтическом контексте вечер-ночь рассматривается как начало созидательного акта творения. Именно поэтому ритуальные гадания совершаются вечером и называются «*танха кизэнтэ*» ('вечер танха'), эпические сказки и олонхо рассказываются поздно вечером и т.д.

После похорон наступает *дьааһык кизэнтэ* (букв. 'вечер ящика – гроба'). Вилуйские якуты говорили: «*куһа5ан сах, быһылааннаах кизэһэ, былдьаһыктаах кизэһэ, арангас кизэһэ*» (досл.: 'плохое время, сопровождаемое бедой, несчастьем бывает вечер арангаса'), поэтому не рекомендовалось ходить в гости, в лес и вообще без причины находиться на улице и шуметь.

Как известно, во время проведения погребальных обрядов проход в «иной мир» открывался для умершего, следовательно, злые силы могли «разгуливать» в поисках «очередной жертвы» вне пространства дома. Поэтому человек старался ничем не привлекать их внимание.

Отделяя человека от внешнего мира, жилище служило для него универсальной точкой отсчета в пространстве. И в этом смысле каждый человек рассматривал свой дом как центр мира и средоточие своего пространства – покидая «свой» дом и попадая в «чужой» (внешний) мир, человек лишался покровительства первого. Отсюда и столь высокая степень ритуализации действий, совершаемых перед отправлением в путь и любым выходом из дома. Так, Е.Н. Романова в своей монографии «Люди солнечных лучей, с поводами за спиной», рассматривая

мифологему пути-дороги, выделяет ее как отдельную категорию традиционной культуры народа саха. Существовал своеобразный этикет для «уходящих из дому», так как соблюдение всех правил для отъезжающих в пространстве дома было гарантией их успеха в пути [Романова 1997, с. 51].

В традиционном мировоззрении жилище выступает как источник жизненной силы человека. Жилище рассматривается как своеобразная оболочка, внутри которой находится человек. Сохраняя человеческое тепло, жилище, как и одежда (в некотором смысле дом та же одежда, только вынесенная за пределы человеческого тела), дает искомое чувство защищенности, комфорта, наделяет его жизненной силой и выступает как материнская утроба. В этом контексте необходимо обратить внимание на обычай захоронения последа внутри жилища.

Безусловно, права М.М. Содномпилова в своем предположении, что такой обычай захоронения последа ребенка может быть связан с представлением образа жилища «как хранителя жизненной силы человека» [Содномпилова 2005, с. 45] и с культом предков, так как захоронение последа – двойника ребенка – означало уход в мир предков.

Согласно традиционным представлениям якутов, жилище – юрта – представляет реальную защиту от «иногo влияния» только представителям одного рода – *а5а ууһа*. Поэтому якуты ни в коем случае не обживали заброшенную юрту и на месте старого пепелища не строили новое жилище. Главной обязанностью главы семейства или старшего члена семьи было при помощи гадания найти то место, где можно возвести новую юрту.

Жилище в ходе строительства наделялось своим трансцендентальным микромиром различных домашних сверхъестественных существ – *иччи* (*Дьизэрдэ Бахсылыына* – ‘дух-хозяин главной матицы’, *Хатан Тэмизэрийэ* – ‘дух огня’, *етех иччитэ* – ‘дух жилища’), которые, если в силу каких-нибудь обстоятельств жилище опустеет, навсегда там оставались и, следовательно, препятствовали вторжению членов чужого рода.

Статус дома-жилища предполагает обязательное присутствие внутри него человека. Связь с живым весьма существенна и значима для жилища, поскольку оно обладает единством с заключенной в нем жизнью. Система отношений жилище / человек основывается на взаимном обогащении жизненной силой и положительной энергией.

Установление подобий между человеком и жилищем, а также между жилищем и одеждой прослеживается в фольклоре якутов. Эти представления сохранились, в частности, в загадках: *Мааны киһи алаас ортотугар ере уллэн турар уһу, хотун дьахтар хонуу ортотугар хоройон турар уһу* ('Нарядный важный человек стоит посреди аласа, важная госпожа стоит посередине луга (юрта, ураса)'); *«Миигинэ суох ханна да олоруоххут суоһа», – диир киһи баар уһу*. ('Говорят, некто твердит: «Без меня вам негде жить» (юрта)'); *Тойон киһи туерт дулба-лаах уһу* ('Говорят, у важного тойона четыре кочки (юрта)'); *Бутэй айахтаах бере сутуруо баар уһу* ('Есть, говорят, штаны-сутуро из волчьего меха с глухим поясом (юрта)'); *Алаас ортотугар бэргэхэ туһэн хаалбыт уһу* ('Говорят, посередине аласа чья-то шапка упала') и др. [Саввин 1939, л. 34–67; Якутские загадки 1975, с. 227].

Определенного внимания заслуживает символическое значение толкования «языка сновидений», связанных с жилищем. «Во сне огораживать дом богатого якута – к должности. Видеть во сне новый дом – к смерти. Увидеть развалившимся дом или камелек – к смерти хозяйки» [Худяков 1969, с. 206]. Изгородь в традиционном обществе отражает представление о защищенности, освоенности. Оберегая домочадцев от потусторонних сил, огороженный участок обеспечивал противопоставление внешнему миру. Вещное оформление границы являлось символом человеческого пространственного мира. Отсюда толкование первого сновидения – к должности или благополучию человека. Строительство нового дома интерпретировалось как формирование новой оболочки для души человека [Содномпилова 2005, с. 46]. В «языке сновидений» женщина выступает как «культурный символ домашнего очага» [Романова 1997, с. 30], поэтому развалившиеся дом или печка отождествляются именно с женщиной. Аналогичные сведения обнаруживаются и в толкованиях снов других народов Сибири.

Жилище не может существовать без человека, как и человек без жилища. Бездомный человек всегда считается ущербным, так как нарушается установленное гармоничное равновесие. Без людей жилище теряет свой статус *Дома*, превращается в свою противоположность *Недома*. В символической классификации пространства брошенные, нежилые дома обладают устойчивой негативной семантикой, они становятся прибежищем злых духов – *абаасы*, *уер* – и противоречат своему естественному предназначению – защите жизни.

Защищая человека, оберегая его от опасностей внешнего, постоянного ему мира, дом требовал в свою очередь особого к себе отношения. В первую очередь это касается регламентированного поведения в доме. «В самом общем смысле, – отмечает А.К. Байбурин, – область освоенного – это область правил, запретов и предписаний» [Байбурин 1983, с. 18]. Так, не допускалось громко ссориться, кричать, запрещалось отряхивать снег или пыль с одежды, свистеть и т.д. внутри юрты. Такие поверья известны у многих народов.

Особые ритуализованные действия совершались при проведении обрядов жизненного цикла.

При рождении ребенка огороженный участок с роженицей становится сакральным центром между миром природы и миром людей. Три дня после рождения ребенка в юрте обитает *Айыысыт Хотун* – ‘покровительница роженицы и ребенка’. В это время домочадцы разговаривают шепотом, стараются не стучать посудой, ходят тихо, дабы не вспугнуть ее. По истечении этого срока проводят обряд проводов богини *Айыысыт Хотун*, при котором мужчины покидают юрту. После этого юрту окуривают дымом, таким же образом очищаются роженица, ребенок и повитуха, закрывается проход в «мир природы». Окончательно юрта приобретает свой прежний статус только по истечении срока дней (как и новорожденный и роженица).

При проведении свадебных празднеств в семейный коллектив жениха (в пространство юрты) входит невеста, а из ее дома (из другого пространства) убывает один из членов семьи. Поэтому в первую очередь задабривают духа-хозяина очага *Хатан Тэмизрийэ* белой жертвой (молочной), так как он является сакральным хранителем как пространства жилища, так и его жизненной силы¹. В первом случае – чтобы отпустил, во втором случае – чтобы принял. В юрте жениха устанавливают берестяную занавеску невесты *хантахчы сабыыта*. В этом случае занавеска выступает в качестве материнской утробы, внутри которой невеста перерождается из прежнего статуса в качественно новый статус замужней женщины. Через три дня невеста, сняв свадебное

¹ Сразу после рождения ребенка подносят к огню, происходит своеобразная демонстрация / представление главному божеству жилища *Хатан Тэмизрийэ* – ‘духу-хозяину домашнего очага’. Существует поверье, что, если в это время пламя огня трещит, искрится – ребенок будет счастливым и удачливым: если девочка – хорошей матерью, если мальчик – удачным охотником. В это время вместе с дымом ребенок подпитывается энергией, «живительной силой», ему ставят метку – мажут его лоб золой. И только после этих процедур он становится полноправным членом семьи.

одеяние, нарядившись в домашнюю одежду, собрав волосы в узел, выходит в «свет». Следует отметить, что как место родов, так и *халпахчы* устанавливаются в западной стороне юрты, а западная сторона связана с луной – *женским началом* [Гоголев 2002, с. 27]. Гроб же ставили в северо-западной стороне юрты, так как отсюда душа покойника следует в последнее путешествие по миру людей и отправляется в «мир мертвых». По материалам В.М. ИONOVA, «страна смерти» находилась на «северо-западе», а не просто под землей. Она начинается со щели, которая является дверью в нее «*елюю суола чемерюйэн туюстют юс бурюктээх юедэн туюгэсэ*» (дорога смерти, идущая вниз, подшитое тремя швами дно) [Гоголев 2002, с. 27].

Если в двух первых случаях жилище контактирует в основном со светлыми божествами, то при смерти человека в жилище проникают злые духи. С момента смерти человека его юрта и все его домочадцы становились нечистыми. В юрту, где жил покойник, никто из посторонних не заходил и не встречался с его домочадцами. Это объяснялось тем, что в теле покойного обитает *абаасы*, съевший человека, осквернивший не только тело умершего, но и юрту, где он умер [Приклонский 1890, с. 164]. С этим был связан обычай оставлять жилище после похорон, а также целый ряд запретов и обрядов, которые должны были соблюдать родственники умершего. Обязательным считалось проведение обряда очищения «*арчы*». Юрту как внутри, так и снаружи окуривали дымом костра, разожженным лучинкой от разбитого молнией дерева. Считалось, что вокруг юрты кружились разные мелкие духи, пришедшие на запах смерти, от которых нужно было предостерегаться, наглухо закрывать все хозяйственные постройки и изгороди, чтоб они не садились, не переворачивали сани [Бравина 1996, с. 100–101].

Так, в своем поведении в доме человек исходил из стремления не допустить нарушения довольно хрупкого равновесия между «своим» и «чужим», которое постоянно меняло свои границы, то приближаясь к человеку, то отдаляясь от него, в зависимости от времени и ситуативных моментов.

Рассматривая жилище в традиционной культуре, нельзя не упомянуть о весьма значимой его характеристике: согласно народно-мифологическим представлениям, дом является мультиплицированной моделью Космоса. «Дом – это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим. Человек создает для себя мир / дом по

образу внешнего мира, но приспособлявая его к своим размерам» [Цивьян 1978, с. 73].

В пространственном значении юрта выступает как один из кругов мезокосмоса¹. Точкой отсчета, центром, воплощением мирового дерева является печь – камелек. Наряду с сакральным предназначением, камелек является разделителем между двумя локациями (мужскими и женскими половинами). В любом случае положение вещи или человека в жилище рассматривается относительно камелька. По правую сторону камелька находится мужская и по левую – женская половины. Внимание человека, вошедшего в юрту, первым делом обращается на символический центр пространства – камелек. По этикету якутов, гость сначала подходит к камельку, протягивает руку к огню, демонстрируя свое доброжелательное отношение к семье и как бы показывая, что в руках у него нет оружия, и только после этого произносит приветственное слово: «*Кэпсиэ?*» («Что расскажете?»). В противном случае воинственно настроенный человек первым делом гасит огонь в камельке и разбрасывает угли острием меча – *батаһынан оһох уотун булкуйар*. Таким образом происходит символическое «убийство» духа огня, тем самым обрывается связь между членами коллектива и их покровителем, духом-хозяином очага *Хатан Тэмизрийэ*. Камелек, как и дом, выполняет функцию убежища и укрытия.

Вся жизнь якутского человека вертится вокруг камелька. Будучи ребенком, он проводит бесконечные дни возле него, спасаясь от холода и голода. Взрослея, человек пытается всеми силами поддерживать огонь в своем очаге. Незатухающий огонь в камельке означал, что жизнь в этой юрте поддерживается и продолжается, он был символом жизни. Как единственный источник тепла, камелек имел огромное значение в духовной жизни народа. Дух-хозяин домашнего очага *Хатан Тэмизрийэ* являлся покровителем якутского рода, через него люди могли общаться с духами и божествами, все ритуальные действия происходили при его посредничестве. Этот дух считался очень обидчивым, поэтому люди все время пытались замаливать и задабривать его раз-

¹ Первый круг мезокосмоса – Вселенная (*Кинкиншир Киэн Куйаар*), центр – Мировое дерево (*Аал луук мас*); второй – Средний мир (*Орто дойду*), центр – ствол Мирового дерева (в мифопоэтике народа Саха указывается, что центром Нижнего мира выступает корень МД, а Верхнего мира – крона дерева); третий – хозяйственно освоенное попространство *алаас*, центр – священное дерево (*Ытык мас*); четвертый – двор (*тиэргэн*), центр – коновязь (*сэргэ*); пятый – юрта (*балабан*), центр – печка (*камелек*).

личными жертвоприношениями. Культ огня у якутов включал почитание огня вообще и поклонение перед духом-хозяином огня.

В мифологическом плане камелек-очаг соотносился с образом женщины. Кроме того, камелек символизировал саму хозяйку жилища. В. Серошевский отметил, что «парни высматривают себе невест по состоянию камина, по нему судят, хорошие ли в этом доме хозяйки, стоит ли брать в жены» [Серошевский 1993, с. 342]. В текстах-загадках образ камелька задавался через образ женщины. «*Суон-суон Суонпуя, кэтит-кэтит Кэтириинэ*» ('Толстая-претолстая Софья, широкая-преширокая Катерина'), «*Хотун дьахтар илин диэки керен туран баттах тараана турар уһу*» ('Почтенная госпожа-женщина, смотря на восток, расчесывает волосы') [Якутские загадки 1975, с. 230; Сойкконен, л. 17] и др. В «языке сновидений» камелек соотносится с образом женщины: разрушение камелька, затухание огня очага означает смерть хозяйки, а если сыплются кусочки глины – умирает девочка [Романова 1997, с. 30]. Если увидеть во сне новый, только что сформированный камелек, то это означает, что в дом войдет новая хозяйка.

Видимо, поэтому невеста, войдя в юрту жениха, первым делом разводит огонь в камельке – чтобы дух-хозяин очага принял ее как нового члена семьи и наделил творческим началом. А роженица огнем домашнего очага проводит обряд очищения, который заключался в восполнении утраченной силы плодородия во время родов.

В современных домах-срубках печь также пользуется большим почитанием. Говорят: «*Оһох иннэ сыыстаах буоллабына, берукутэ суох хаһаайкалаах*» ('Если у печки сор, то хозяйка неважная'). Поэтому хорошие хозяйки повсю стараются содержать печь в хорошем виде. Как и их далекие предшественницы, которые обмазывали свои камельки каждую весну новой глиной, современные хозяйки обычно весной и осенью красят печь известью. Причем старые женщины обмазывают известью поверхность не кисточкой, а руками. Женщина, взяв в руки глину (известь), «осваивала» пространство, превращая «чужое» пространство в «свое» [Романова 1997, с. 31].

Вид ухоженной печи придает дому уют, теплоту, достаток и здоровую домашнюю атмосферу. Если внешний вид печи неважен, то сразу замечают, что семья живет неблагополучно. Про семью, которая отличается негостеприимством и высокомерностью, говорят: «*Тымныы оһохтоох ыал*» (досл.: 'Семья с холодной печью').

В старинных проклинаниях говорится: «*Кюлэ, кюлэ кюлгюн тап-тайыам, буруобун умуруоруом*» ('Смеясь, потопчу твою золу, потушу огонь'). Это означало, что проклинатель расправится со всеми жильцами этого дома. Если огонь в очаге поддерживался, зола не затухала дотла, это означало продолжение жизни членов семьи. Поэтому в благопожеланиях-алгысах говорят: «*Ус уйэ тухары уоккут умуллуба-тын, тобус уйэ тухары буруобут унаардын*» ('Пусть три века не затухает огонь, девять веков дым идет от очага'). Пожелание продолжения и процветания рода считалось самым ценным.

В прощальных обрядах печь символизировала связь уходящего с домом и его обитателями, прежде всего с матерью. Именно у печки начиналось расставание с домом. Путник брал золу с собой, заворачивал в тряпочку и, как часть своего дома, своего «пространства», носил с собой. Когда тоска по дому становилась особенно сильной, он нюхал этот мешочек с золой, и тоска по дому должна была исчезнуть.

Известно, что печь и печная труба воспринимаются как вход во внешний мир, а заслонка – как барьер, отделяющий от него домашнее пространство. В ситуации ухода эта граница открывается [Щепанская 2003, с. 42].

Таким образом, печь-камельек является в обрядах символом связи с домом, центром пространства, вокруг которого вертится жизнь, и одновременно представляет собой границу, где начинается деление дома. Огонь в очаге символизирует жизнь, от него исходит жизненная сила человека. Женщина от огня восполняется продуцирующей силой. По виду печи определяется статус и положение хозяев в доме, от нее начинается дорога вовне, а пространство приобретает линейную структуру пути.

Как известно, космогонический акт Сотворения Мира начинался с некоего центра, а в пространстве дома этим центром был очаг.

Литература

- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.
Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов XVII–XIX вв. – Якутск, 1996.
Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. – Якутск, 2002.
Приклонский В.Л. Три года в Якутской области // Живая старина. – 1890. – № 4.
Романова Е.Н. «Люди солнечных лучей, с поводами за спиной» (судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). – М., 1997.
Саввин А.А. Архив ЯНЦ СО РАН. 1939. Ф. 5, оп.3, ед. хр. 523, л. 67; Ф. 5, оп. 3, д. 795, л. 14.

- Серошевский В.Л. Якуты. – М., 1993.
Содномпилова М.М. Семантика в традиционной культуре бурят. – Иркутск, 2005.
Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов. (XIX – нач. XX вв.) – Якутск, 1989.
Сойконен И.П. Загадки. Архив ЯНЦ. Ф. 5, оп. 3, ед. хр. 858, л. 17.
Худяков И.В. Краткое описание Верхоянского округа. – Л., 1969.
Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1978. – Вып.10.
Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М., 2003.
Якутские загадки. – Якутск, 1975.

КАЛЕНДАРНАЯ ЛИРИКА ПОЭТОВ «СУМАРОКОВСКОЙ ШКОЛЫ»

Н.Ю. Абузова

Ключевые слова: лирика, пейзаж, мирообраз, традиция.

Keywords: lyrics, tradition, landscape, outlook.

Вопрос о «сумароковской школе» недостаточно прояснен в современной науке. Он был поставлен Г.А. Гуковским в связи с характеристикой литературной ситуации в середине XVIII века, которая, по его словам, определялась «*столкновением* Ломоносова <...> с Сумароковым <...>» (курсив наш – *Н.А.*) [Гуковский 1998, с. 8]. Однако творчество Ломоносова к середине века воспринималось уже как сложившаяся поэтическая традиция, получившая новую жизнь и развитие в лирике Сумарокова. Новым поэтам на творчество Ломоносова следовало ориентироваться и опираться, у Сумарокова – непосредственно учиться искусству поэзии [Гуковский 1998, с. 120]. В целом этот процесс выглядит как «досотворение» ломоносовско-сумароковской поэзии на основе обновления и обогащения ее поэтами-«сумароковцами».

Последних в 1750-е годы представляют «старшие сумароковцы»: И. Шишкин, П.С. Свистунов, Н.Е. Муравьев, Н.А. Бекетов, И.П. Елагин. Главным творческим принципом для них стало требование *ясности и простоты* поэтического слова, что было связано с обозначенной в лирике Сумарокова «переадресацией» лирического высказывания, обращенного не к государственным особам, а

прежде всего к частному человеку (в основном это дворянская молодежь), в качестве которого нередко выступает и лирический субъект. Заметно явное предпочтение «сумароковцами» «камерных» жанров: дружеских посланий, любовных песен, элегий. «Камерность» – тот способ, с помощью которого поэтические произведения «входили в быт и выполняли свою функцию культивирования тонких чувств <... >» [Гуковский 1998, с. 120].

В значительной мере утрата «тяги к общественной активности», характерной для Сумарокова¹, произошла позже, в 1760–1770-е годы, когда на литературной арене появляются «младшие сумароковцы»², вскоре отделившиеся от своего учителя и объединившиеся вокруг Хераскова и его журнала «Полезное увеселение». В целом в круг «сумароковской школы» принято включать поэтов, которые ориентируются прежде всего на новые поэтические идеи А.П. Сумарокова: интимный тон лирики, забота о духовном благополучии частного человека (за исключением «патриотического духа творчества», «сатирической направленности, элементов национальной самобытности притч и песен» [Западов 1984, с. 177]).

Представляется, что поэтика сумароковцев связана с процессом накопления идей сентиментализма в литературе³: демократизацией лирического героя, акцентом на внутренней жизни («жизнь сердца») частного человека, формированием в поэзии лирического хронотопа – «души». Такая эстетическая позиция складывалась в какой-то степени под влиянием масонских умонастроений, распространенных в кружке Хераскова. Именно увлечение идеями масонства насытило поэзию второй половины XVIII века мотивами личного совершенствования, бренности земного («жизнь – смерть» частного человека), думами о загробной жизни (здесь не обошлось и без влияния «кладбищенской» поэзии Юнга).

В то же время одические опыты новых поэтов обнаруживают неисчерпанность поэтического потенциала классицизма. В одах Н.П. Николева, Е.И. Кострова, Ю.А. Нелединского-Мелецкого так же, как и в стихотворениях поэтов-«несумароковцев» Ф.П. Ключарева,

¹ Этот факт упоминает А.В. Западов [Западов 1984, с. 177].

² М.М. Херасков, В.И. Майков, А.В. Нарышкин, А.А. Ржевский, А.А. Нартов, И.Ф. Богданович и др. Около 30 литераторов объединилось вокруг журнала Хераскова «Полезное увеселение».

³ Об этом явлении в литературе XVIII века неоднократно упоминает А.В. Западов [Западов 1984, с. 180, 214].

А.И. Клушина, воспроизводится поэтическая картина мира, сложившаяся в поэзии Кантемира, Ломоносова, Тредиаковского, но с выявлением скрытых в ней мотивов и приращением новых смыслов.

В качестве базовой используется уже существующая схема построения мирообраза, в которой сочетаются два ведущих хронотопа лирики: нравственный мир души, устремленной к добродетели, и мир вселенной, устремленный к Творцу. Пространство – безграничный мир, который только *по видимости* имеет некие географические, пейзажные признаки (как правило, это *горы, долины, небеса, солнце*). По сути же, это и есть *космос*, разумно организованный и управляемый Творцом. Время обусловлено «случаем», по поводу которого пишется стихотворение, – чаще всего крупное историческое событие – победа русского оружия, коронация монарха и т.п., – вызывающее поэтический восторг.

Хронотоп новой лирики сохраняет и укрепляет классицистический мирообраз с характерными для него монументализмом, космизмом, умозрительностью, античной мифологической риторикой.

На фоне очевидной восприимчивости «сумароковцев» к новым литературным веяниям в их поэтике внимание исследователей останавливает непоколебимая приверженность к классической неизменности хронотопа-«вселенной». Так, в своих известных литературных очерках «Поэты XVIII века» А.В. Западов, говоря, например, о Хераскове, настойчиво отмечает проявления монументализма в его произведениях («ясно выраженная склонность Хераскова к монументализму...»); упоминается факт создания поэмы «Вселенная» [Западов 1984, с. 188, 211, 212]). Г.А. Гуковский отмечает как одну из основ поэзии «сумароковцев» монархическую идею, напрямую связанную с идеей иерархизации общества, мира («космизм»). В целом оба исследователя фиксируют в творчестве «сумароковцев» проявление изрядно «смягченных» барочных элементов, известных по поэзии Ломоносова: театральность; величье и достоинство; строгое соблюдение норм; безусловное служение церкви и государству – идеал общества; власть монарха обожаема и обожествляема¹. Вместе с тем очевидным является стремление сумароковцев к развитию и обновлению традиционной картины мира.

У «сумароковцев» пространство, как правило, подвижно и в своем движении устремляется не в бесконечность, а к земному пределу –

¹ О барочных элементах см: [Барокко... 2000, с. 10].

к быту. Пейзаж и география здесь не просто номинированы, но вполне узнаваемы (например, конкретные усадьбы или Петербург)¹. Герои – частные люди (чаще всего – поэты), либо обремененные своими личными делами, либо состязающиеся между собой на поприще поэзии, занимающиеся философствованием. Нередко и «случай» здесь носит частный характер: свадьба, рождение наследника, именины, смерть близкого друга, жены, ребенка. Особенно это заметно в стихотворениях «младших сумароковцев», в которые они активно вводят автобиографические мотивы², не исключая при этом исторических событий различного масштаба.

Как отмечает В.Н. Топоров, «рефлексиям Ломоносова, носящим условно-научный, философско-теологический характер и несущим следы просвещенческого рационализма <...> Сумароков противопоставляет установку на связь <...> с “ближней” природой, ландшафтом, <...> настроениями, чувствами, эмоциями человека» [Топоров 2003, с. 174]. Это различие между Ломоносовым и Сумароковым преодолевается поэтами нового поколения.

В стихотворении М. Хераскова – «старшего сумароковца» – «Кюмета, явившаяся в 1767 году при начале войны с турками» (1767) в основных элементах повторяется ломоносовский мирообраз, представленный в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743).

Но, в отличие от ломоносовской «бездны», вселенная Хераскова – это «небесный дом» и описывается она в образах «одомашненно-го» мира; «безмерной высоты» пространство все-таки измеримо «гордым астрономом» («Измеривый небесный дом [Херасков 1961, с. 134]).

Для сравнения:

Херасков

В широком поле горних мест

Ломоносов

Открылась бездна звезд полна;

¹ Но в то же время ландшафт или усадьба подразумевает в своем основании космическую модель («сокращенная Вселенная»). Поэт видит в описываемом объекте разумную волю Творца.

² Следует отметить, что у «сумароковцев» 1760-х годов автобиографические мотивы в лирике редки.

*Открылась смесь несчетных звезд; Звездам числа нет, бездне дна³.
 Погружены в пучине вечной,
 Иные видимы в ночи,
 Как будто солнечны лучи,
 Рекой другие зрятя млечной.*

«Пучина вечная», в которую «погружены» звезды, у Хераскова скорее имеет значение «глубины» пространства, нежели «бездонности», как у Ломоносова. Оно называется еще и «широким полем». Звезды видимые (настолько яркие, как «солнечны лучи») и звезды, которые «зрятя» «рекой <...> млечной» [Херасков 1961, с. 134], одинаково вписываются в пространство космоса-дома.

С одной стороны, как бы следуя Ломоносову, Херасков признает непостижимость неба для человеческого ума, «погруженного» «в томный сон» и «тьму» («Постигнуть небо хочет он, / Но, в томный погруженный сон, / Что мыслит, сам не постигает» [Херасков 1961, с. 134]).

С другой стороны, необычное небесное явление – комета – тут же получает многостороннее толкование, в отличие от Ломоносова, для которого явление северного сияния остается загадкой природы, нарушением ее закона («Но где ж, натура, твой закон? <...> / Что зыблет ясный ночью луч? <...> / Как может быть, чтоб мерзлый пар / Среди зимы рождал пожар?» [Мысль... 1983, с. 45–46]). Херасков же дает и современные научные объяснения происхождения «нового рода планеты» и включает в стихотворение словесное описание и толкование известной в XVIII веке общекультурной эмблемы «Комета, или Звезда с хвостом», значение которой таково: «Не без боязни видится. Кто может смотреть на нее без страха?», связывая с этим значением актуальное толкование ее как божественного знамения об исходе войны России и Турции: комета – «острый меч», вознесенный «над лунным кругом», то есть видоизмененная эмблема мусульманства; вместо звезды над полумесяцем – меч кометы, пророчащий поражение Турции. Для убедительности такой интерпретации Херасков приводит примеры появления кометы накануне известных исторических катастроф: «Так Риму некогда грозил; / Таким виденьем поразил / Восточно древле государство». В этом смысле Херасков отражает не только народно-массовое религиозное верование о Промысле и Гневе Божьем («Отверзив светлый свой чертог, / Выходит с молниями Бог, / И гнев его вселена кажет...»), где

³ Цит по: [Мысль... 1983, с. 45–46].

«чертог» – дом; [Херасков 1961, с. 136]), но и характерное для барочного сознания представление о мире как семиотической системе – системе знаков-эмблем, функционирующих как коды «чтения» и описания мира: «Над лунным кругом меч висящий» [Херасков 1961, с. 135], «Рука моя Луну попраля» [Херасков 1961, с. 71], «Орел затмит Луну» [Херасков 1961, с. 72]¹.

В одах Хераскова наблюдается ломоносовский принцип риторико-иерархической семиотизации хронотопа вселенной. Вселенная² мыслится в трех космоцентрических значениях: божественный космос; монархический космос, государственный («державный») космос. Все эти образы вселенной имеют строгую иерархическую организацию взаимоотражаемых и взаимозаменяемых элементов.

Божественный космос составлен по принципу нисходящей градации «небесный свет» «божественных лучей» → солнце, оживляющее «всю натуру» (солнце – символ упорядоченного мира) → Луна → нечетны звезды → земная «натура» (воды, леса, нивы, горы).

Монархический космос – отраженный небесный: монархия как животворящее солнце, «как чисто солнце пред луной»; знать как «много звезды за луною» [Херасков 1961, с. 64]; «бесчисленный народ» как «ток вселенных быстрых вод».

Державный космос составляют соответственно «созиданный» монархией-солнцем «храм Российской славы / Уже превыше облаков; / Ему вселенная дивится...» [Херасков 1961, с. 72]. Затем следует внешняя география побед России в Европе, на Востоке, на Юге (Хотин, Бендеры, Азов, Измаил, Византия, Европа); внутренняя география державы, существенно продвинувшаяся по сравнению с пределами, обозначенными в одах Ломоносова и Сумарокова, к северу, и

¹ Любопытным фактом в истории поэзии является стихотворение Василия Петрова «На войну с турками», написанное в 1768 или 1769 году – чуть позднее стихотворения Хераскова. Петров создает текст-палимпсест, в качестве основания используя «Слово о полку Игореве» («Дубравные завывли звери, / И волк и пес разинул зев; / И криками ночные враны, / Предвозвещающая кровь и раны, / Все полнят ужасом места...») и «Комету» Хераскова («И над сералию комета / Беды на часть полночну света / Трясет со пламенна хвоста! / Война, война висит ужасна, / Россия, над твоей главой...»). Ср. у Хераскова: «...и зри, Стамбул, / Над лунным кругом меч висящий; / Окровавлен и страшен он...» [Херасков 1961, с. 135]. Но у Петрова принцип семиотизации едва различим: его комета – аллегория войны, и далее смыслы не развиваются. Стихотворение цит. по: [Русская литература... 2001. с. 590–591].

² В.И. Даль дает следующее толкование вселенной: «вся заселенная людьми земля; белый свет, мир наш, земля, шар земной. // Совокупность мироздания, все миры, все вещественное в природе» [Даль 1989, с. 264].

«за Лену», и к югу («за Кавказски горы»), концентрируется вокруг града Петра («невски берега») и «счастливой Москвы». И, наконец, все пространство России заполняют «пространны грады».

Но в космоцентрической системе Хераскова наблюдается подвижность и взаимозаменяемость иерархических уровней, что позволяет «читать» «тексты» вселенной в любом направлении ценностной градации. Так, «бессмертную хвалу» «премудрым делам» монархини («царицы-солнца»), которую «истина напишет меж звезд», можно понимать как истину на небесах и как истину, которую знают лучшие люди России («стремиться будем за тобою, как многи звезды за луною»), и как истину, известную всем «городам, всям, селам» державы. Точно так же «строке златой» над «храмом Российской славы» «Созижден храм сей в век веков!» [Херасков 1961, с. 72] могут «длиться» и вселенная Творца, и вселенная народов.

Принцип многоуровневой семиотизации образов, в процессе которой простая, традиционно однозначная аллегория классицистической поэзии перерастает в многозначный символ, в более обнаженной форме заметен в календарных хронотопах лирики Хераскова.

В стихотворении «Апрель» (1783) картина весенней природы представлена постоянным для поэтических описаний этого времени года риторико-семантическим набором: «Седыя мразы прочь летят», «Потоки вод в брегах шумят»; облакаются в зеленые «ризы» «поля и роици»; здесь все полно солнцем и зефирами, хорами птиц, «стадами покровенны горы». Традиционна и аллегория весны – Флоры – невесты, обрученной с землей – полям и роицами, созидающей вместе с ней «новый мир»: «Весна очам изображает / Первоначально житие»; «дарует тварям бытие» [Херасков 1961, с. 137].

В центральной части стихотворения точка зрения лирического героя обретает высоту божественного обзора «всей вселенной» и глубину временной ретроспективы до начала мира и вечности:

*Я мысли в вечность погружаю
До первых бытия начал
И всю вселенну воображаю,
Когда господь ей образ дал* [Херасков, 1961, с. 137].

В свете этой точки зрения в образе весны-невесты акцентируется плодотворная, мирозозидательная функция, в которой и природа, и «твари» подражают Творцу вселенной.

Однако в третьей, заключительной части лирической композиции герой, вкушая радости весенних дней и ощущая себя «в селенье райском», **вспоминает** существенное различие между современниками и первыми обитателями рая: «Они невинны были; / Невинность в наши дни редка» [Херасков 1961, с. 137]. В связи с этим упоминается старинная традиция обманов и розыгрышей в начале апреля: «Апрель обманом начинаем», – что дает повод создать в заключение емкую метафору весны как времени и символа обманчивых надежд: «Едва ль не весь наш век – апрель» [Херасков 1961, с. 137]. Таким образом, весна – это и время первотворения мира, и время обновления природы, и время обманчивых надежд человека; традиционная аллегория получает многозначность, историческую и психологическую конкретность.

Календарный хронотоп представлен и в XII главе поэмы «Россияда». Картина зимы¹ содержит одноименную аллегорическую фигуру («жестокая других времен сестра», «соперница весны, и осени, и лета» [Херасков 1961, с. 215]) с постоянными для этого времени года атрибутами: лед, снег, алмазы, бури, <...> хлад, <...> вьюги, непогоды [Херасков 1961, с. 215], *сребристый блеск* вместо солнечного света. Новой и замечательной оказывается разрабатываемая Херасковым поэтика остановленных волей «волшебницы», «чародейки» Зимы движений природы, жизни, слова:

*Ни воздух тронуться, ни огонь пылать не смеет
Там пестрых нет полей, сияют между льдов
Одни замерзлые испарины цветов
Вода, растоплена над сводами лучами,
Окаменев, висит волнистыми слоями.
Там зримы в воздухе вещаемы слова... [Херасков 1961, с. 215].*

В таком смысле остановка движения равноценна смерти: движение – это жизнь, отсутствие движения – смерть. Так в новой категориальной системе развивается метафора зимы – конца годовичного цикла – не только как смерти природы, но и как конца жизни человека: «Мертвеют вокруг тебя натуры красоты, / Она животворит, но

¹ А.В. Западов отвечает о зимней картине Хераскова категорично: «Картины природы, не раз вводимые Херасковым в поэму, имеют всегда условный, аллегорический характер, они не передают реальных признаков, имея вид некоего величественного обобщения, при котором нет места подлинным особенностям вещей и явлений. Таково <...> описание зимы <...>» [Западов 1984, с. 207].

жизнь отъемлешь ты...», «Зима, снедающая годы» [Херасков 1961, с. 216]. В действии поэмы риторическая полисемия образа Зимы нарастает: Зима – сторонница врагов россиян (*«российской алчуща погибелью...»*, [Херасков, 1961, с. 217]), жаждущая поражения русских воинов. Кроме того, вся композиция поэмы повторяет структуру мифов о борьбе сил Хаоса и Космоса: «жизнь – утрата ее основ – борьба за их возвращение – обретение», что и наблюдается в поэме Хераскова. Зима – дочь Хаоса, вражья сила – вместе с Нигрином борется с россамми и отступает:

*Светило дневное, воздушны своды грея,
Обезоружило свирепого Борея
...Метели пред собой и бури вспать погнал...
Ветр крылья свернул, ушли в Кавказ морозы,
Седые у Зимы растаяли власы...* [Херасков 1961, с. 220].

Поэт описывает никогда не прекращающуюся борьбу Хаоса и Космоса, неразумного и разумного, видя в победе созидательных сил волю Творца.

Разрастание полисемии образов, тяготение к поэтике изменчивых состояний в стихотворениях Хераскова определяют новые направления развития русской лирики в пределах классицистического мирообозраза. Художественный потенциал последнего раскрывает развитие пейзажной лирики в жанровой форме оды. Пейзаж воспринимает одический пафос восторга, изумления, поклонения, направленный на могучие преобразующие силы природы, в чем ощущается ломоносовская традиция. Но эти вечные метаморфозы годового круговорота осмысляются как универсальный принцип, управляющий не только жизнью природы, но и историей государства и тайнами души: смена времен года, как правило, соотносится со сменой настроения и «мыслей» лирического героя.

Так, в стихотворении А.А. Нартова «На вскрытие Невы» (1757) картина прихода весны содержит традиционный перечень весеннего риторического комплекса (*солнце, «знак Овна»* (апрель!) *«воздух ... приятный», Зефир, «ток рек прозрачных», аромат, луга, леса, журчание ключей* – ср.: «весенний комплекс» у С.В. Нарышкина: *«солнечны лучи всю землю оживляли»; «прекрасные цветы везде произрастали»; зефир, целующий розу; поющий в роще соловей*). В то же время

¹ Ср: в XII гл. «Россиады» Хераскова в связи с наступлением Зимы упоминается «знак Весов».

создаваемый природный миробраз претендует на космичность («... солнце в знак Овна в небесный свод вступив...» [Русская литература... 1990, с. 147]), в свете которой изображение весны прочитывается как духовно-интеллектуальная рефлексия поэта, утверждающая всеобщую идею мироздания. Далее, следуя одическому канону, *божественный* космос преобразуется в *державный*: грозная мощь природной стихии – весеннее вскрытие Невы – знаменует мощь России: «*Какой ужасный взор, о Росс, очам твоим / Петрополь все струи вод ясных напояют!*». Плодотворная сила весны символизирует цивилизаторскую деятельность царя-реформатора, создателя города на Неве; весна как время года ассоциируется у поэта с моментом расцвета российского государства при новой «богине» невских *мест*, которая, по логике развития одического сюжета, не должна забывать, кому она обязана своей славой. От имени *Невы*, что *гордясь, течет через «град славный»*, произносится панегирик деятельности монарха:

*Но долг кому должна я за сие воздать?
Петру, простершему в трудах монарши руки,
Что при струях моих прекрасный град создать
Велел и насадил полезны в нем науки*

[Русская литература... 1990, с. 147].

В большей степени новаторской представляется календарная лирика в жанровой форме оды у Н.Н. Поповского. Весна традиционно противопоставит зиме, но акцент перенесен на второй элемент классической бинарной оппозиции: зима, а не весна, – могучая неотвратимая сила, данная через описание бури:

*Ярившийся Борей разверз свой буйный зев,
И дхнул он хладностью на те места прекрасны...
< ... >*

*Угрюмы облака и тучи вознеслись,
Покрылись поля зеленые снегами
С растущими на них различными цветами
И белизною все с уныньем облеклись.*

*Пустился с востока лед по невским быстринам,
Спирался бугры, вода под ним кипела
И, с треском несишия в морской залив, шумела.
Крутятся все струи крестами по холмам*

[Русская литература... 1990, с. 140–141].

Многочисленные динамичные детали в описании прихода суровой зимы формируют деконструктивную семантику ее действия, усиленную метафорами распада. Но при этом «унылость» зимы не означает мертвой неподвижности, оцепенелости: зимняя природа полна мощной преобразующей энергии, придающей, кроме того, картине природы реальный, чувственный и конкретный характер, в отличие от очень условного и потому вялого, прециозного изображения весны.

Человек в этой ситуации занимает положение наблюдателя, способного «мысленно» оценить вселенский масштаб происходящего и в то же время реально прожить природный катаклизм *здесь* – на «невских быстринах» и *сейчас* – в момент преобразования, то есть *кипения, шума воды и стирания, треска несущихся* льдин. Ломоносовская схема «зримый пейзаж – человек – прозреваемый пейзаж» у Поповского видоизменяется: она становится не такой прямолинейной, открытой, уходит в подтекст мотив державности. Принцип многоуровневой семиотизации образов в стихотворении действует, проявляясь в иерархизации планов пейзажа:

- реальный, конкретно-чувственный (приметы смены времен года);
- эмоционально-одухотворяющий (смена эмоций от *приятности* к *угрюмости, унылости*);
- мифологический (мифопоэтика природных явлений в стихотворении ориентирована на античность: Борей – Флора; бытие мифологических «красоток», Тирса, Клариссы – парафраз «зимнего» эпизода из «Дафниса и Хлои» Лонга, ставшего в XVIII веке общим местом в лирике);
- аллегорический (зима и весна как периоды интенсивной придворной политики).

В свою очередь, разрастание семантических планов внутри бинарного хронотопа – показатель разложения одического канона и стремления к автономизации частей целого. Картина зимы, развернутая в перечне образов пространства, включающем все сферы природы, подвергшиеся зимнему преобразению: атмосфера, земля, воды, растительность¹ – готовит будущее восприятие зимы в русской поэзии:

¹ Следует отметить, что подобный «зимний каталог» в поэзии XVIII века был традиционен. Его с иронией декларирует А.П. Сумароков: «Воззри на красоты природы / И коловратность разбери: / Зимой луга покрыты снегом, / Река спрягается со берегом, / Творя из струй крепчайший мост: / Прекрасны, благовоны розы / Едины оставляют лозы / И обнаженный только гроздь» («Ода на суету мира», 1763) (Цит. по: [Русская поэзия...

«Волшебницей зимой весь мир преобразован» (П. Вяземский «Первый снег»).

В еще большей мере новую, уже позитивную, аксиологию зимнего времени года формирует лирика Н.А. Львова (1751–1803). В его лирическом календаре есть и лето *«красно»*, и весна *«радостна»*, *«преlestна»*, и осень *«темна»*, но наиболее привлекательное время года – зима (*«Зима»*, 11 декабря 1790; *«Снегирь»*, 1790-е годы; *«Зима»*, 1790-е годы; *«Песня»*, 1790-е годы; *«Новый век в России»*, 1801). Прежде всего она сопоставлена не с теплыми временами года – весной, летом, а с осенью, мрачной унылости которой противостоит праздничная красота зимы: *«...на теремы высоки / Вкруг покрышек тесовых / Цепит бахромы алмазны; / А на улицах больших / Ставит фонари топазны...»* [Поэты XVIII века 1972, с. 201]. Причем зима, как и весна, наделяется ценностью в силу ее божественной преобразующей и гармонизирующей мир способности, не случайно в семантике зимней картины возникают весенние растительные мотивы: (*«В разном виде все наряде / Суетились в маскараде, / Как весною порой / На цветах пчелиный рой»*) [Поэты XVIII века 1972, с. 204]; Зима-«боярыня»

На окошко ль взор возводит? –

Вдоль окна растут цветы.

Ко реке ль она подходит? –

Стлались зеркальны мосты.

Лишь к деревьям обратился

Чудной сей богини взор –

Красно-желтый лист свалился;

В бриллиантовый убор

Облеклись сады несметны... [Поэты XVIII века 1972, с. 202].

Зима привлекательна для поэта своими забавами: катанья на санях, святочные гадания, «маскарад». В стихотворении заметен процесс автономизации частей целого: картина зимы, стремящаяся к всеохватности, составлена из множества зимних эпизодов – их представляют описания жизни зимней природы, города, людей. В городских зарисовках Львова появляются перцептивные детали: зимние ароматы «пряничных сладостей», «сладких вин» («туманный винный чад»), запах свежести. Все это напоминает лубочные картинки, святочный фольклор, с чем отчасти связана народно-сказочная персонификация зимы (зима –

1996, с. 85–86)].

«боярыня», «барыня большая», «богиня», «барыня седая», «белокосяя царица») и ее вестника – Мороза, раздающего «даром» «фрумяны», украшающего «бороды широки» «бурмицким жемчугом» и провозглашающего волю зимы – «одеваться, убираться» к ней на «маскерад»¹. Богатство, роскошь зимы выставлены напоказ и апеллируют прежде всего к чувствам. Эмоциональный ореол стихотворения приподнято-радостный, праздничный: зима дарит чувственное наслаждение жизнью. В этом стихотворении интересен финал: тающую зиму увозит на оленях камчадал, что вводит «державный» элемент, знаменуя масштабы российского государства. В связи с последним зима у Львова – это еще и повод поморализовать, поговорить о сущности русского характера, об особенностях русской жизни, о вреде «дальних стран» для русского человека и об упадке нравов («Он в чужих краях учился / Тянуть телом, будто льдом <...> / <...> не тянуть научаться / Должно было там стараться, / А с морозами сражаться...») [Поэты XVIII века 1972, с. 208]), что отдаленно напоминает кантемировские сатиры. В то же время барочная картина зимы (роскошь, чувственное наслаждение жизнью) завершается формулой «memento mori», правда, без интонации горькой неизбежности: лирический герой убежден, что существует непреложный вселенский закон: вслед за зимой придет весна как новое чудесное преображение мира:

*И о зимних красотах
Потому мы не жалели,
Что красы иные зрели
В русских радостных краях.
Теплое лучей влияние
Нам давало обещанье,
Что алмазов голый вид
В изумруды пременит.
Благотворная их сила
Нам сулила новый свет...*

(«Зима», 11 декабря 1790) [Поэты XVIII века 1972, с. 210].

Эта же мысль намечена в стихотворении «Снегирь» (1790-е годы): «Зима недолго уж продлится...» [Поэты XVIII века 1972, с. 249]. «Лихая» зима содержит в себе энергию весны, с наступлением

¹ Именованье зимы, ее бытие, наличие вестника, оглашающего ее волю, зимний маскарад отсылают к жизни царского двора – скрытое напоминание о верховной государственной власти в идеальном и положительном смысле.

которой *«Земля растает и моря, / И роза к васильку прижмется...»* [Поэты XVIII века 1972, с. 249].

В лирике Львова образ зимы полисемичен. Так, в стихотворении «Новый XIX век в России» зима обретает новый риторико-семантический ореол: теперь она не только «конденсирует» энергию весны и жизни вообще, но и приносит вместо *«мертвящего холода»* «огонь», разжигающий «ланиты», *«искру в очах»*, стремление к подвигу, *«силу в раменах»*, *«путь к славе»*. Здесь пересемантизация образа зимы как времени обновления, осуществления самых радужных надежд, то есть значений, как правило, приписываемых весне, связана с осмыслением празднования Нового года, введенного Петром Первым и вошедшего в традиционный обиход лишь к концу XVIII века, что стало новым предметом одического пафоса: *«Блестящий новый век», «сын вечности достойный» «В короне звездной к нам притек...», «По снежным, блищущим коврам / Российским радостным сынам / Послал пути ко всем странам, / Усыпал пухом и звездами»* [Поэты XVIII века 1972, с. 253].

В целом круговорот времен года у Львова открывает индивидуально акцентированную всеобщую идею мироздания. Не только весной, как у Нартова и Хераскова, но и осенью и особенно в зимней природе выявлена и реализована неумолимая воля природных стихий. Особенно ясно она проявляется в стихотворении «На угольный пожар» (осень, 1799), где пожар описывается как вселенский хаос некротимых стихий – воздуха, огня, воды, который не может утихнуть и неподвластен воле человека:

*Вода огонь не потушает,
И десять дней горит пожар,
Огонь воды не осушает,
А воздух раздувает жар* [Поэты XVIII века 1972, с. 247].

Эстетический модус осени у всех поэтов-«сумароковцев» приблизительно одинаков: осень – преддверие зимы, «печальное время», «унылая» картина, в которой, однако, акцентирована семантика переходности, смены ландшафта, динамика преобразования природы. Осень, как правило, соотнесена с летним временем года. Согласно сумароковской традиции, оппозиция лето / осень неизменно включена в «текст любви», обозначая рамки любовных переживаний: лето – пора любви, осень – охлаждения чувств, разлуки. Календарные рамки любовных ситуаций, в свою очередь, связаны с жанровым содержанием

ем буколической поэзии, в которой главными персонажами выступают пастух и пастушка. Летом они выгоняют стада на зеленые луга и предаются утехам любви на лоне цветущей, изобильной природы. Осень разлучает их, оставляя лишь воспоминания о летних *приятствах* и ожидание новой весны. Именно так разворачивается лирический сюжет в «Эклоге» (1761) И.Ф. Богдановича, начинающейся с картины наступающей осени. Но изменения в природе фиксируются не внешним наблюдателем, завороченным тайной преобразования мира, а внутренней точкой зрения лирического героя – пастуха, сосредоточенного на переживании грядущей разлуки с пастушкой Клариссой. Поэтому каждая примета осени – это новый знак утраты радости любви и «свободы» – вольной жизни пастуха на лоне природы, и смена календаря описывается в чувственных категориях приятного / неприятного:

*И поле, зеленью приятною одето,
Теряет прежний вид.*

<...>

*Уже стада ходить на паству перестали
И миновалася приятность прежних дней.*

<...>

Клариссу я узрел, о час, приятный час!

Но лето кончилось... [Поэты XVIII века 1972, с. 245–246].

Антитеза осенних – отрицательных – и летних – положительных – определений природы на уровне физических ощущений принципиальна и акцентирует не космический, а антропологический фокус картины мира: *не летний дождь идет; не зефир, а холодный дует ветер, и не слышен голос соловья, и светило с высоты пускает слабый луч.*

Таким образом, новации поэтов сумароковской школы коснулись как формальной риторической системы классицистического мирообраза, так и его содержательной стороны, обнаружив тенденцию к полисемантизации традиционных образов и мотивов, к расширению и автономизации пейзажных элементов внутри жанровых канонов, к усилению антропологических акцентов в классицистической картине мира, к аксиологической перекодировке годового календаря в направлении его национальной специфики, в связи с чем в новом ценностно-эмоциональном ореоле создается лирический образ зимы.

Литература

- Барокко: Архитектура. Скульптура. Живопись. – Кельн, 2000.
Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. – М., 1998.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1989. – Т. 1.
Западов А.В. Поэты XVIII века. А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков: Литературные очерки. – М., 1984.
Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология. – Л., 1983.
Поэты XVIII века. Т. 2. – Л., 1972.
Русская литература – век XVIII. – М., 1990.
Русская литература XVIII века: В 2 т. Т. 1. – М., 2001.
Русская поэзия XVIII в.: Хрестоматия. – М., 1996.
Херасков М.М. Избранные произведения. – Л., 1961.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЕТЕРОНОМНОГО И АВТОНОМНОГО ТЕКСТОВ В ПОЭЗИИ 60–80-Х ГОДОВ XX ВЕКА¹

И.Н. Кошелева

Ключевые слова: гетерономный текст, автономный текст, фольклор, художественная система.

Keywords: heteronomous text, autonomous text, folklore, art system.

В каждой поэтической системе – литературе и фольклоре – действуют свои связи и отношения. В текстах, соединяющих принципы миромоделирования литературы и фольклора, в действие вступают две основные тенденции. С одной стороны, субъект, воспринимающий текст, получает своеобразный код для интерпретации текста, поскольку правила поэтики фольклора действуют как ограничивающие. С другой стороны, элементы фольклорной художественной системы получают новую интерпретацию в новой поэтической системе, поскольку со-

¹ Понятия «гетерономный» и «автономный» впервые были введены И. Кантом в «Критике практического разума» (1788). Кант использовал их как противоположные в системе морали. В литературоведении понятия «гетерономный» и «автономный» связаны уже не с философскими категориями, а с особенностями организации текстового пространства. Понятие «автономный» связано с авторской индивидуальностью. Понятие «гетерономный» связано с общей системой закономерностей, типологическими образованиями, которые могут пониматься как стилевое единство. В данной статье сфера деятельности понятия «гетерономный» связана с особенностями фольклорного текста. Вопрос о взаимодействии гетерономного (фольклорного) и автономного (литературного) текстов, манифестирующих различные содержательные ценности в пределах одного текста, рассмотрен на материале текстов поэтов 60–80-х годов XX века (В. Высоцкого, Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова).

здатель текста, если он не стилизует текст, продуцирует иную систему ценностей.

Когда текст демонстрирует другие тексты, образы, соединяет различные уже известные художественные системы, создается интертекстуальное пространство, поглощающее автора, его личную инициативу. Например, употребление «постоянных эпитетов», характерных для фольклорного мира текста, в тексте литературном «обусловлено не столько самим автором, сколько объектом описания. Постоянный эпитет здесь входит в общую «этикетную ситуацию», которая связывается с тем или иным объектом повествования» [Успенский 2000, с. 204–205]. Однако такая зависимость автора от предмета описания не уподобляет авторский текст фольклорному, а способствует расширению его границ. Исключение составляют разве что тексты-стиликации, в которых и субъект-объектная организация, и пространственно-временная организация созданы в соответствии с парадигматическими законами народной песни (например, «Песня Марьи», «Величальная отцу» В. Высоцкого).

В текстах, имеющих в своей структуре элементы фольклорной традиции, авторская воля проявляется в столкновении фольклорной и литературной художественных систем:

1) на уровне взаимодействия прецедентных знаков различных художественных систем в пределах одного произведения. Например, название «*Черная баллада*» благодаря авторскому пояснению (*по мотивам старинных песен*) приобретает ретроспективное значение и, помимо этого, несет на себе координирующую реминисцентную функцию. С одной стороны, в названии и пояснении к нему проявляется диалектическое единство литературной и фольклорной традиций: в народной среде слово «баллада» не употребляется, произведения этого жанра сами исполнители называют стихами или песнями; с другой стороны, создается определенная дистанция между автором и предметом / объектом описания. Столкновение в самых разных модификациях русского народного фольклора, мировой мифологии, славянской мифологии, мировой и русской литературы в большинстве случаев продиктовано целью выразить свое собственное понимание картины мира и вместе с тем синтезировать разрозненные элементы формирующегося таким образом единого культурного пространства;

2) на уровне сюжетосложения авторская воля проявляется в изменении функций персонажей, в которое входят характерологическая

трансформация персонажа, изменение реакций и поступков, а также изменение сопутствующих образу элементов. Поэты, изменяя функциональную заданность фольклорных персонажей, реорганизуют исходный материал, создавая качественно иные миры, имеющие опосредованную связь с миром фольклора. Например, образ безымянного царского стрелка в «Сказке» Н. Тряпкина универсализируется до образа человечества, находящегося в плену у собственных страстей. Царский стрелок убивает голубицу, нарушая сказочную стратегию: *И вскочил молодец, и наставил трубу / Сквозь лесные суки. / И узрел голубицу на звездном дубу / Да у Млечной реки. / И ударила стрелка под то ли крыло, / И промчалась насквозь... / И великое племя над миром прошло, / А верней – пронеслось.* Таким образом, мотив испытания приобретает трагичность, что совсем не характерно для фольклорной сказки. Уничтожение волшебного помощника (она же заколдованная невеста, обладающая волшебной силой) приводит к неизбежному свертыванию сюжета, поскольку не создается ситуации продолжения с позитивным концом;

3) на лексическом уровне авторская воля проявляется в оппозиции текстовых лексических рядов. Е. Бартмински в статье «Язык фольклора и говор» отмечает, что роль лексического слоя в фольклоре является доминирующей. Оппозиция лексических рядов фольклора и литературы в структуре произведения изменяет специфические значения гетерономного текста, способствует их смысловому обогащению. Существенным является тот факт, что оппозиция текстовых лексических рядов реализуется не только в семантике, но и в стилистических и версификационных параметрах, поскольку они являются членами рифмы, ритмо-мелодической организации, образного параллелизма и т.п. Например, в тексте Н. Тряпкина «В магазине “Тысяча мелочей...”» одновременно со сменой реченосителя происходит смена ритма: логаяд преобразуется в силлабо-тонику (6-стопный хорей, свойственный литературным имитациям народного стиха). *Иванушка-дурачок* использует в своей речи разговорные и просторечные выражения, изменяя ритмический рисунок стиха. Вывод очевиден: малейшие колебания на любом из задействованных уровней текста находят отражение и в состоянии других составляющих произведения. Ритмическая организация текста обогащает внутреннюю динамику текста (столкновение фольклорной и литературной традиции) и, что наиболее суще-

ственно, через посредство других уровней текста является репрезентантом смысла, заданного автором;

4) на уровне пространственно-временных отношений. В литературном тексте, ориентированном на народное творчество, в отличие от текста фольклорного, скрещение, взаимодетерминация точек зрения в плане пространственно-временной организации позволяет выходить за пределы фольклорного (линейного) типа мышления и передавать огромный объем плана содержания (от архаики до постмодернизма). Важное значение при этом имеют показатели глагольных форм¹.

5) авторская воля проявляется и в формировании композиционной модели текста. Выделяются следующие композиционные модели:

А. Тексты, в структуре которых находится замкнутое «фольклорное» пространство. Например, «В магазине “Тысяча мелочей”...» Н. Тряпкина в структуре самого текста оказывается пространство, не освоенное русской народной сказочной прозой. Сказочный мир у Н. Тряпкина выступает как часть, элемент в системе иного мира.

Б. Тексты, в которых используется прием наложения свойств и функций одного мира на другой. Например, в «Странной сказке» В. Высоцкий переносит символические формулы, характерные для фольклора, на реальные исторические события 1927, 1930, 1933 годов: *В тридевятом государстве / Трижды девять – двадцать семь.*

В. Тексты, в которых авторы «переигрывают» сюжеты русских народных сказок. Например, «Сказка» Н. Тряпкина и «Атомная сказка» Ю. Кузнецова.

Г. Тексты с локальным характером репрезентации единиц, собственных фольклорному тексту, которые влияют на формирование вертикального контекста.

Д. Тексты, в начале которых заявлена дистанцированность по отношению к фольклорной традиции и одновременно, как следствие, взаимодействие с фольклором, а выход из фольклорного пространственно-временного континуума, как правило, обозначен в конце текста. Такая композиционная модель чаще всего применима к текстам-стилизациям под фольклор (например, в «Черной балладе» Н. Тряпкина).

¹ При создании картины мира, близкой фольклорному миру текста, в литературном тексте чаще всего используются формы настоящего времени и форма несовершенного вида прошедшего времени, глаголы в повелительном наклонении. Эти формы позволяют производить описание с синхронной позиции, за счет чего создается иллюзия непосредственной связи между автором и читателем.

Проведенные наблюдения позволяют говорить о том, что фольклорная цитата преобладает в начале текста и крайне редко (а если и имеет место, то крайне трансформированно) задействована в конце. Связано это с функциональной ролью цитаты: в начале она способна устанавливать ассоциативные связи с той или иной традицией, в конце – влияет на идейно-тематический план содержания. Так, 87% стихотворных текстов, апеллирующих к жанру сказки, начинаются с поэтически преобразованной инициальной формулы¹. Только 47% стихотворных текстов имеют этот компонент в своей структуре (несмотря на то, что финальная формула – обязательный компонент народной сказки). Связано это с тем, что функциональная роль финальной формулы не всегда соотносится с идейно-тематическим планом современного поэтического текста.

Закон «компенсации» действует не только в пределах отдельных уровней, но и в механизме межуровневого взаимодействия. В одном случае формальные признаки и реализованная картина мира строятся по принципу соответствия. Например, взаимодействие между ритмоинтонационной и пространственно-временной организацией может строиться на соответствии: смена ритма коррелирует со сменой точек зрения в плане пространственно-временных отношений. Например, в «Песне» (1970) Н. Тряпкина смена формы пятисложника (в первой части – двоясложный фольклорный вариант, во второй – простой литературный вариант пятисложника) коррелирует со сменой точек зрения в плане пространственно-временной организации. Аналогичная модель

¹ М.Д. Медриш в статье «О своеобразии русской сказочной традиции» отмечает, что лишь 25% сказок, собранных А.Н. Афанасьевым, не имеют инициальных формул [Медриш 1980, с. 67.] В отличие от инициальных формул, финальные формулы являются обязательной составляющей сказки. Среди инициальных формул русской народной сказки М.Д. Медриш выделяет следующие: SE, TE, SSE, E, SSSE, SvSvE, TES, SSVSvE, TTTE, TTSSE, TSSE, SSSvE, TTVTvTvTv + E: S – пространство; T – время; E – персонаж; v – нереальность той или иной характеристики. Среди финальных формул русской народной сказочной прозы М.Д. Медриш выделяет: W, PAV, R, Fn, PAVR, WRAV, WFn, WV, PAVGV, WPAVGV, M, PA, WR, PR: P – присутствие сказочника на пире; A – действие сказочника; R – сказочник требует вознаграждения за рассказанную сказку; G – получение подарков; M – сказка заканчивается моралью; W – констатация конечного благополучия; Fn – указание на завершенность повествования; v – отрицание правдоподобности [Медриш 1980, с. 67]. Поэты используют те формулы, которые обладают наименьшим количеством функций. Вместе с тем обнаруживаются и такие формулы, которые не характерны для народной традиции. Например, инициальные формулы SSSTE в «Стихах о моем Лукоморье» Н.И. Тряпкина и ее аналог STSSE в «Сказке о несчастных сказочных персонажах» В.С. Высоцкого и финальные формулы с единичной функцией A (действие сказочника) в «Песне-сказке про джина» В. Высоцкого и др.

межуровневого взаимодействия характерна для «Солдатской песни» В. Высоцкого. Ритмоинтонационные перебои, смена ритма в текстах выполняют роль сигнализатора смены точек зрения, а в отдельных случаях могут выполнять роль границы цитаций. Такие тексты характеризуются относительно стабильной последовательностью.

В другом случае уровни вступают в отношения противоречия. Это более сложный тип самоорганизации текста, характеризующийся большим количеством разнонаправленных тенденций и многозначностью. Например, на ритмическом уровне устанавливается связь с народной традицией, на уровне точек зрения в плане пространственно-временных отношений репрезентируется тенденция, свойственная литературной традиции. Такое взаимодействие ярко проявляется в текстах, написанных анапестом, например: «Допую свои песни земные», «Луговая, лесная, полынная» Н. Тряпкина, «Песня Марьи у Вани» В. Высоцкого, «Посох», «Пролог» Ю. Кузнецова. Существует и другой вариант межуровневого взаимодействия, при котором на ритмическом уровне проявляются тенденции, свойственные литературной традиции, на уровне точек зрения в плане пространственно-временных отношений актуализируется тенденция, свойственная фольклорной традиции. Такое взаимодействие по большей части характерно для текстов, написанных дактилем и амфибрахием, например: «Червонная роза горела», «Русская мысль» Ю. Кузнецова, «История одной женитьбы» Н. Тряпкина.

Столкновение в самых разных модификациях русского фольклора и литературы в большинстве случаев продиктовано целью выразить свое собственное понимание мира и вместе с тем синтезировать разрозненные элементы формирующегося нового культурного пространства.

Литература

Медриш М.Д. О своеобразии русской сказочной традиции // Фольклорная традиция и литература. – Владимир, 1980.

Успенский Б.А. Поэтика композиции. – СПб., 2000.

ГЕТЕ И ФОСКОЛО: ТРАДИЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО «ВЕРТЕРИЗМА»

М.С. Черепенникова

Ключевые слова: вертеризм; традиция; итальянский «Вертер».

Keywords: wertherism, tradition, Italian «Werther».

Предельно автобиографичная для Гете история Вертера стала моделью духовной жизни молодого европейца-интеллектуала рубежа XVIII–XIX веков. Возникновение интереса к новому роману в Европе было почти молниеносным, его распространения не могли остановить ни критика, ни запреты. Книгой зачитывались не только немцы, но и англичане, французы, итальянцы, чехи, поляки, русские. О значимости романа в парадигме европейской литературы говорит тот факт, что почти в каждой европейской стране появились свои «вертеровские» исповеди, более или менее удачные копии с оригинала. Диапазон преломления образа колебался от эпигонского подражания и фальшивых «продолжений» до сатирической пародии. Названия произведений не оставляли сомнения в том, что вдохновило их авторов: «Горести юной Вертерины» (1775), «Горести молодого франконца, гения» (1777), «Радости молодого Вертера в лучшем мире» (1780), «Письма Шарлоты, написанные во время знакомства с Вертером» (1788), «Шарлота и Вертер» (1787), «Российский Вертер» (1802) [Сиповский 1906, с. 79] – все эти произведения были анонимными и не блистали художественными достоинствами.

Данные тенденции представляли собой проявления вертеризма – феномена влияния идей, форм, образов, мотивов, мировоззрения гетевского романа на мировые литературно-социальные процессы XIX века. Вертеризм в социальной сфере проявлялся как веяние времени, воздействовал на быт и этико-философское мировоззрение. Особенное распространение он получил в среде немецких бюргеров и европейской буржуазии конца XVIII – начала XIX веков, увидевшей в Вертере «свое социальное лицо»¹ и подражавшей ему во всем, вплоть до поведенческих стереотипов, внешнего вида и эстетических пристрастий. Литературный вертеризм, изображая данные общественные процессы, вобрал в себя и основные литературные тенденции эпохи: тему миро-

¹ См. об этом: [Пуришев 1929, с. 186].

вой скорби, отчаяния, безнадежности, культ слез, меланхолические и сентиментальные настроения, выражающиеся преимущественно в эпистолярной форме. Не все произведения, несущие вертеровские мотивы, были написаны в этом жанре. Но все их объединяет тема пересекающихся любовных и социальных конфликтов, раскрывающих глобальный конфликт между человеком и миром, действительностью и представлением о ней, приводящий интеллектуального, чувствительного, но безвольного героя к трагической развязке, выраженной в форме летального исхода или глубочайшего разочарования в окружающей действительности, которое в свою очередь приводит к бездействию и социальной не востребованности личности. Приемы гетевского романа внесли в европейскую прозу особую взаимосвязь анализа чувств, видения природы, исторической и общественной значимости описываемых событий. При изучении рецепции немецкого романа в Италии можно проследить общеевропейские тенденции, но в то же время нельзя не отметить, что в этой стране феномен вертеризма обрел характерные особенности. Литературный вертеризм на итальянской почве особенно ярко воспринял эмоциональную сторону произведения Гете. У итальянских авторов так же, как и в гетевском романе, природа является действующим лицом, неотделимым от психологического состояния главного героя. Итальянские писатели-классики смогли избежать эпигонства и создали оригинальные произведения, инспирированные, однако, историей вертеровской болезни: таковы и «Последние письма Якопо Ортиса» (1802) Уго Фосколо и «Аристомед» (1784) Винченцо Монти, и «Ильдегонда» (1820) Томмазо Гросси и многие другие произведения. Итальянский «вертеризм» превзошел уровень подражания, так как обрел глубоко национальные черты. Каждый из вышеперечисленных авторов придал теме совершенно новое звучание, погрузил ее в иное историческое пространство. В некоторых случаях гетевская тема облекалась в иную жанровую форму (пьеса, поэма), но, даже оставаясь в рамках эпистолярной прозы, на итальянской почве она обретала самобытную психологическую нюансировку. Фосколо, следуя в своем романе за гетевским «Вертером», уделяет значительное внимание историческому фону повествования, преломляя сюжет в контексте национально-патриотических итальянских реалий. Вертеризм, сопутствовавший существенному этапу формирования итальянской художественной прозы, был не столько данью моде, сколько одной из первых мощных волн эстетического отклика в рамках явления

«мировой литературы»¹, предсказанного Гердером и самим Гете на рубеже XVIII–XIX веков.

При исследовании вертеризма итальянской прозы необходимо обратить внимание на несколько характерных для того времени процессов. Художественной рецепции романа предшествовало его переводческое освоение, затем последовала авторская реакция на славу собственного произведения в иноязычной среде, но главным, несомненно, являлся творческий диалог итальянских авторов с гетевским шедевром.

Написанный в феврале-апреле 1774 года, роман произвел сенсацию на осенней ярмарке в Лейпциге. Вызвавшую скандал книгу запретили как «опасную для общественной нравственности» [Дмитриева 1988, с. 627]. Роман называли «апологией самоубийства» [Appel 1896, s. 205], в нем видели подрыв устоев семьи, церкви, общества. Однако со временем противники романа вынуждены были пересмотреть свои позиции, так как стихийное распространение книги и ее идей уже вышло за пределы Германии. На французском и итальянском языках роман неоднократно выходил в разных переводах уже с начала 80-х годов XVIII века. Одним из первых переводчиков «Страданий юного Вертера» на итальянский был Микеле Салом – врач из Падуи, прекрасно владевший немецким и неплохо разбиравшийся в немецкой литературе. На рубеже 1781–1782 годов Салом начал переписку с Гете, ожидая от него помощи в работе. Немецкий классик действительно сотрудничал с переводчиком. В одном из писем 1782 года Гете просил прислать полный текст собственного романа на итальянском языке для дальнейшего редактирования [Goethe 1990. Bd. 5, s. 238, 240, 266]. Данный факт свидетельствует о том, что еще за четыре года до итальянского путешествия Гете стремился активно воздействовать на процесс итальянской рецепции собственного творчества. Однако самый первый итальянский перевод «Вертера» был к тому времени уже закончен. Автором перевода стал миланец Гаэтано Грасси, а инициатором издания – Томас Франц де Бассус, один из членов баварского общества иллюминатов, владелец типографии в Поскьяво, городке на границе Швейцарии и Италии [Rigatti 1923, s. 229]. Судьба книги, запрещенной церковью, оказалась непростой. Спустя 50 лет в разговоре с Эккерманом (3 апреля 1829 года) Гете так описал тогдашнюю си-

¹ Об особенностях развития итальянской литературной традиции данного и последующего периодов см.: [Полухотова 1970].

туаацию: «Мой “Вертер” был очень скоро переведен на итальянский и вышел в Милане. Но уже через несколько дней в продаже не было ни одного экземпляра. Оказалось, что в дело вмешался епископ и заставил приходское духовенство скупить все издание. Я нисколько не рассердился, напротив, меня восхитила расторопность этого господина, немедленно смекнувшего, что для католиков “Вертер” книга неподходящая...» [Эккерман 1981, с. 305]. Несмотря на это, некоторые экземпляры книги все же дошли до читателей, до писателей и до критиков. В Лондоне в 1788 году появился третий итальянский перевод «Вертера»¹, осуществленный Коррадо Людгером. Но, помимо версий на родном языке, итальянская интеллигенция пользовалась и французскими переводами произведения Гете. Благодаря всему вышеперечисленному в Италии сложилась оригинальная тенденция: роман в меньшей степени доходил до массовой читательской аудитории, чем во Франции и в Англии, но в образованных кругах итальянской молодежи появление полузапрещенного романа (распространявшегося в том числе при содействии тайного общества иллюминатов, членом которого был сам Гете) вызвало еще более горячий отклик, чем в других европейских странах.

Интеллектуальные плоды этого процесса не заставили себя долго ждать и удивили самого Гете: 16 января 1802 года начинающий двадцатичетырехлетний литератор Уго Фосколо (1778–1827) написал письмо веймарскому классику, послав вместе с ним роман «Последние письма Якопо Ортиса» и признавшись, что произведение во многом вдохновлено «Страданиями юного Вертера» [Foscolo 1949, s. 129–131]. Это признание молодого автора породило определение романа как «итальянского Вертера». Но при всем обилии жанровых и сюжетных параллелей, при всей близости идей, чаяний и устремлений главных героев Гете и Фосколо, роман итальянского автора оказался самобытным произведением, связанным с национальной литературной традицией. Многогранность и продуктивность синтеза «чужого» и «собственного» слова привели к тому, что роман о судьбе студента Якопо Ортиса открыл новую страницу в истории итальянской литературы. В ее истории до этой книги не было подобного жанрово-тематического сочетания, но, несмотря на то, что эту модель можно назвать «гетевской», роман Фосколо стал романом-экспериментом. Его внешне

¹ Изданная в Лондоне книга носила итальянский заголовок: *Gli affanni del giovane Verter: dal originale tedesco tradotti in lingua Toscana da Corrado Ludger*. London, 1788.

спонтанный и неструктурированный эпистолярный дискурс отразил смятение несчастной души, впитал в себя гнетущую атмосферу государственной катастрофы, сделал книгу *«открытым творением»* (*«opera aperta»*) [Nicoletti 1978, p. 93], благодатной почвой для интерпретаций и трактовок. По словам итальянского критика Гвидо Давико Бонино, произведение Фосколо заслуживает высокого звания *«романа-правды»* (*«romanzo-verita»*) [Davico Bonino 1986, p. 11]. Это определение имеет отношение не только к творческому методу писателя-романтика, предвосхитившего появление реалистического метода изображения действительности, но и к фактической основе произведения.

Фосколо писал о реальном студенте Якопо или, точнее, Джироламо Ортисе, который в марте 1796 года, в возрасте 23-х лет убил себя двумя ударами кинжала, не оставив предсмертных записок. Писатель узнал об этом в стенах падуанского университета, где учился сам. Адресатом писем Ортиса стал вымышленный персонаж Лоренцо Альдерани, в котором многие критики видели *«alter ego»* самого автора. Однако после прочтения романа прототипом Альдерани признал себя итальянский драматург и патриот Джованни Батиста Никколини (1782–1861), в молодости друживший с Уго Фосколо. Таким образом, оппозиция *«автор-рассказчик»* в итальянском романе еще более сложная, чем в *«Вертере»*. Гете, *«издавая»* и *«комментируя»* письма Вертера, ограничился в начале и в конце произведения местоимениями *«я»* и *«мы»* (*«Как мы знаем из писем Вертера...»*)¹; в то же время он не особенно стремился к сокрытию биографических параллелей в судьбах героя и автора. В романе об Ортисе автор поместил себя в сложную внутреннюю сферу двойных отражений между вымышленно-реальным героем и реально-вымышленным рассказчиком, в свою очередь опирающуюся на конгломерат отражений художественно-исторических. *«Гетевское»* смысловое пространство итальянского романа позволило открыть текстологические пласты, отсылающие читателя к более широкой европейской литературной традиции: к *«Новой Элоизе»* Руссо и шекспировским трагедиям, к *«Книге Песен»* Петрарки и *«Новой жизни»* Данте.

Душа Вертера в первых письмах *«озарена неземной радостью»* [Гете 1978, т. 6, с. 9], ничто кроме названия и лаконичного предисловия не предвещает печального финала. Ортис уже во втором письме от 13 октября 1797 года заявляет о намерении *«вонзить кинжал себе*

¹ Цитата из гетевского послесловия к письмам Вертера. См.: [Гете 1978, т. 6, с. 98].

в сердце»¹; в начале его истории еще отчетливей прочитывается трагический финал, но тем важнее становятся психологические мотивы поведения героя. В его словах слышится стремление отдать свою жизнь за свободу родины, он угнетен не любовным несчастьем, которое вскоре постигнет его, а несчастным, зависимым положением своей страны. И в этом заложено особое сочетание любовной коллизии и социального конфликта, характерное и для гетевского произведения, в котором показана не только драматическая история любви героя, но и его столкновение с филистерским обществом, неудача в дипломатической карьере. Чувства Ортиса вспыхнули, как искра в пепле сгоревших надежд на освобождение Италии от иноземного владычества, затем та же искра стала решающей в инициации собственной агонии, в решении уничтожить себя на обломках независимости горячо любимого отечества. В начале романа молодой герой-патриот, спасаясь от преследования австрийских властей, бежал из Венеции в Эвганейские горы и нашел приют в небольшом селении. Личная драма благородной девушки Терезы, отданной по воле отца замуж за процветающего филистера – маркиза Одоардо, усилила и без того трагическое мироощущение главного героя. Запретная любовь к Терезе вынудила Ортиса, как и Вертера, покинуть радушный дом обожаемой девушки. Последующие скитания по Италии усугубили отчаяние Ортиса, высказавшего мысли, близкие всем итальянским патриотам того времени, напрасно ждавшим от Наполеона Бонапарта освобождения Италии. Подобно Вертеру, Ортис покончил с собой, посылая прощальные письма возлюбленной.

«Вертеровская» линия романа очевидна, но и жизненные перипетии итальянского писателя, несомненно, оказали влияние на некоторые сюжетные повороты книги. Уго Фосколо, рожденный от отца венецианца и матери гречанки на острове Закинф 6 февраля 1778 года, впервые оказался в Венеции в 1792-м в возрасте 14 лет. Проведенные там годы юности навсегда предопределили его национальную самоидентификацию². Фосколо, как и его герой – Ортис, был пылким и деятельным патриотом Италии, подвергался преследованиям оккупационных властей, вынужден был скитаться на чужбине.

Немалое внимание в своем романе Фосколо уделяет историческим событиям, имеющим точные датировки: на судьбу героя значи-

¹ Цитируется в переводе автора статьи по итальянскому изданию: [Foscolo 1986, p. 18].

² См.: [Varese 1966, p. 83–84].

тельное влияние оказывает Кампоформийский мирный договор, заключенный Наполеоном с Австрией в 1789 году, согласно которому Австрия получала Венецианскую область. Интерес к национальной истории стал важной тенденцией в европейских произведениях XIX века: «В литературе романтизма вместе со стремлением к философской универсальности возникло чувство историзма. Оно проявилось не только в том, что изменилось понимание личности, но и в том, что история общества стала одной из постоянных тем этого этапа» [Храповицкая, Коровин 2003, с. 11].

Исторические события, показанные в романе, особым образом связаны с его этикой и эстетикой: на едином художественном пространстве определяется ценность личности Наполеона и «*безвестного юноши*» («*giovane ignoto*») [Donadoni 1928, p. 208] – Якопо Ортиса. На моральном уровне Бонапарт (как ни странно, тоже яркий поклонник гетевского «Вертера») не выдержал этого сравнения. На художественном уровне особенно продуктивным для итальянской прозы оказался метод повествования, в котором история личности и ее чувств оказалась не менее значимой, чем хроника. Впоследствии данный метод нашел развитие в творчестве классика итальянской литературы Алессандро Мандзони (1785–1837), в частности в его романе «Обрученные», в свою очередь высоко оцененном Гете.

Книга Фосколо оказала влияние не только на форму и методы написания итальянских литературных произведений, но и на содержащиеся в них социально-культурные идеи. Для выдающегося итальянского литератора и общественного деятеля Джузеппе Маццини (1805–1872) знакомство с «итальянским Вертером» было одним из самых ярких духовных впечатлений молодости. Так Маццини сам писал о своих юношеских литературных пристрастиях много лет спустя, в 1861 году: «Ортис» попался мне тогда в руки и сделал меня фанатиком: я выучил его наизусть» [Mazzini 1944, p. 5–6]. Многие идеи романа вдохновили участников итальянского освободительного движения Рисорджименто, главным идеологом которого стал Маццини. Но для истории литературы наиболее показателен тот факт, что поклонник «итальянского Вертера» Маццини стал одним из наиболее последовательных пропагандистов гетевского наследия в Италии. Его перу принадлежат одни из лучших в Европе статей о творчестве Гете, а также работы, развивавшие гетевскую концепцию «мировой литературы».

Идейное и эстетическое воздействие романа Фосколо на прозу Италии XIX века объясняется тем, что это произведение вобрало в себя не только мировой литературный опыт, но и уроки итальянской литературной традиции. Образ Терезы, возлюбленной Ортиса, напоминает и гетевскую Шарлотту, и Лауру Петрарки. Показательно, что первоначально роман Фосколо назывался «Лаура, письма» (1796). Диалог с Петраркой в книге поддерживается как цитированием его поэзии, так и сюжетной линией: Якопо и семья Терезы совершают многозначительное паломничество к дому Петрарки в Аркуа. Интертекстуальная глубина, обилие литературных аллюзий свойственны и «Вертеру»: главный герой читал Гомера и Оссиана, Голдсмита и Риккобони, Клопштока и Лессинга. Литературный кумир Вертера – Гомер; Якопо носит с собой томик Плутарха. И в каждом романе эти греки выполняют функцию, напоминающую функцию Вергилия в «Божественной комедии» Данте – символически ведут героя через произведение. Дань уважения Гомеру воздает и Фосколо, а его герой помимо Сапфо и Плутарха читает любимых итальянских поэтов; среди них не только Данте, Петрарка, Тассо, но и современники Фосколо: Джузеппе Парини и Винченцо Монти, – с которыми автор познакомился в 1797 году после переезда в Милан.

Игра текстуальных параллелей, связывающих итальянские произведения с гетевским творчеством, интересна еще и тем, что именно Монти стал первым литератором, переработавшим роман о Вертере в поэтическое повествование (1783), а затем использовавшим вертеровские мотивы в своей трагедии «Аристодем» (1784), на постановке которой в 1787 году присутствовал Гете. Подобные мотивы появились впоследствии и в новелле в стихах «Ильдегонда» (1820) Томмазо Гросси и в поэме туринца Гвидо Гоццано «Подруга синьоры Надежды» (1907). Таким образом, тенденция литературного вертеризма в Италии воплотилась не только в прозаической, но и в поэтической форме. В прозе переосмысление фабулы и идей Вертера в конце XIX – начале XX века обрело новый исторический виток. Лиризмом Гете и патриотизмом Фосколо проникнут роман знатока и переводчика немецкой поэзии Ипполито Ньюво «Исповедь итальянца» (1858). О гетевском понимании любви рассуждает Андреа Сперелли – декадентствующий Вертер из романа Габриэле Д'Аннунцио «Наслаждение» (1899).

Исторические и психологические видоизменения проблематики гетевского романа сделали Якопо Ортиса, Андреа Сперелли и других

итальянских персонажей не только «новыми Вертерами», но и самобытными героями национальных литературных произведений. Вертеровское влияние проявлялось и в других странах Европы. В Германии Лессинг стремился написать лучшего «Вертера», эту идею впоследствии осуществил немецкий просветитель Ф.К. Николаи, давший роману благополучный конец. Германию живо интересовал вопрос о волевых качествах Вертера, однако зарубежному читателю оказался близок и понятен психологический портрет персонажа со сложной духовной организацией.

Итальянские писатели на протяжении многих десятилетий осмыслили вопросы, поставленные великим немцем, и с каждым последующим произведением придавали новую, злободневную нюансировку традиционной теме. Соприкосновение с наследием Гете помогло итальянской прозе обрести новые идейные и художественные ориентиры, вывести национальную литературу из состояния эстетической замкнутости, воспринять актуальные тенденции времени. Вышеизложенный материал позволяет говорить о существовании явления, которое мы обозначим термином «мегавертеризм». Эта литературная тенденция представляла собой спонтанно сложившуюся совокупность произведений различных национальных школ и традиций, появление которых было обусловлено влиянием феномена вертеризма. В «мегавертеризме» проявилось межжанровое взаимодействие единых тем, мотивов, коллизий и исторических концепций, описанных выше, а также вариативность прочтения единого сюжета, отражающего дух времени. В этот общеевропейский процесс, наполненный то пафосом отрицания, то эпигонством продолжений, Италия внесла очень важную лепту сотворчества, диалога на равных, подпитанного не только глубоким идейным родством литературных героев разных наций, но и особым художественным соратничеством авторов, в начале XIX века уже начинавших действовать в рамках предсказанного Гете явления «мировой литературы».

Литература

Гете И.-В. Собрание сочинений в 10-ти томах. – М., 1978.

Дмитриева Е.Е. Краткая летопись жизни и творчества И.В. Гете // Гете И.В. Стихотворения. Страдания юного Вертера. Фауст. – М., 1988.

Полухтова И.К. История итальянской литературы XIX века: Эпоха Рисорджименто. – М., 1970.

- Пуришев Б. Вертер и вертеризм // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 2. – М., 1929.
- Сиповский В.В. Влияние Вертера на русский роман XVIII века. – Спб., 1906.
- Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М., 1981.
- Храповицкая Г.Н., Коровин А.В. История зарубежной литературы: Западноевропейский и американский романтизм. – М., 2003.
- Appel J. Werther und seine Zeit. – Oldenburg, 1896.
- Goethe J. W. Briefe // Weimarer Ausgabe. – Munchen, 1990.
- Davico Bonino G. Introduzione e commento // Foscolo U. Ultime lettere di Jacopo Ortis / Ed. Oscar Mondadori. – Milano, 1986.
- Donadoni E. Ugo Foscolo, pensatore, critico, poeta. – Milano, 1928.
- Foscolo U. Epistolario (ottobre 1794 – giugno 1804) / Ed. Plinio Carli. – Firenze, 1949.
- Foscolo U. Ultime lettere di Jacopo Ortis. – Milano, 1986.
- Kestner A. Goethe und Werther. – Leipzig, 1857.
- Mazzini G. Note autobiografiche. – Firenze, 1944.
- Nicoletti G. Il «metodo» del «Ortis» e la «Vera storia di due amanti infelici» // La Rassegna della letteratura italiana. – Roma, 1978.
- Rigatti M. Un illuminista trentino del secolo XVIII / Carlo Antonio Pilati. – Firenze, 1923.
- Varese C. Vita interiore di Ugo Foscolo. – Bologna, 1966.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИМИДЖ И РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ: ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ИМИДЖМЕЙКИНГА

С.М. Дубинина

Ключевые слова: речевой имидж, речевая компетенция, процесс имиджмейкинга, имидж России, имидж Германии.

Keywords: speech image, speaking competency, process of image making, image of Russia, image of Germany.

В современной жизни общества большое значение имеет процесс имиджмейкинга – создания положительного имиджа различных представителей социума. В политической жизни разрабатываются имиджи отдельных политиков, политических партий и течений, политических лидеров, в экономике – имиджи предприятия, фирмы, торговой марки, товара, целой страны. В центре внимания в данной статье находится имидж современного предпринимателя, специалиста, имидж предприятия, фирмы и имидж человека как члена социума.

Следует упомянуть, что на создание системного имиджа направлены реклама товаров и услуг, а также PR. Через классическую рекламную деятельность задается имидж товара, услуги или фирмы с целью их продвижения и реализации на рынке сбыта. Основные задачи сотрудников, занимающихся PR, – отбор, сортировка и предоставление той информации о фирме, которая именно в данный момент и в глазах данной аудитории наиболее ощутимо укрепит имидж фирмы

[Анисимова, Гимпельсон 2007, с. 393]. Главной целью PR-деятельности является создание положительной репутации предприятия или организации (в политике, в предвыборной кампании – определенного деятеля партии).

Имиджмейкинг выступает в системе PR в качестве самостоятельного направления. Обладая многочисленными технологиями развития и совершенствования имиджа, имиджмейкинг направлен на то, чтобы имидж мог осуществлять такие функции, как: «а) помогать публике идентифицировать данного социального агента и выделять его среди многих других на рынке; б) связывать социального агента с предусмотренной целевой аудиторией благодаря закодированным в имидже ответам на ее характерные ожидания; в) способствовать формированию долгосрочной привязанности к социальному агенту уже имеющих клиентов (избирателей и пр.); г) обеспечивать необходимый кредит доверия со стороны общественности для удержания ранее достигнутых высот в сложных рыночных ситуациях» [Олянич 2004, с. 127].

В результате анализа информационных сообщений и статей в Интернете в печатных изданиях СМИ, можно сделать вывод, что сегодняшний имидж предприятия или организации прямо влияет на их коммерческий оборот и, соответственно, доходы в будущем. Образ предприятия воспринимается отдельными клиентами и всем социумом в зависимости от того, с каким посланием оно выходит на рынок, как оно сообщает о себе, о своих товарах через письменные рекламные тексты, через устную речь своих руководителей и сотрудников и каким оно представляет себя на визуальном уровне перед целевой аудиторией. Личная репутация и имидж руководителя крупной организации влияют на ее имидж, а значит, и на успех в будущем.

В современном информационном обществе Германии вопросом положительного имиджа занимаются уже длительное время. Прежде всего речь идет о необходимости создания и поддержания привлекательного имиджа крупных и средних предприятий, банков, федеральных земель и всей страны в целом. С имиджем непосредственно связан финансовый успех, поэтому немцы серьезно заботятся об имидже своей страны. Из личного общения автора статьи с гражданами Германии и из различных немецких СМИ можно сделать вывод, что имидж Германии за рубежом намного лучше, чем в самой Германии. «Made in Germany» во всем мире воспринимается как марка высшего качества,

хотя сами немцы не всегда довольны немецким качеством, что порождает озабоченность у специалистов: организуются специальные курсы, тренинги и консультации по имиджу руководителей предприятий и их сотрудников.

Имидж России по сравнению с Германией во многих аспектах ниже, поскольку значимость имиджа в России только начинает осознаваться. Заимствованное слово *имидж* стало широко употребимым не только среди специалистов и исследователей, но и в повседневной жизни. Однако слово *имидж* ассоциируется у населения прежде всего с внешним видом человека. На улицах российских городов можно увидеть такие вывески, как *Имидж-студия*, *Имидж-оптика*, *Студия красоты – имидж*. В СМИ значение слова *имидж* выходит за рамки внешнего облика. Так, на радио «Эхо Москвы» в новостях (21.02.2007) рассматривался вопрос об имидже России в связи с негативной информацией о стране, в качестве синонима *имиджа* использовалась слово *репутация*. Всякая негативная информация влияет на имидж страны, снижая его до уровня отрицательного.

Необходимость серьезной работы по созданию правильного речевого имиджа человека как специалиста, предпринимателя и вообще как члена социума подтверждается выводами Т.А. Милехиной, проводившей глубокое исследование речи российских предпринимателей [Милехина 2006, с. 44]. Исследователь четко разграничивает понятия *образ*, *имидж* и *стереотип*. Стереотип носит стихийный характер и имеет в большей части неопределенный источник происхождения, имидж создается искусственно, культивируется имиджмейкерами и чаще всего реализуется в СМИ, образ создается писателем и функционирует в основном в художественной литературе.

СМИ и современная литература в основном предлагают стереотип предпринимателя как аморального и безжалостного преступника, разбогатевшего нечестным путем. Такой отрицательный стереотип создается не в последнюю очередь через стереотипное представление о речи предпринимателей, образ которых создан в современной художественной литературе, кино и публицистике. Если предприниматель ассоциируется в массовом сознании с преступником, то и речь его схожа с речью преступника, хотя реальная речь современных предпринимателей часто иная. Анализ восстановленной по магнитофонным записям устной речи доказывает, что концептосфера предпринимателей отличается от стереотипной. Основными в ее составе выступают концеп-

ты *дело, деньги, криминал, страх, тайна, игра, семья, алкоголь*, в последнее время – *спорт и благотворительность*. Приоритетным в этом ряду является концепт *дело*, а не *деньги*. От стереотипных представлений в массовом сознании россиян отличается и лексикон современных предпринимателей, в основе которого лежит нейтральная и общепотребительная лексика [Милехина 2006, с. 296]. Чтобы разрушить неблагоприятные стереотипные представления, предпринимателям следует позаботиться о своем имидже и, в частности, о своей речи, так как имидж – дело не только политтехнологов, PR-специалистов и имиджмейкеров, но и специалистов по созданию речевого имиджа.

В современной России формированием положительного имиджа предпринимателей занимаются на уровне областных администраций. В качестве примера рассмотрим документ «РЕШЕНИЕ заседания Совета по малому предпринимательству при Администрации Ростовской области» от 2006 года, в котором изложены меры по созданию положительного имиджа предпринимателей. Имидж рассматривается чиновниками в качестве экономической категории, так как имидж местных бизнесменов они относят (как и их коллеги в Германии) к одному из важнейших факторов, определяющих отношение к области ее внешних партнеров по бизнесу. Это подробно объясняется в предисловии к пунктам рассмотренного документа. Наряду с лексемой *имидж* в тексте встречается в качестве синонима слово *репутация*. Большая часть предлагаемых мер воздействует на массовое сознание при помощи коммуникации. Из 23 пунктов постановления 18 относятся к сфере коммуникации: *электронные и печатные средства массовой информации; пропаганда имиджа; информационная доступность; медиаплан; публикации в СМИ; диалоги с предпринимателями; интернет-сайты; размещение информации; информационный интернет-ресурс; информирование; диалог власти, бизнеса и прессы; пропаганда предпринимательской деятельности; освещение в СМИ; информационно-рекламные материалы*. Центральная идея всех пунктов рассматриваемого документа – различные СМИ должны транслировать и пропагандировать новый, положительный образ (имидж) предпринимателя.

Для достижения этой цели имиджмейкерам необходимо разработать соответствующую коммуникативную стратегию, подготовить необходимые языковые ресурсы для их использования в коммуникации. Главная составляющая коммуникации – дискурс. Создание правильного дискурса непосредственно связано с уровнем языковой

компетенции масс-медиаторов, которые должны выбрать наиболее оптимальные презентемы и концепты для внедрения в массовое сознание.

В документе предусмотрено вовлечение в коммуникацию и самих предпринимателей. Интервью, официальные и неофициальные беседы требуют от предпринимателей достаточной языковой компетенции, если их целью является создание своего прочного положительного имиджа.

Имидж непосредственно связан с речью, он создается в процессе коммуникации и при помощи коммуникации. Г.Г. Почепцов предлагает понимать под коммуникацией «процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы» [Почепцов 2001, с. 14]. Для человека важными являются вербальный и визуальный каналы коммуникации.

Анализируя с точки зрения PR модели прикладной и имиджевой коммуникации, Г.Г. Почепцов отмечает, что для прикладных коммуникаций в большей степени важен потребитель информации. Прикладной коммуникатор работает в сфере перекодировки вербальных сообщений в невербальные. Его задачей является стимуляция нового поведения, выраженного правильной реакцией потребителя на информацию. Имиджевая коммуникация занимает в современном обществе важное место. В условиях дефицита или избытка информации, отсутствия времени, даже невнимательности собеседника имидж становится наиболее эффективным типом коммуникации [Почепцов 2000, с. 698].

А.В. Олянич рассматривает имидж с точки зрения презентационной теории дискурса и определяет его презентационную функцию в дискурсе. В рамках прагматической коммуникации имидж информирует социум и воздействует на него. В дискурсе имидж создается при помощи определенных лингвосомиотических способов и выступает знаковым заменителем презентатора. К свойствам имиджа как социально-ориентированного отпечатка образа А.В. Олянич относит семиотическую способность человека к кодификации реальности, символичность, информативность, социальную и ценностную ориентированность, эмоциогенность, способность к регулярной воспроизводимости созданного образа в коммуникативных ситуациях, к его закреплению в сознании индивидуумов и всего социума, что позволяет виртуализировать информационное пространство и управлять потребностями человека [Олянич 2004, с. 133].

Важность роли имиджа в современном информационном пространстве подчеркивает его определение как целостного, качественно определенного образа данного объекта, устойчиво живущего и воспроизводящегося в массовом и индивидуальном сознании [Олянич 2004, с. 125].

Имиджи могут складываться стихийно и бессистемно. В повседневной жизни каждый человек как член социума имеет свой имидж, но не каждый задумывается, насколько он важен для правильного восприятия человека его согражданами, для полноценной коммуникации, для правильного, гармоничного (насколько это возможно) взаимодействия с другими членами социума. В настоящее время все большую роль в нашей жизни играют намеренно и искусно создаваемые специалистами имиджи. Важнейшей составляющей этих имиджей является речевая составляющая. Речь каждого отдельного представителя организации, партии или представителя страны можно, по словам О.Б. Сиротининой, сравнить с визитной карточкой его самого и этой организации, партии или страны, которую он представляет [Сиротинина 2004, с. 25].

Этот вывод подтверждается следующими примерами. В 2006 году администрация одного из районов г. Саратова проводила акцию борьбы за чистоту в общественных местах. Глава районной администрации, стремясь быть ближе к молодежи, предложил свой лозунг, который и выбрали среди прочих для распространения в общественных местах: *«Не мусори – ты же не лох»*, – что оказало негативное влияние на имидж его автора. Не только старшее поколение, но и молодежь сочли факт использования слова из молодежного сленга (первоначально – из криминального арго) – *лох* – признаком недостаточного уровня владения культурой речи, а автора лозунга малограмотным и некомпетентным.

Как показывает опрос директоров и учителей средних школ, ошибками, которые влияют на имидж докладчиков – представителей администрации и общественных организаций, на имидж специалистов, предпринимателей являются, например, неправильное ударение в лексемах *наркоманИя* (правильно – *наркомАния*), *углУбить* (правильно – *углубИть*), *кранЫ* (правильно – *кранАны*), *минусА* (правильно – *миНусы*), *звОнит* (правильно – *звонИт*), *созвОнимся* (правильно – *созвоНИмся*), в словосочетании *школа с углУбленным изучением* (правильно – *школа с углублЕнным изучением*), просторечное выражение *ставить уклады*, искажение фразеологизма *вот где собака порылась*

(правильно – *вот где собака зарыта*), постоянное использование даже в подготовленной речи таких слов, как *коротко, коротенько, коротенько*. Опросы показали, что такие отклонения от норм вызывают в процессе коммуникации негативную реакцию слушателя по отношению к докладчику-специалисту, что значительно снижает его положительный образ не только как специалиста, но и как человека.

Знание правил этикета и культуры речи, а главное – их правильное использование в социальных взаимодействиях способствуют закреплению за индивидуумом положительного имиджа, который, однако, позже может разрушиться при более тесном контакте. Для создания оптимально хорошего и прочного имиджа в профессиональном и бытовом социальном пространстве требуются довольно глубокие знания риторики и достаточно хороший уровень речевой компетенции. При помощи современных техник имиджмейкинга можно создать отличный имидж, но этот имидж будет только внешней оболочкой, своего рода потемкинской деревней, если его носитель на самом деле не обладает такими качествами и не имеет достаточного уровня речевой компетентности. В каких-то ситуациях его недостаточная компетентность обязательно проявится. Имидж должен в выгодном свете отражать то, чем индивидуум обладает в действительности. Это значит, что надо работать над своим имиджем не только при помощи имиджмейкеров или спичрайтеров, но и самосовершенствоваться, развиваться самому, и не только в своей специальности, но и в речевой культуре.

Речевая компетенция именно в современном социуме, перенасыщенном информацией и стрессовыми, зачастую конфликтными ситуациями, является особенно востребованной. Существуют многочисленные предложения курсов риторики, курсов по созданию и повышению речевого имиджа, по речевому общению в профессиональной сфере, по решению конфликтных ситуаций. Появились печатные издания и пособия по речевой коммуникации, но большинство из них не затрагивают глубин риторики. Исследователи отмечают, что в реальности основными целями являются повышение культуры речи, работа над выбором и постановкой правильной интонации и дикции, мимики и жестов [Анисимова, Гимпельсон 2007, с. 4]. Такая тенденция курсов по риторике заметна и в Германии. Хотя это очень важно при создании имиджа, однако, для специалиста владение культурой речи и умение предотвращать речевые ошибки не является достаточным. Необходи-

мо осознать, что риторика играет не менее важную роль для создания имиджа и, значит, требуется основательное знание ее принципов.

Уровень речевой компетенции менеджера (как и любого другого человека), безусловно, влияет на его имидж. Впечатление о специалисте в любой области в большой степени складывается по тому, насколько правильно он излагает свои идеи, насколько доходчиво он объясняет и мотивирует что-либо, насколько эффективно он презентует себя. Для этого мало соблюдать нормы речи, необходимо владеть правилами и приемами создания хорошей речи и системными знаниями устных и письменных жанров. Другими словами, для развития положительного имиджа (особенно при условии существования отрицательного стереотипа) следует серьезно рассматривать речевую компетенцию.

Литература

- Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Речевая компетенция менеджера. – М., 2007.
Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь. – Саратов, 2006.
Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград, 2004.
Почепцов Г.Г. Имиджология. – М., 2000.
Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М., 2001.
Сиротинина О.Б. Авторитет власти и речь // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2004. – Вып. 4.

ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ «ЛЮБОВЬ» В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ О ЗНАКОМСТВЕ

Е.В. Акулова

Ключевые слова: речевой жанр «объявление о знакомстве», фрейм «любовь», стереотипное представление, этнокультурная специфика, гендерная специфика.

Keywords: speech genre of «dating advertisement», frame of «love», stereotype presentation, ethnocultural specifics, gender specifics.

Исследовательский интерес к проблеме речевых жанров не угасает уже несколько десятков лет, тем более что с каждым годом открываются все новые перспективы исследования. Продуктивным пред-

ставляется изучение речевых жанров через призму лежащих в их основе когнитивных структур. В центре настоящей статьи – речевой жанр «Объявление о знакомстве» (далее РЖ ОЗ). Ранее мы уже обращались к особенностям фреймовой модели данного РЖ в русской и немецкой лингвокультурах [Акулова 2007]. Здесь же хотелось бы остановиться на особенностях женских и мужских представлений о любви, лежащих в основе русских и немецких мужских и женских объявлений о знакомстве (далее МОЗ и ЖОЗ), выявить их этнокультурную специфику. Корпус русских объявлений составил 2000 ОЗ (1000 ЖОЗ и 1000 МОЗ) из газеты «Кому что», корпус немецких ОЗ, составленный по материалам немецкоязычной ежедневной газеты «Westdeutsche Allgemeine Zeitung», также насчитывает 2000 ОЗ (1000 ЖОЗ и 1000 МОЗ).

Предмет настоящей статьи выбран не случайно, именно любовь относится к главным интенциям ОЗ, слот **любовь** является центральным для фрейма **желаемые отношения**: реализуется в 7,6% русских МОЗ и 10,5% ЖОЗ, в 13,4% немецких МОЗ и 14,2% ЖОЗ (здесь речь идет о прямых манифестациях, с помощью лексем *любовь*, *любить*).

Конечно, в ОЗ о любви говорят немногословно, речь идет не о признании в любви, да и невозможно признаться в любви неизвестному адресату. Авторы ОЗ сжато (что объясняется (а) ограничениями, накладываемыми СМИ на объем ОЗ, (б) отсутствием у адресанта четко сформировавшегося представления о любви) формулируют свои представления о любви с целью найти желаемого партнера. Очень часто авторы используют клише, что во многом обусловлено спецификой данной ситуации общения (сообщить о глубоко личном, интимном в условиях публичности) и анкетным характером данного РЖ (вопросы из предлагаемой «анкеты» выбираются самим автором – [Базылев 2000]).

Какие же когнитивные структуры стоят за единичными высказываниями о любви, а также за отдельными лексическими единицами, манифестирующими семантическое поле «любовь»? Правомерно ли говорить о концепте **любовь** в рамках ОЗ (см.: [Шибанова 2004])? Вопрос во многом спорный. Было бы преувеличением любое употребление лексемы *любовь* считать отсылкой к одноименному национальному концепту. Говоря о любви, мы имеем дело со структурой очень личностной по содержанию, кроме того и сам формат данного РЖ не допускает абстрактности. Скорее всего в рамках ОЗ правильнее говорить о реализации представлений, термин *представления* используется в широком смысле, то есть *представления* включают в себя собствен-

но представления, образы и понятия, а также связанные с ними оценки и коннотации [Красных 2001, с. 153]. Итак, в качестве рабочих примем следующие гипотезы:

- фрейм – сложная когнитивная структура, содержанием которой могут выступать концепты, стереотипные представления, общие значения и пр.;

- стереотипные представления о любви занимают важное место в организации фрейма **желаемые отношения**;

- когнитивное пространство ОЗ четко выстроено относительно гендерной направляющей, то есть гендерной идентичности автора ОЗ. Мы можем говорить о женской и мужской любви.

Выражение чувства любви возможно с помощью разных слов и конструкций, лексическое наполнение слота **любовь** однотипно в ЖОЗ и МОЗ: в русских ОЗ – *любовь, любить, любимый, одинокая половина (половинка), спутник жизни, близкий и любимый человек, любимый, родной человек, быть любимой и желанной, быть рядом в радости и в горе, взаимная любовь* и др; в немецких – *Liebe, Liebe auf den 1. Blick, Liebe schenken, Liebe erleben, lieben, verliebt sein, anmachen, flirten, j-n auf den Händen tragen, liebevoll verführen, zum Lieben-leben-lachen, mögen, gern haben, (an)hängen, zum Liebhaben, Herz zu verschenken, Herz brechen* и др. В немецких ОЗ данная структурная область характеризуется большей номинативной плотностью. Показательно сравнить атрибутивные сочетания с лексемой *любовь / die Liebe*. Если в русских МОЗ и ЖОЗ зафиксированы только сочетания *взаимная любовь, настоящая любовь*, то в немецких ЖОЗ и МОЗ лексема *die Liebe* обнаруживает высокую активность и часто выступает в окружении прилагательных *wahr, richtig*, являющимися относительными синонимами русскому *настоящая любовь*, а также *groß* (большая), *glücklich* (счастливая), *vertrauensvoll* (доверительная) (об особенностях перевода, об эквивалентных и безэквивалентных сочетаниях с лексемой *любовь / die Liebe* см.: [Вильмс 1997]). При этом немецкие мужчины приписывают любви характеристики *fest* (крепкая), *gefühlvoll* (чувственная), тогда как для женщины важны характеристики, описывающие интенсивность данного чувства: *tief* (глубокая), *grenzenlos* (безграничная).

Обратимся теперь непосредственно к представлениям о любви, реализуемым в русских и немецких ОЗ. Любовь – это сложный комплекс эмоций, включающий страсть, близость, доверие, телесную и духовную составляющие. Сложной природой данного феномена и объ-

ясняется существующая неопределенность в толкованиях любви. Выделяются разные виды любви. Представленные в ОЗ высказывания о любви носят явно субъективный характер. Тем не менее на основании даже единичных высказываний о любви в ОЗ можно сделать некоторые выводы относительно специфики женской и мужской «любви» в сравниваемых лингвокультурах.

1. Общие стереотипные представления

Не обнаружили этнокультурной и гендерной специфики следующие стереотипные представления о любви:

– **любовь – самое важное в жизни:** *Надеюсь, что любовь поможет вновь наполнить мою жизнь смыслом; без тебя так плохо – Sie, akademisch gebildet, seit ca. 10 Jahren in HH, beruflich etabliert, doch es fehlt der Partner!; ich sehne mich nach Liebe, vermisse Nähe und Geborgenheit; brauche einen neuen Lebensinhalt (glückliche Liebe, Gemeinsamkeiten, Zukunftspläne); etwas Wichtiges fehlt; Der Mittelpunkt in meinem Leben fehlt!*

– **любовь – важнее, чем работа, материальное благополучие:** *Надоело отдавать жизнь только работе. Хочется почувствовать рядом близкого, надежного человека. – Beruf kann doch nicht alles sein; Beruflicher Erfolg kann nicht alles sein; möchte nicht mehr nur für seinen Beruf da sein, sondern für (s)eine liebe Frau an seiner Seite;*

– **любовь – чувство длительное, не мимолетное, как страсть:** *надеюсь пройти по жизни рядом с надежным человеком без забот и проблем; на остаток жизни – für den Rest des Lebens; mit dem ich mein Leben teilen kann; mit dem man durch dick und dünn gehen kann; der mit ihr durchs Leben gehen will*

– **взаимность – важный атрибут любви:** *взаимная любовь, быть рядом с любимым, любить и быть любимой / любимым – lieben und geliebt werden; ich suche einen Mann, dem Geben und Nehmen ein großer Begriff ist;*

– **любовь как взаимное дополнение друг друга:** *Может, мы с тобой те две половинки, которые создают единое целое – Wo ist mein Gegenstück, mit dem man lachen kann; Sie sucht ein gleiches Ebenbild ..., der mit ihr die heiteren Seiten des Lebens genießt; ER sucht für die Zukunft das passende Gegenstück; suche passendes Pendant mit gleichen Eigenschaften.*

Важно отметить некоторые отличия в интерпретации авторами ОЗ идеи о взаимном дополнении субъекта и объекта любви: в русских

ОЗ она представлена как стремление найти свою половинку, в немецких ОЗ объект любви в идеале должен представлять подобие субъекта, что подтверждается высокой частотностью лексических единиц *passendes Gegenstück, Ebenbild, Pendant, gleichgesinnt*.

Выявленные на материале ОЗ общие стереотипные представления о любви в целом сопоставимы с полученными в ходе других исследований результатами [Воркачев 2003; Вильмс 1997]. Что касается представления «любовь – важнее, чем работа, материальное благополучие», были зафиксированы отличия от результатов исследования Л.Е. Вильмс, на основании анализа лексико-фразеологических средств описания понятия «любовь» в русском и немецком языках (на материале текстов художественных произведений современных немецких и русских авторов и их переводов, словарей различных типов, высказываний выдающихся деятелей обеих культур, пословиц и поговорок) сделавшей вывод о том, что немецким языковым сознанием культивируется представление, согласно которому труд, а следовательно, материальное благополучие, деньги важнее и необходимее для человека, чем чувства. Материал ОЗ говорит о другом: для немецкого менталитета любовь имеет большую ценность, более того, количество выражений о любви выше именно в немецких ОЗ.

2. Культурно-специфичные представления

а) в русских ОЗ:

– **любовь подразумевает проявление заботы, беспокойства о любимом:** *окружу заботой и вниманием; окружу вас заботой и лаской, буду гордиться вами, во всем поддерживать и помогать.*

– **иррациональный характер любви:** *Надеюсь, что мне повезет и я встречу свою любовь;*

б) в немецких ОЗ:

– **случайностей не бывает:** *zufällig begegnen wir uns wohl nie; Hiermit möchte ich dem Zufall etwas nachhelfen; [Der Zufall dauert mir zu lange](#), deshalb suche ich Dich.*

– **хорошо, когда любовь строится как партнерство:** *ich suche einen Mann, dem Geben und Nehmen ein großer Begriff...; Ich (37/168/63) suche mein Gegenstück. Liebe, Treue und Ehrlichkeit zu bieten u. gewünscht....*

– **хорошо, когда любящих людей объединяют общие интересы и увлечения:** *ER sollte Theater, Ballett, Musik, Natur mögen; Mag Sport, Reisen, Kino, Fernsehen, du – auch, dann ruf mich an!; Ich, weiblich, 48,*

suche einen ganz normalen liebevollen, netten, realitätsnahen männlichen Lebenspartner, der mit beiden Beinen im Leben steht, den Mann zum Lieben, für das Wir-Gefühl, für gemeinsame Unternehmungen, Freizeit, gute Gespräche, kulturelle Veranstaltungen und eventuell für den Rest meines Lebens.

– **отношения должны быть гармоничными:** *Löwin, 55, 166, Gr44, verw, dunkelh, temperamentvoll, beruflich stark engagiert, sucht für Wochenenden und Freizeit ihn mit Herz, Hirn und Humor, altlastenfrei, liebenswert und lebensbejahend, für harmonisches Miteinander (spazieren gehen an der Nordsee, gutes Essen und Trinken genießen, kringeln vor Lachen bei guter Comedy, Gespäche über das Leben, die Liebe). Welcher einsame Herr ab 55 (gerne XXL) fühlt sich angesprochen? (WAZ 251); Suche eine harmonische Beziehung, in der Liebe u. Gefühl eine große Rolle spielen....*

– **любить – значит быть верным и честным по отношению к партнеру:** *sind Dir Treue, Vertrauen, Ehrlichkeit und Freiraum kein Fremdwort; Ich wünsche mir von Herzen eine feste Beziehung, in der Treue, Ehrlichkeit und Zuverlässigkeit nicht nur Worte sind; Wenn Treue und Ehrlichkeit für dich wichtig sind, eine vertrauensvolle Liebe, in der Treue, gegenseitige Achtung und Respekt zählen; Wenn du auch n. Liebe, Nähe, Treue, Zärtl., Ehrl. sehnst, melde dich!*

Зафиксированные в ОЗ представления о любви различаются по ряду признаков: существенным представляется противопоставление иррационального характера любви в русских ОЗ контролю со стороны разума в немецких. Для русских адресантов особую ценность имеет активная забота о любимом человеке, создается ощущение возникающего перекоса в отношениях, тогда как для немецких авторов ценность представляет партнерство (Partnerschaft), гармоничные отношения, в которых роли распределяются одинаково. Как следствие, доминируют такие слова и словосочетания, как: *Partner* (партнер), *Partnerin* (партнерша), *zu zweit* (вдвоем), *zusammen* (вместе), *gemeinsam* (вместе, сообща), *Partnerschaft* (партнерство), *Zweisamkeit*¹ (быть вдвоем, дружная / единомышленная совместная жизнь), *Zweitbeziehung** (отношения для двоих), *Miteinander** (существовать вместе, жить вместе), *Wir-Gefühl** (чувство единения), *für erfüllende Liebes- und Lebensgemeinschaft* (для наполняющей совместной любви

¹ Лексические единицы, помеченные звездочкой, являются лакунарными для русского языка.

и жизни). Семантическое поле **Partnerschaft** в немецких МОЗ и ЖОЗ обладает высоким разнообразием: 346 и 399 лексических единиц соответственно. Вывод о неактуальности представления **любить – значит быть верным и честным по отношению к партнеру** для русских ад-ресантов был сделан на основании низкой частотности характеристик *верный/-ая* (в русских ЖОЗ всего 35 словоупотреблений, в МОЗ – 7, тогда как в немецких ЖОЗ – 98, в МОЗ – 107), *честный/-ая* (в русских ЖОЗ всего 12 словоупотреблений, в МОЗ – 15, тогда как в немецких ЖОЗ – 102, в МОЗ – 119).

3. Гендерно обусловленные представления

а) ЖОЗ:

– (1) **хорошо, когда любви сопутствует дружба**: *Просто ты один, просто я одна, так давай подарим друг другу все звезды, все песни, любовь и дружбу...; Schicke Unternehmerin 42/1,69 sucht ihn für Freund- und Partnerschaft, für eine Beziehung, wo Liebe, Zärtlichkeit und Leidenschaft noch zählen...;*

– (2) **любить – значит получить в лице избранника опору**: *желаю вторую половину жизни прожить в радости, любви и взаимопонимании с человеком, чье плечо позволит мне быть «слабой» женщиной; мне нужно ваше плечо, чтобы идти по жизни – starke Schulter zum Anlehnen gesucht; sehne mich nach zärtlichen und starken Armen;*

– (3) **любить – быть всегда рядом с любимым**: *быть рядом в радости и в горе, в богатстве и в бедности, в радости и печали; хочу разделить с тобой радость и счастье этого мира – alles zusammen teilen: Sonn- und Alltag, Freude und Leid; für Sonnenschein und Regen; für die Höhen und Tiefen des Lebens; die Höhen und die Tiefen gemeinsam meistern;*

– (4) **весна – время любви**: *пусть эта весна подарит нам встречу – Frühlingsgefühle wieder neu erleben; den Frühling zusammen entdecken;*

– (5) **любить – значит восхищаться своим избранником**: *хочется встретить нежного, доброго интеллигента, без в/п и без материальных и жилищн. проблем, мужчину, достойного восхищения; Готова быть рядом с любимым и в горе, и в радости, привыкла дорожить отношениями и ценить своего избранника...;*

– (6) **любовь – готовность к самопожертвованию**: *буду любить по-женски безоглядно; Разделю все превратности судьбы*

с мужчиной 50–60 лет...; Хотела бы посвятить себя единственному мужчине. Где ты мой ласковый, добрый, заботливый?...;

– (7) **любовь – проживать будни вдвоем:** *den Alltag zu zweit zu erleben; mir fehlt der zärtliche Mann an meiner Seite, mit dem ich lachen, leben, teilen, genießen und auch den Alltag erleben möchte...; Lass uns zusammen sonntags im Bett frühstücken, ausgelassen im Regen tanzen, nachts eng an einander geschmiegt den Mond anschauen oder einen romantischen Abend bei Sonnenuntergang erleben...;*

– (8) **любовь – это радостное чувство:** *я подарю тебе любовь и научу тебя смеяться;* в немецких ОЗ интенсивность этого чувства сильнее, **любить – смеяться вместе над чем-либо:** *Wo ist der Mann, mit dem ich wieder lieben, lachen, einfach glücklich sein kann?; Wo ist mein Gegenstück, mit dem man lachen kann?; zum Lieben-leben-lachen.*

б) МОЗ:

– (9) **любовь как наслаждение, страсть:** *Если бы золотой рыбкой мне дано было три желания, то одно из них — это красивая, добрая женщина, можно с ребенком, со своим шалашом, где бы мы вместе создали рай; ich suche eine harmonische Beziehung, in der Liebe u. Gefühl eine große Rolle spiele; für eine harmonische Beziehung mit viel Liebe und Sex; Superbeziehung gesucht: Liebe, Lust, Leidenschaft und mehr; möchte dir meine gefühlvolle Liebe schenken; biete Liebe, ungezügelter Leidenschaft, verzehrende Lust;*

– (10) **чувственные отношения важнее дружбы:** *Познакомлюсь с девушкой до 33 лет из Саратова, для приятных встреч, дружбы, любви и более...; Sympathischer, gepflegter Unternehmer sucht Dich für Freundschaft, Fun, gutes Essen, Motorrad fahren, zum Lieben und Verwöhnen....*

Гендерные различия наблюдаются в соотношении дружбы и любви. В ЖОЗ сексуальная сторона отношений отходит на второй план, особую ценность представляет душевная близость с партнером, нужен в первую очередь друг, а лишь затем любовник. Об этом свидетельствует наличие в текстах ЖОЗ таких слов и словосочетаний, как *сердечный друг, верный муж и надежный друг, дружная пара, близкий друг, надежный друг, друг и любовник; Freund und Liebhaber, Freund und Partner, guter Freund, lieber ehrliche und aufrichtige Freund.* В МОЗ очень часто лексема *дружба* служит обозначением понятия *интимные отношения* и выступает в окружении атрибутов *приятный, эротический* (в немецких МОЗ): *для дружбы и приятных встреч; для интима,*

любви и дружбы; для приятных встреч, дружбы и любви; *für Freundschaft und gefühlvolle Erotik; eine knisternde, lustvolle, erotische Freundschaft; für eine wunderschöne, vielleicht auch erotische Freundschaft*. В русских ЖОЗ зафиксировано всего 8 подобных случаев, в немецких словосочетание *erotische Freundschaft* не встретилось ни разу. Возможно, это свидетельствует о том, для мужчин дружеские отношения с женщиной подразумевают прежде всего интимные отношения, и лишь затем духовную близость.

Гендерные различия в русских ОЗ выражены сильнее: женская «любовь» отличается от мужской реализацией представлений (1, 2, 3, 4, 5, 6, 8). В немецких ОЗ представления о любви у женщин отличаются от мужских лишь незначительно (1, 2, 7), тогда как (3, 4, 8) равно актуальны как для ЖОЗ, так и для МОЗ. Для немецких ЖОЗ не актуальны готовность к самопожертвованию и восхищение избранником, что соответствует установке на партнерство. По данным русских и немецких ОЗ, мужская «любовь» отличается от женской включением чувственного компонента, занимающего в МОЗ важное место среди прочих представлений о любви.

Итак, исследование показало, что существует ряд универсальных представлений о любви, не имеющих гендерной и этнокультурной специфики (центральное место в жизни человека, представление о взаимном дополнении влюбленных). Культурно-специфичной является сама модель отношений: в немецких ОЗ – преимущественно партнерство, в русских – неравноправные отношения. По ряду признаков противопоставляются женская и мужская «любовь»:

– **женская «любовь» в русских ОЗ** – это радостное чувство, во многом основывающееся на духовной близости; она жертвенна, направлена на избранника, и в то же время женщина в избраннике мечтает видеть опору;

– **женская «любовь» в немецких ОЗ** – это радостное чувство, во многом основывающееся на духовной близости; отношения строятся по принципу партнерства; важно желание все (даже повседневные дела) делить вместе;

– **в мужской «любви» в русских и немецких ОЗ** на первый план выходят чувственные отношения; в немецких ОЗ, равно как и в женских, это радостное чувство, построенное по принципу партнерства.

Таким образом, этнокультурные различия сильнее проявляются в немецких ОЗ, тогда как гендерные – в русских.

Литература

Акулова Е.В. Русские и немецкие объявления о знакомстве: трехкомпонентная фреймовая модель // Жанры речи. – Саратов, 2007. – Вып. 5.

Базылев В.Н. Брачное объявление: опыт интроспективного анализа // Гендер как интрига познания. – М., 2000.

Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997.

Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). – Волгоград, 2003.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М., 2001.

Шибанова Е.А. Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2004.

ИЗОТОПНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩЕГО ТЕКСТА (на материале романа У. Фолкнера «Авессалом! Авессалом!»)

Е.Е. Горбань

Ключевые слова: изотопия, реконструкция, F-модель, техника чтения.

Keywords: isotope, reconstruction, F-model, reading technique.

Эмоционально-ценностный состав жизнедеятельности человека поддерживается культурообразующими текстами, которые, будучи «вплетенными» в содержание художественного произведения, способствуют формированию адаптивной рефлексии на синхронные события реальной действительности. Способность к восприятию семантических связей синхронной действительности и сакрального текста должна развиваться с помощью техник чтения, одной из которых, как мы полагаем, является техника чтения культурообразующего текста.

Чтение – это форма фиксации выражаемых в языке содержаний знаковой системы коммуникации людей. Это совокупность практик, методик и процедур работы с текстом, позволяющих, с одной стороны, переводить письмо в устную речь, как его буквальное озвучивание, а с другой, истолковывать закрепленное в нем инвариантное (надвре-

менное и надпространственное) содержание в конкретных прагматических ситуациях востребованности этих содержаний. Основная цель акта коммуникации при этом – реакции, которые сообщение должно вызвать в поведении читателя.

С лингвистической точки зрения созданный У. Фолкнером роман следует расценивать как культуuroобразующую, ритуально-речевую практику, сопологающую семантические системы знако-знаниевого дискурса Библии и языка американской культуры 30-х годов XX века. Лексико-семантические континуумы, или цепочки повторов, выделяемые в романе У. Фолкнера «Авессалом! Авессалом!», определяют семантические категории, эксплицирующие инвариантное содержание, или прагматически актуальные для 30-х годов XX века в США аспекты культуuroобразующего текста-мифа (культурно-конституирующего текста). Уровень «сложения» в создаваемом ритуализованном пространстве оформляется в результате оперирования (*perfor*mance) языком Библии, интерпретированным У. Фолкнером, в повседневной коммуникативной практике.

Интерпретация У. Фолкнера основывается на ритуально-речевой практике чтения культуuroобразующего текста-мифа. В качестве способа или приема освоения подобной практики в нашей работе предлагается техника изотопного чтения. Изотопия – это семантические знаковые связи, способствующие структурной и семантической связности текста и выполняющие программно-моделирующую функцию. Подобная программно-моделирующая функция может быть дифференцирована с помощью приема вычленения ключевых слов и позиционного анализа.

Позиционный анализ помогает представить весь текст как последовательно разворачивающуюся структуру, пронизанную многочисленными связями между предшествующей и последующей позициями, маркируемыми при помощи ключевых слов. Вычленение ключевых слов наиболее важно при определении внутритекстовой связи между темами и подтемами, целью текста и его подцелями, создании стилистического образа. Изотопия, взятая в самом общем смысле, как считают ученые Льежского университета – группа μ [Дюбуа 2006], выражается в тексте феноменом рекуррентности (повтора) – и как таковая не дается в тексте, а реконструируется. Семантические повторы помогают фиксировать концептную организацию текста в непосредственной зависимости от всей иерархии семантико-смысловых связей, характер-

ных для конкретного текста. Повторы способствуют достижению логичности изложения. И.М. Астафьев считает постоянным стилистическим свойством повтора параллелизм его ритмической организованности. Параллелизм усиливает ритмико-мелодическую выразительность высказывания и позволяет синтаксическим путем усилить его эмоциональность и подчеркнуть его логическую суть. Способность к усилению эмоционального звучания высказывания – одно из главных свойств параллелизма, ибо всякий повтор, в том числе и синтаксический, усиливает именно экспрессивное воздействие [Астафьев 1962, с. 1–22]. По словам Ю.В. Трубниковой, субъект речи намеренно прибегает к повторению, чтобы усилить смысл высказывания, донести мысль до слушающего [Трубникова 1996].

Повторы лежат в основе как внутреннего плана текста, организации его смысла, так и внешнего, связанного с языковым (речевым) оформлением этого смысла. Они помогают читателю ориентироваться в гетерогенной «массе» знания, пронизывая содержание текста и формируя его «вертикальный» контекст, побуждающий адресата к какой-либо реакции. Повторение одного и того же слова способствует адекватному восприятию авторского замысла. Повторы конкретизируют коммуникативные установки автора, сопряженные с когнитивно-эпистемической характеристикой содержания. Повторение слов создает определенное настроение, подчеркивает актуальность сказанного, моделирует миры текста и содействует становлению коммуникативной компетенции в системе языковой и мыслительной культур. У. Фолкнер, повторяя компоненты культуuroобразующего текста, пытается выявить существо семантического замысла человеческой истории в ее синхронном сегменте – событийно-текстовом отрывке (как потом выясняется) между двумя мировыми войнами.

С семантической точки зрения роман У. Фолкнера «Авессалом! Авессалом!» следует рассматривать в связи со временем модификации духовной культуры, которая характерна для США в начале XX века. Наиболее значимым для автора являлось создание модели мира в художественном произведении, наглядно и чувственно воспринимаемом как действительность и эксплицирующем социо-культурный порядок. Подобная модель могла влиять на мышление человека, созидающего свое пространство и время, и воспроизводить нормы человеческой жизни и деятельности, подорванные первой мировой войной и ее последствиями. Новые стандарты предполагали «безбожное» мировоз-

зрение и крушение традиционных ценностей. Модель У. Фолкнера (F-модель), проверяя на истинность глубинные инстинкты и влечения, должна была помочь человеку проектировать и реально воссоздавать физическую картину мира, основанную на понимании закономерностей. F-модель выявляла то, к чему стремится индивид, что он отвергает и к чему он безразличен, нейтрален. Другими словами, F-модель представляет собой своеобразную модель, аксиологическую систему, которая присуща религиозному восприятию мира «безбожного», то есть оставившего себя вне зоны ведения Бога, человека. Через аксиологию Библии человек оценивает драматический мир: мир действий, усилий, борющихся сил. Для создания F-модели У. Фолкнер использует сюжет из Библии, исходя из того, что Библия излагает жизнеполагающие принципы человеческого бытия, культурные установки, которые складывались и проверялись в течение всей истории человечества.

Заглавие романа представляет собой повторение мотива библейского сюжета, является неотъемлемой частью текста и подчеркивает в нем доминирующую установку, задает тему и эмоциональный настрой. Повторение и воспроизведение текста Библии в романе представляет собой обучение коммуникации через отношения «человек-общество». Принцип построения отношения «человек-общество» возможно обнаружить с помощью техники культурно-конституирующего текста (ЧККТ). Понимание мира повседневной реальности, согласно позиции У. Фолкнера, должно основываться на толковании событий профанного бытия через призму сакрального текста. Изотопная реконструкция позволяет установить существо вневременных законов нерационального характера, поддерживающих непрерывность (текущность) человеческой жизни. Ментальная схема этих законов, будучи вербализована в сакральном тексте, воплощается в текстовой реальности того или иного этноса, способствуя его исторической самоидентификации. Сакральный смысл обретает свою знаковую форму в профанном высказывании – текстовом сегменте, равном предложению. Возможность установления связи между денотантом (сакральным смыслом) и его текстовым знаком (профанным значением) реконструируется на основе выявления семантической смежности.

Схематично соотнесение профанного значения текущей реальности и вневременных законов, составляющее основу усвоения отношения «человек-общество», можно представить в виде таблицы.

Таблица

Усвоение синхронного отношения «человек–общество»

	текстовый знак	сакральный смысл	изотопная реконструкция	профанное значение
1.	<i>And married her sister Ellen and begot a son and a daughter which – (Without gentleness begot, Miss Rosa Coldjield says) – without gentleness. Which should have been the jewels of his pride and the shield and comfort of his old age, only – (Only rhey destroyed him or something or he destroyed them or something. And died) – and died</i>	2Sa.22:36 Thou hast also given me the shield of thy salvarion: and thy gentleness hath made me great	Рождение ребенка – это божий дар. И это действие непременно должно сопровождаться чувством благодарности и доброты.	Отсутствие доброты является причиной того, что близкие люди разрушают жизнь друг другу.
2.	Henry had to kill Bon to keep them from marrying.	2Sa.13:28 Now Absalom had commanded his servants, saying, Mark ye now when Amnon’s heart is merry with wine, and when I say unto you, Smite Amnon; then kill him, fear not: have not I commanded you? be courageous, and be valiant.	До тех пор, пока люди нарушают Божьи заповеди, будут существовать обиженные, а причиненное зло – требовать отмщения. В ветхозаветные времена у израильтян действовал закон воздаяния: «Око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх 21:24,25). Этот закон устанавливал границы возмездия, которое не должно было пре-	Возмездие не должно превышать причиненного ущерба

			<p>вышать причиненного ущерба. «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека», – предостерегает Библия (Быт 9:6). В Ветхом Завете действовал принцип кровной мести, когда право возмездия предоставлялось самому человеку. Однако за содеянное зло, согласно Библии, только Бог может наказывать.</p>	
--	--	--	--	--

Сакральное содержание относится к семиотике второго уровня, которая надстраивается над первичной. На уровне вторичной семиотики означающее соотносится не с реальным, но с идеальным символическим значением. Символическое прочтение событий как мифа вбирает в себя буквальное, но не наоборот. На уровне обыденного сознания содержание мифа изменяется. Происходит либо сакрализация – обнаружение религиозного смысла, либо профанация – процесс, при котором символический религиозный смысл не производится в концептуальной системе индивида. Забывание символического и ритуального содержания мифа разрушает его сакральное содержание. Миф разрушается неспособностью читателя воспринимать сакральное содержание. Утратив религиозное содержание, миф способен стать нерелигиозным стереотипом общественного сознания. В идеальном варианте понимание мифа требует адекватной интерпретации содержания: буквального, символического, языкового [Федотова 2001, с. 91–97].

Реконструкция компонентов культуuroобразующего текста в романе У. Фолкнера, имеющих надвременную аксиологическую семантику, с последующим выявлением их проекции на синхронный исторический момент – профанное значение – составляет существо техники ЧККТ. Техника ЧККТ основывается на «языке в действии», что предполагает: 1) знание правил языка, на котором осуществляется комму-

никация (linguistic competence); 2) оперирование языком, основанное на знании системных и семантических связей (linguistic performace) и способностях лингвистического разума; 3) владение приемами изотопного чтения; 4) умение различать профанное и сакральное, обыденное и мистическое. Техника ЧККТ позволяет приблизиться к постижению замысла автора.

Замысел связан с осмыслением окружающего мира и его передачей реципиенту или читателю. Суждения автора об окружающем мире основываются на культурно-исторической ситуации общества в определенный период его развития. Именно с этой точки зрения он дает свою оценку различным событиям, людям и фактам и утверждает нормы человеческой жизни и деятельности, или аксиологические параметры культуры, согласно которым реципиент затем преобразует окружающий его мир. Любое художественное произведение от основного содержания до подтем и микротем пронизано поиском решения задачи убеждения, особенно в том, что касается культурных норм. В результате категоризации в менталитете человека создаются классы разнородных объектов, объединенных одинаковой оценочной характеристикой. На основе аксиологического параметра люди получают свое выражение в виде установок, целей, интересов. Каждый человек, интерпретируя мир, «убирает лишнее, обтачивает, полирует, шлифует до тех пор, пока то, что он делает, не приблизится к идеальной форме; он избавляется от ненужного, выпрямляет искривления, возвращает блеск тому, что потемнело, и не устает лепить себя самого, свое Я» [Халина 1998, с. 9]. Эти и многие другие состояния образуют конкретный состав эмоционально-ценностного фактора его жизнедеятельности. Эмоционально-ценностный фактор задается автором художественного произведения на основе применимости модели коммуникативной компетенции в различных социальных ситуациях реальной жизни.

Изотопная реконструкция культурообразующего текста способствует оформлению особых семантических связей в ментальном тезаурусе личности как составляющей вневременной истории, что обеспечивает и ее особую семантико-коммуникативную компетенцию.

Таким образом, роман У. Фолкнера «Авессалом! Авессалом!» представляет систему координат, согласно которой элементы первоначально созерцаемого хаоса, представленного в языке, образуют созерцаемый порядок относительно лингвистической и семантической точки зрения. Эти элементы означивают законы мышления в культурно-

конституирующем тексте и предполагают следование абсолютным образцам поведения. Для следования таким образцам необходимо добиться адекватного понимания содержания произведения, что может быть достигнуто на основе усвоения техники чтения культурно-конституирующего текста.

Литература

Астафьев И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование. – М., 1962.

Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.-М., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика. – М., 2006.

Трубникова Ю.В. Лексическая избыточность в аспекте динамики текста // Культура и текст. – Барнаул, 1996. – Вып. II. Лингвистика. Ч. II.

Федотова С.В. Библейский миф – конвенциональный стереотип: лингвокогнитивный аспект // Текст: варианты интерпретации. – Барнаул, 2001.

Халина Н.В. Общие вопросы герменевтики // Герменевтический анализ: Филологические аспекты понимания. – Барнаул, 1998.

Faulkner W. Absalom, Absalom! (1936) renewed in 1990 by Literacy Classics of the United States, Inc. – N.-Y.

ГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ТЕКСТАХ А.А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Д.О. Морозов

Ключевые слова: способ словообразования, графическая деривация, графическая интеграция, А.А. Вознесенский

Keywords: way of derivation, graphical derivation, graphical integration, A.A. Voznesensky.

В работах последних лет, посвященных словообразованию, постулируется появление нового способа словообразования, осуществляемого видоизменением графического облика слов; способ этот называется графическим или, сокращенно, графиксацией, графодеривацией [Попова 2005a]. Конечно, не всякое ненормативное написание следует трактовать как результат графической деривации: оно может быть призвано отразить особенности произношения, не оказывая кардинального влияния на семантику (если не относить сюда сугубо сти-

листические явления, например, при имитации речи диалектоносителя либо быстрой разговорной речи, в которой редуцируются целые слоги). Однако при наличии достаточного количества однотипных графических новаций их следует расценивать как примеры нового, пока что маргинального, хотя и вполне осознанного словообразовательного способа. Потому с данной точки зрения интересно рассмотрение творчества авторов, склонных к графодеривации, к которым относится А.А. Вознесенский. В настоящей статье на примере его текстов демонстрируются разновидности слитных написаний, а также семантические особенности получившихся в результате объединения единиц.

Нами было выявлено 144 примера интеграции (слияния, голофразиса; термины позаимствованы из работы [Попова 2005a]), предельного графического варианта сращения, то есть «написания сочетания слов или целого предложения без пробелов» [Попова 2005a, с. 296]. Необычным для традиционного словообразования здесь является неустойчивый характер производящей базы, в роли которой могут выступать две словоформы любых частей речи, словосочетание и предложение.

В 24 случаях А.А. Вознесенский образует онимы, относящиеся к ультрасовременной группе собственных имен – названия интернет-сайтов, вернее, интернет-адреса (естественно, на самом деле упоминаемые поэтом сайты не существуют). Интернет-адреса в основном создаются поэтом по продуктивной действующей модели, представляя собой интеграции с конфиоксиоидом *www...ru* и главным компонентом (словом, словосочетанием) в середине, при этом составные элементы наименования разделяются точками. Во всех примерах из поэмы «Чат» радикаксиоидный элемент ассоциативно характеризует современную Россию. По тематике опорного компонента квази-интернет-адреса условно распределяются по следующим группам:

- имена деятелей культуры, названия произведений искусства: *www.высоцкий.ru* (IV, 273)¹; *www.медный всадник.ru* (IV, 290);
- слова, содержащие намеки на исторические события: – *Куда держишь курс, Россия? / – www.“Курск.ru”* (IV, 95); *www.зарубежье.ru* (IV, 272);

¹ Все цитаты даются по собранию сочинений А.А. Вознесенского, выходные данные которого приведены в библиографическом списке. Римская цифра обозначает номер тома, арабская – страницы; тому «5+» соответствует индекс Va.

– слова, отражающие темы, активно обсуждаемые на телеэкранах (нередко они свидетельствуют о социальной нестабильности): *www.-группировка.ru* (IV, 272); *www.оргазм.ru* (IV, 276); *www.бизнес.ru* (IV, 276); *www.тюряга.ru* (IV, 287); *www.бтп.ru* (IV, 283); *www.слалом.ru* (IV, 280);

– названия учреждений, в том числе издательских домов: *www.пургаз.ru* (IV, 276); *www.коммерсантъ.ru* (IV, 287);

– прочие слова: *www.салют.ru* (IV, 267); *www.забор.ru* (IV, 269); *www.трубадуры.ru* (IV, 272); *www.господи!.ru* (IV, 273); *www.пулетка.ru* (IV, 273); *www.Пушкинская.ru* (IV, 273); *www.индюк.ru* (IV, 286); *www.авто.ru* (IV, 296); *www.гармошка.ru* (IV, 284).

Обращает на себя внимание, что обрамляющие буквы наименований пишутся латиницей, а центральный элемент – кириллицей. Это нетипично для интернет-адресов, которые содержат только латинские буквы, однако схожие кентавроподобные написания встречаются в языковых сферах, ориентированных на игру (см.: [Попова 2005б]). В текстах А.А. Вознесенского такое графическое оформление указывает на важный для его языковой поэтической картины мира концепт хаоса современной социальной жизни, сочетания в российском обществе черт исконно русских и заимствованных с Запада, кроме того, эксплицирует интенцию отображения активных языковых процессов, следования языковой моде.

В одном случае конфиксоид выступает как самостоятельный окказионализм: *www.ru, заложники вранья* (IV, 266). Неологизм допускает двоякое прочтение – и как начальный и финальный компонент интернет-адреса, и как транслитерированный глагол «вру», что выражает мысль о лжи в официальных русских средствах массовой информации (в том числе в интернет-новостях).

Реже квази-интернет-адреса образуются иначе: *по ком – / а.колокол.com?* (IV, 296); *Кома ru* (IV, 296). Оба примера интересны межъязыковой игрой в духе позднего Джойса, основанной на случайном созвучии неродственных слов: русская словоформа местоимения «кто» («ком») приравнивается к элементу «com», сокращению, употребляемому в адресах коммерческих сайтов. На значение получившейся единицы влияет и крылатое благодаря известности одноименного романа Э. Хемингуэя выражение «По ком звонит колокол» (в процитированном фрагменте поэта отсутствует только глагол «звонит»). В целом строчки, включающие в себя окказионализм, порождают впечатление

некой трагедии, вызванной коммерческой деятельностью или связанной с нею. Элемент *Кома ru* является и мнимым интернет-адресом, и словосочетанием, обозначающим болезненное, подобное смерти состояние России, и формой дательного падежа единственного числа существительного «комар», что поддерживается рифмой: «–А что снится комару? / –Кома ru». Возможно, автор имел в виду и ассоциацию со словом «кошмар» (поскольку он может сниться).

Результаты интеграции, являющиеся интернет-адресами, по природе своей амбивалентны и демонстрируют противоречия, свойственные всему творчеству А.А. Вознесенского. С одной стороны, он стремится отразить новейшие изменения языка и общества, эстетизировать их, что соответствует программным требованиям футуристов (русских и итальянских), с другой – многие изменения, особенно вызванные ориентацией на западный образ жизни, оцениваются им отрицательно. Это относится и к такому достижению цивилизации, как интернет; в поэме «Чат» буквы *иии* метафорически уподобляются терниям, символизирующим страдание, то есть сравниваются с чем-то отрицательным, болезнетворным, завезенным из-за рубежа: *контейнер, груженный терниями, / направляется в точку «ru»*. При этом интернет как способ объединения людей оценивается положительно. Создается картина противоречивой действительности, поддерживаемая совмещением кириллицы и латиницы в окказиональных интернет-адресах.

В отличие от рассмотренных примеров, большинство окказионально объединяемых А.А. Вознесенским на письме слов имеет общие фонетические отрезки (например, в окказионализме *пуптерпуптерпуптерпуптери* (IV, 312) интегрируемые словоформы *Пуптер* и *терпи* объединяет сразу два слога – *тер* и *пи*), что сближает его слияния с результатами междусловного наложения (см. о данной разновидности деривации работу: [Янко-Триницкая 1975]); другими словами, интеграция комбинируется с междусловным наложением, дериваты данного типа имеют двойную, графикофонетическую природу. Эта оригинальная особенность не имеет аналогов в произведениях прочих поэтов, использующих графические способы словообразования: для них важен прежде всего буквенный облик слова, то есть они скорее *видят* слова, чем *слышат* их. Для А.А. Вознесенского, напротив, стихотворения существуют главным образом в озвученном виде, и дефектные написания в большинстве случаев обнажают фонетическую близость сопоставляемых слов. Окказионализмы, образованные путем ин-

теграции в текстах А.А. Вознесенского, являются одновременно и слитными написаниями, и скороговорками, в которых при многократном повторении одно слово плавно перетекает в другое / другие. Именно потому подобные графодериваты именуется исследователями палиндромами – будь это «визуальный палиндром-кругомет¹» [Зайцев 2001, с. 9] или результаты «сегментной палиндромии» [Бубнов 2003, с. 19]. Строго говоря, термин «палиндром» по отношению к результатам слияния неуместен, поскольку обозначает текст, одинаково читающийся от начала к концу и от конца к началу (как правило, по буквам, реже – по слогам); строка-палиндром может состоять из одного слова, словосочетания либо предложения. Циклограммы же А.А. Вознесенского (условимся, вслед за А.Ф. Бубновым [Бубнов 2003, с. 19], так называть подобные результаты интеграции) далеко не всегда являются палиндромами; приведем один пример: *родиродиродиродИродиродирод* (IV, 482). При обратном прочтении получаем не императив «роди», с которого начинается циклограмма, и даже не имя «Ирод», а (в случае буквенного прочтения) повторение отрезка «дори» либо (при чтении по слогам) «доир», причем в любом случае эффект инерции, порождаемый буквенно-звуковым тождеством, принципиально важным для палиндрама, нарушается отсутствием в начале строки графемы «и». Между тем, вследствие высокой фонетической спаянности элементов интеграции, слияние у А.А. Вознесенского нередко сопровождается эффектом слогового палиндрама, в единичных случаях – даже «классического», буквенного палиндрама, вернее, «полуклассического»: поэт использует имеющий давнюю традицию прием – при прочтении слева направо и справа налево получается не один и тот же текст, но разный: *яд...яд...ядядяд... Это – икота* (IV, 376); *колесо... оселок* (IV, 143)².

Исходя из вышесказанного, циклограмму (результат графикофонетической интеграции слов) можно определить как окказионализм, допускающий при чтении (и вслух, и «про себя») двоякое (реже – тройное) разбиение на значимые элементы. Например, графодериват *сплюсплюсплюс* (IV, 533) может восприниматься и как глагол «сплю»,

¹ Определение «кругомет» («кругозвучие» в работе [Бубнов 2003]) вызвано тем, что свои интеграции-междусловные наложения А.А. Вознесенский иногда записывает в форме круга, создавая эффект непрерывно длящейся речи.

² Буквы «е» и «ё» в русских палиндромах обычно считаются эквивалентными. Многогочие между слитыми в циклограмму словами здесь и далее заменяет многократное повторение одинакового графического компонента, если слово написано в форме круга.

и как слово «плюс», причем оба варианта сосуществуют, порождая единое, ассоциативно-спаянное значение окказионализма, ясное только в контексте стихотворения (в процитированном отрывке номинируется дремота под передачи радиостанции «Европа плюс»). Нередко А.А. Вознесенский сигнализирует об использовании интеграции, прибегая к следующим способам:

– присоединяет оба слитых слова к циклограмме дефисом: *сойка-сойкасойкасой-косой* (IV, 527);

– употребляет оба компонента слияния самостоятельно в одном с циклограммой контексте: *или солдаты, лапав, лапавлапав / Павла помнила глаза* (II, 398);

– употребляет в циклограмме наряду с прописными строчные буквы (особенно если одно из контаминированных слов – имя собственное): *raveraveraveAVERAVErave* (IV, 237); *строкастрокастроКАСТРОкастрокастрока* (II, 394); *кармакармакармакармакарМакар* (IV, 170);

– особым образом записывает циклограмму – в виде круга, в котором одно слово бесконечно перетекает в другое.

Если оставить в стороне 19 примеров неточных циклограмм, либо оговоренных ниже, то из 101 случая точных интеграция сопровождается эффектом слогового палиндрома 57 раз, буквенного – 3 раза, еще 4 раза встречается неточный слоговой палиндром, то есть палиндроподобные явления возникают в 64 % случаев (это, видимо, и привлекает к циклограммам исследователей палиндромов). В 10 окказионализмах интеграции сопутствует эффект перестановки слога, в 27 – перестановки буквы. Оба объединенных слова являются существительными в 55 примерах, существительным и глаголом – в 21, кроме того, в 13 случаях, когда при различной сегментации циклограмма предстает либо одним словом, либо словосочетанием, в роли этого одного слова выступают существительные в форме именительного падежа, то есть существительные являются полноправным компонентом слияния в 89% примеров. Следует учесть, что при подсчете к существительным относились аббревиатуры (*ГАИ, МАДИ*) и имена собственные, в том числе заимствованные (*Буша, Косово, Лорка, Кастро, Вайда*).

С точки зрения грамматики можно выделить следующие наиболее общие разновидности интеграции:

– слияние двух словоформ: *доча–доча–дочадоchado–чадо– / дочь* (IV, 65); *булка–булкабулкабулкабулкабулКабул* (II, 385); *топот копыт– / копыткопыткопыткопыт–пытка!!* (IV, 175); *домчу-домчудом-чудомчудом-ЧУДОМ* (IV, 528)¹;

– слияние словоформы и словосочетания либо предложения: *мыло-мыломыломыло мы-ломы!* (II, 385);

– слияние двух предложений (единичный случай; интегрируются фразы «вору – кару!» и «во рука»): *«вору – кару!» – / ворукаруворука-руворукаруворукарука* (IV, 413).

Особенно интересны случаи, когда две объединяемые единицы в совокупности образуют целое (словосочетание, предложение): *домчу–чудом, пятки–кипят, а у нас–сауна*. Спорадически интегрируется более двух компонентов, как в случае *velovelovelovelovelove* (IV, 153): глагольная форма «VELO» (в просторечном значении: вести – заставлять действовать импульсивно, совершать необдуманные поступки под влиянием сильных эмоций), элемент сложного слова «велосипед» (это актуализирует пространственные и результативные значения глагола «вести»: вести кого-нибудь куда-нибудь, вести (приводить) к какому-либо результату), английское слово «love» (любовь; соотносится с семей сильной эмоции, накала страстей в просторечном глаголе «вести»). Окказионализм относится к контексту, где описывается игра в рулетку, то есть не случайна и семантика движения (шарика), и переживаний, и (пагубной) страсти (игромания). В произведении слова разных языков контаминируются не только формально, но и по смыслу, что характерно для А.А. Вознесенского.

С точки зрения графикофонетических соотношений объединяемых единиц возможны следующие варианты:

– слоговая квази-палиндромия – циклограммы, в которых объединенные слова отличаются порядком следования слогов (например, *ка-стро* и *стро-ка*; деление на слоги, как и в слоговых палиндромах, может не совпадать с принятым в лингвистике): *Густав – густав, густав – / густавгуст, «железный / август в длинных сапогах»*. (IV, 149); *ERMAKERMAKERMAKER-MAKER / take money – зов над теремами* (IV, 137); *люблю ад: / чана чад – / пятки, пятки – пяткипяткипяткипяткипят- к-и-п-я-т!* (IV, 486); *тебя вело. Сердце летело, как*

¹ Слово «чудом» можно воспринимать и существительным, и наречием, адвербиализованной застывшей формой, возводимой этимологически к существительному в творительном падеже; в любом случае объединяются две словоформы разных частей речи.

на велосипеде / Вело–velovelovelovelovelove–Love (IV, 153); я не жду неждунеждунеждунеж <...> дунешьдунешьдунешьдунешь (Va, 71);

– перестановка буквы – начальный элемент (звукобуква) одного слова является конечным другого: КОСОВОКОСОВОКОСОВОК (Va, 61), нас – тьмы, тьмыть – мыть (Va, 50); я взялся за гуж – / гужгужгужгужгужгужгужу–жгу (IV, 224); а у нас саунасаунасауна (IV, 132);

– перестановка слога – две объединяемые единицы отличаются местоположением слога (начальным или конечным): шаландышаландышаландыша– / ландыша хочется! (IV, 9); в трансляции вандала, вандала, вандала / «Лаванда» лавандалаванда не кончится (IV, 9); гналасигналасигналаСИГНАЛА (III, 196); я думал, латышкалатышкалатышка / ты – шкала градусника всегда выше, чем 37 (IV, 134), *such a verse sac e верс<...>версаче<...> VERS ACE* (IV, 400);

– неточная слоговая квази-палиндромия – при обратном слоговом прочтении одного слова получается другое с дополнительной лишней буквой: компракомпРАКОМпракомпра (IV, 422); междумеждумеждуме (Va, 71);

– циклограмма является буквенным палиндромом: колесо...оселок (IV, 143).

В отдельную группу нужно выделять неточные циклограммы. Они ближе к чисто графическим интеграциям, фонетические особенности мешают читать их «на одном дыхании». Дефектность может вызываться:

– наличием лишних букв: с утра слышу до утра: «утраурау»... (IV, 96); Ты куда ведешь нас, ударник, / ударник-ударникуданукуданукуданикуда-НИКУДА (IV, 517);

– заменой букв одного слова на другие в следующем слове: мелочи–мелочи–мелочи–мелочимелочимелочумел–очумел, очумел–мелочимелочимелочи (IV, 141); неманиманиманимани–Манэ (II, 336);

– умножением буквы: маниманияманияМММанияманияманиямани (II, 336);

– отношением анаграммирования между объединяемыми словами с отсутствием фонетического перетекания одного в другое: иуда...ауди (IV, 401).

Практически все циклограммы понятны только в контексте, в котором, вдобавок к формальному слиянию слов, происходит их интеграция в семантике, приводящая к появлению полноценных окказиона-

лизмов. Так, в циклограмме *розе...зеро*, как видно из контекста поэмы «Казино Россия», объединены наиболее важные, по мнению автора, атрибуты казино – шампанское марки «Розе» и самая рискованная ставка – «зеро». Кроме того, возможно прочтение «озеро», отсылающее к «озерам» глаз героини, превратившейся в азартного игрока. Циклограмма *маниманияманяМММанияманяманямани* (II, 336) объединяет воедино название печально известного АО «МММ», существительное «маня» и английское слово «мани» (деньги), так что окказионализм номинирует недавнюю маниакальную погоню за обогащением, сопровождавшуюся финансовыми аферами. Строчка *яд...яд...ядяяд...Это – икота* (IV, 376) относится к дяде Гамлета, отравившему собственного брата; циклограмма номинирует дядю-отравителя, причем многократное повторение одного слога изображает болезненный процесс – заикание (в данном случае, видимо, являющееся следствием отравления; а возможно, поэт хотел сказать, что дяде «икается», когда о нем и о совершенном им преступлении думает Гамлет). Для понимания стихотворения «Баллада о Мо» ключевой является циклограмма *мобельмобельмобельмо–БЕЛЬМО* (IV, 21). Здесь объединены два слова, иностранное и русское: *мобель* – краткое наименование мобильного телефона, изобретения, пришедшего к нам с Запада, и *бельмо* – результат глазной болезни (возникает и ассоциативная связь с частотным фразеологизмом *бельмо на глазу*, имеющим отрицательную экспрессию). Тем самым мобильный телефон, как и многие другие заимствования, сопоставляется с отрицательным явлением, болезнью.

Нередкие циклограммы, в которых используются англоязычные элементы, как транслитерированные, так и транскрибированные (*MAKER, love, rave, мани* и др.), являются проявлением желания А.А. Вознесенского следовать языковой моде, «не отставать» от современности. В то же время интеграции типа *MAKER-ЕРМАК* (английское слово транслитерируется и «оказывается» русским именем) отражают гротескные формы, которые принимает капитализация России, связаны с протестом поэта против отрицательных черт современной социальной ситуации в стране. С другой стороны, данные образования, как и вообще все интеграции, воплощают хаос, противоречия действительности, но в то же время и ее загадочное непостижимое гармоничное единство. Ярче всего это демонстрируют объединения контекстных антонимов: *Аз инок – / аз инок – казиноказиноказино* (IV, 136; антони-

мия зиждется на том, что духовный сан и подлинная религиозность несовместимы с азартными играми); *Ад. Угар. Адугарадугарадугарадугарадугарадуга* (IV, 164; назывные предложения «Ад. Угар» относятся к инфернальной, подземной, уродливой, отрицательной сфере бытия, слово «радуга», напротив, к возвышенной, небесной, красивой, положительной).

Таким образом, в текстах А.А. Вознесенского интеграция принимает два вида: либо используется самостоятельно, либо комбинируется с таким способом контаминационного словообразования, как междусловное наложение. В результате появляется окказионализм, чье значение не прямо выводится из составляющих компонентов, но ассоциативно с ними связано. При этом все результаты интеграции у А.А. Вознесенского встречаются в текстах, посвященных отрицательным явлениям и противоречиям отечественной социальной действительности, так что сам графический способ словообразования у поэта концептуализируется и выражает представление о хаотичности, совмещении противоположностей в современной жизни и жизни вообще (правда, скорее всего натяжкой будет возможное заявление, будто отклонение от графической нормы соответствует отклонению от политического, экономического и т.д. идеала). Интеграция – яркая отличительная особенность как идиолекта А.А. Вознесенского, так и современного языка, связанная с использованием ранее не задействовавшихся возможностей графики и словообразования.

Литература

- Бубнов А.Ф. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Орел, 2003.
- Вознесенский А.А. Собрание сочинений: в 6 тт. – М., 2000–2003.
- Зайцев В.А. Традиция и эксперимент: о путях русской поэзии на рубеже XX–XXI веков // Филологические науки. – 2001. – № 2.
- Попова Т.В. Графикация как новый способ русского словообразования конца XX – начала XXI века // Новая Россия: Новые явления в языке и науке о языке. – Екатеринбург, 2005 (а).
- Попова Т.В. Толерантность русского словообразования (на материале новообразований конца XX века) // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – М., 2005 (б).
- Янко-Триницкая Н.А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – М., 1975.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ
«ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА
И ИХ ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ НОСИТЕЛЯМИ**

В.В. Тарасенко

Ключевые слова: концепты «жизнь» и «смерть», фразеологизмы, психолингвистический эксперимент.

Keywords: concepts «life» and «death», phraseological units, psycholinguistic experiment.

В данной статье представлены результаты изучения фразеологических репрезентаций концептов «жизнь» и «смерть» в системе языка и в восприятии его носителей. Уточним определение концепта. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой «концепт – единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [Кубрякова 1996, с. 90]. Чаще всего концепт рассматривается в сопоставлении с терминами «понятие» и «значение». Полагаем, что концепт не является понятием, но реализуется в нем. Концепт связан со значением слова. Значение – языковая единица, единица имеющая вербальное выражение. Концепт – ментальная единица, вербализация которой необязательна. Е.С. Кубрякова отмечает, что часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», то есть способы языкового выражения, но часть информации представляется в психике принципиально иным образом [Кубрякова 1996, с. 91].

Вслед за А.А. Залевской мы полагаем, что в ходе речевой деятельности индивида формируется ЯЗЫК1 как система функциональных ориентиров и опор, а в ходе метаязыковой деятельности лингвиста через логико-аналитический анализ создается ЯЗЫК2 как описательная модель или как система нормативных прескриптивных знаков [Залевская 1999, с. 8]. Таким образом, исследователь изучает концепт на языковом (системном) материале (ввиду того, что концепт – единица ментальная и, следовательно, не поддается прямому наблюдению), но полученные результаты не всегда точно отражают то, что находится в сознании индивида, «что исключает правомерность прямого механистического переноса продуктов метаязыковой деятельности лингвиста на описание закономерностей функционирования речевого механизма

индивида» [Залевская 1999, с. 9]. Следовательно, необходимо обращение к носителю языка с целью верификации данных.

Концепты «жизнь» и «смерть» неоднократно привлекали внимание ученых. Исследователи отмечают, что жизнь и смерть являются универсальными понятиями: они экзистенциально значимы как для каждого человека в отдельности, так и для общества в целом [Хо Сон Тэ 2001, с. 3]. Данные концепты становились предметом диссертационных исследований, выполнявшихся на различном материале [Чумак 1995; Хо Сон Тэ 2001; Бычкова 2004]. Опубликованы статьи, посвященные изучению этих концептов [Деева 2004]. Большинство исследований концептов «жизнь» и «смерть» проводилось с привлечением лексикографических источников и художественных произведений.

Наше исследование репрезентаций концептов в системе языка базируется на материале фразеологизмов. Мы придерживаемся широкого понимания объема фразеологии, то есть включаем в состав фразеологизмов не только словосочетания, но и предложения.

В данной статье, во-первых, представлена авторская семантическая классификация фразеологизмов, вербализующих концепты «жизнь» и «смерть», во-вторых, описаны результаты психолингвистического эксперимента по определению соответствия предложенной классификации репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в лексиконе носителей языка.

Источниками материала нашего исследования послужили различные фразеологические словари [Бирих 2005; Жуков 2003; Молотков 1986; Тихонов 2003; Яранцев 1981] и словари пословиц и поговорок [Даль 2006; Мокиенко 2007; Шейко 2006]. По материалам словарей нами было отобрано 333 фразеологизма, репрезентирующих концепт «жизнь» и 156 фразеологизмов, вербализующих концепт «смерть». Полученный материал был классифицирован по семантическим признакам. В семантическую классификацию фразеологизмов, репрезентирующих концепт «жизнь», вошло 220 единиц, в классификации фразеологизмов концепта «смерть» представлено 97 единиц.

В состав семантической классификации фразеологизмов, вербализующих концепт «жизнь», вошло шесть групп, различных по численности составляющих их единиц: начало жизни, качество жизни, изменения в жизни, образ жизни, повседневность / суэта, жизненный опыт. Некоторые группы включают подгруппы. Например, группа **качество жизни** представлена подгруппами «жить бедно, нуждаться» и

«жить в достатке», группа **изменения в жизни** представлена подгруппами «успех и обогащение» и «обнищание». Самая многочисленная группа – **образ жизни** – насчитывает 10 подгрупп: 1. а) тяжелая жизнь, б) однообразная жизнь, с) легкая, беззаботная жизнь; 2. одинокое существование; 3. совместное проживание: а) жить в согласии, б) жить в несогласии; 4. отношение к труду: а) праздная жизнь, б) трудовая жизнь; 5. место проживания: а) жить на одном месте, б) не иметь постоянного места жительства; 6. активное или пассивное отношение к жизни: а) жить и действовать несамостоятельно, б) жить согласно своим убеждениям, самостоятельно; 7. этические нормы: а) безнравственный образ жизни, б) нравственный образ жизни; 8. жизнь – борьба; 9. жизнь – игра / риск; 10. эгоистичное существование.

Нам бы хотелось акцентировать внимание на разветвленности семантической классификации фразеологизмов, вербализующих концепт «жизнь», что, по-видимому, обусловлено многоаспектностью жизни как феномена действительности.

Приведем в таблице представленность групп в процентном соотношении, а также отдельные примеры фразеологизмов, вошедших в классификационные группы.

начало жизни	изменения в жизни	образ жизни	повседневность, суэта	качество жизни	жизненный опыт
1,4%	8,6%	57,7%	4,5%	18,6%	9,1%
<i>появляться на свет</i>	<i>выбиться в люди; оставаться без рубашки.</i>	<i>жизнь – борьба</i>	<i>вертеться как белка в колесе</i>	<i>класть зубы на полку; жить припеваючи</i>	<i>жизнь прожить – не поле перейти</i>

На основании вышеприведенных цифр можно заключить, что наиболее актуальными являются признаки, связанные с образом и качеством жизни.

Семантическая классификация фразеологизмов, репрезентирующих концепт «смерть», насчитывает четыре группы: смерть как завершение жизни, смерть как прерывание жизни, отношение к смерти и обряды смерти. В данных группах также выделились подгруппы: например, группа **смерть как прерывание жизни** представлена подгруппами а) достойная, смерть в бою, борьбе / позорная смерть; б) самоубийство; в) доведение до смерти и убийство, уничтожение.

Анализ материала показывает, что смерть представлена менее разнообразно в сравнении со своим антиподом – жизнью. Возможно,

это объясняется, во-первых, тем, что по отношению к жизни человек занимает в определенном смысле «активную позицию», а по отношению к смерти – пассивную: жизнь строится, а смерть принимается; во-вторых, жизнь связана с положительными эмоциями, наполнена определенными ожиданиями, тогда как смерть для сознания большинства носителей – явление отрицательное.

Рассмотрим представленность вышеназванных групп в процентном соотношении.

смерть как завершение жизни	смерть как прерывание жизни	отношение к смерти	обряды смерти
40,2%	30,9%	23,7%	5,2%
<i>заснуть вечным сном</i>	<i>отправить на тот свет</i>	<i>смерти бояться – на свете не жить</i>	<i>пусть земля ему будет пухом</i>

Как отмечалось выше, на основе процентного соотношения можно проследить актуальность того или иного признака. В данном случае это «смерть как завершение жизни» и «как прерывание жизни». В вышеобозначенных группах выделились подгруппы, среди которых присутствуют наиболее представленные: «умереть» (33%), «достойная смерть в бою, борьбе» (9,3%), «убийство, уничтожение» (11,3%), неизбежность смерти (13,4%).

С целью определения соответствия предложенной семантической классификации репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в лексиконе носителей языка был проведен психолингвистический эксперимент с использованием метода свободной группировки, который можно отнести к категории рецептивных экспериментов, то есть экспериментов «на понимание и восприятие концептов» [Попова, Стернин 2007, с. 187].

В качестве экспериментального материала были отобраны фразеологизмы, представляющие вышеназванные группы. В роли реципиентов выступили студенты второго курса филологического факультета Бийского педагогического государственного университета им. В.М. Шукшина. Общее количество информантов – 50 человек.

Испытуемым предлагалось объединить фразеологизмы в группы, опираясь на общность их значений, и по возможности озаглавить каждую группу. Выделенные информантами группы так же, как и при авторском анализе, предполагалось представить в процентном соотношении с целью выяснить, являются ли актуальными для носителей языка признаки, выделенные на основе лексикографического материала. В

силу объемности материала было решено провести эксперимент в два этапа. На первом этапе испытуемые распределили по группам 73 фразеологизма, репрезентирующих концепт «жизнь», на втором – 32 единицы, вербализующие концепт «смерть».

Соотнесем полученные результаты с авторской классификацией. Исходя из процентного соотношения, отметим, что наибольшее количество реципиентов выделило следующие группы: «жить бедно, нуждаться» (42% информантов выделили эту группу), «тяжелая жизнь» (32%), «беззаботная жизнь» (42%), «праздная жизнь» (48%), «жизнь – игра / риск» (36%), «жизненный опыт» (30%), «жизнь в несогласии» (20%), «жизнь-борьба» (20%), «жизнь в достатке» (24%).

На втором этапе эксперимента использовались фразеологизмы, вербализующие концепт «смерть». Представим группы, выделенные наибольшим количеством информантов: «умереть» (20%), «самоубийство» (36%), «убийство» (44%), «неизбежность смерти» (28%).

Ниже приведены сводные таблицы, включающие авторскую классификацию фразеологизмов, репрезентирующих концепты «жизнь» и «смерть», и результаты психолингвистического эксперимента по определению содержания данных концептов в сознании носителей русского языка.

Таблица 1. Концепт «жизнь»

Группа	Подгруппа	Фразеологизмы		Реакции	
		Количественная представленность	Процентная представленность	Количественная представленность	Процентная представленность
1. Начало жизни		3	1,4	6	12
2. Качество жизни	1. Жить бедно, нуждаться	31	14	21	42
	2. Жить в достатке	10	4,5	12	24

3.Изменения в жизни	1. Успех и обогащение	10	4,5	8	16
	2. Обнищание	9	4,1	4	8

4. Образ жизни	a) 1. а) Тяжелая жизнь	24	11	16	32
	b) б) Однообразная жизнь	2	0,9	0	0
	с) с) Легкая, беззаботная жизнь	17	7,7	21	42
	2. Одинокое существование	9	4,1	8	16
	3. Совместное проживание	3	1,4	6	12
	a) Жить в согласии	3	1,4	6	12
	b) Жить в несогласии	1	0,9	10	20
	4. Отношение к труду	11	5	24	48
	a) Праздничная жизнь	7	3,2	6	12
	b) Трудовая жизнь	4	1,9	2	4
	5. Место проживания	4	1,9	2	4
	a) Жить на одном месте	2	0,9	2	4
	b) Не иметь постоянного места жительства	2	0,9	2	4
	6. Активное или пассивное отношение к жизни	14	6,4	9	18
a) Жить и действовать самостоятельно					

5. Повседневность, суета	10	4,5	4	8
6. Жизненный опыт	20	9,1	15	30

Таблица №2. Концепт «смерть»

Группы	Подгруппы	Фразеологизмы		Реакции	
		Количественная представленность	Процентная представленность	Количественная представленность	Процентная представленность
1. Смерть как завершение жизни	Смерть	4	4,1	8	16
	Умереть	32	33	10	20
	а) Внезапная смерть	2	2,1	4	8
	б) медленная смерть	1	1,03	2	4
2. Смерть как прерывание жизни	1. а) Достоянная, смерть в бою, борьбе	9	9,3	5	10
	б) позорная смерть	2	2,1	4	8
	2. Самоубийство	4	4,1	18	36
	3. а) доведение до смерти	4	4,1	6	12
	б) убийство, уничтожение	11	11,3	22	44
3. Отношение к смерти	Страх смерти	6	6,2	4	8
	Неизбежность смерти	13	13,4	14	28
	У смерти все равно	4	4,1	0	0
4. Обряды смерти		5	5,6	1	2

Опираясь на данные таблиц, проследим следующие моменты. Описывая предлагаемую классификацию, мы останавливались на актуальных (по данным лексикографических источников) признаках концептов «жизнь» и «смерть». В ходе эксперимента мы надеялись выяснить, яв-

ляются ли эти признаки актуальными для носителей языка. Используя данные, приведенные выше в таблицах, попытаемся ответить на этот вопрос. В нашей классификации наиболее представленными оказались подгруппы: «жить бедно, нуждаться», «тяжелая жизнь», «легкая, беззаботная жизнь», «жить и действовать несамостоятельно», «жизненный опыт». Эти же подгруппы, за исключением «жить и действовать несамостоятельно», были выделены наибольшим количеством информантов, что, по нашему мнению, свидетельствует о значимости данных признаков. Интересно, что большое количество реципиентов выделили группы «жизнь-борьба», «жизнь-риск», «жизнь в достатке», «жить в несогласии», «праздная жизнь», которые представлены в нашей классификации, но не относятся к самым актуальным.

Обратимся к сопоставлению классификаций фразеологизмов, репрезентирующих концепт «смерть». Среди подгрупп нашей классификации наиболее представлены следующие: «умереть» (33%), «достойная смерть в бою, борьбе» (9,3%), «убийство, уничтожение» (11,3%), «неизбежность смерти» (13,4%). Данные подгруппы также были выделены большим количеством информантов, за исключением «достойная смерть в бою, борьбе» (всего 10% реципиентов выделили эту группу). Подгруппа «самоубийство» была определена 36% информантов, хотя в нашей классификации она обладает небольшой процентной представленностью (4,1%).

Исходя из сопоставления выделенных автором групп с данными эксперимента можно сделать вывод о том, что в целом авторская классификация фразеологизмов, репрезентирующих концепты «жизнь» и «смерть», соответствует общепринятым представлениям о различных аспектах жизни и смерти и отвечает языковому сознанию носителя, поскольку большинство групп, выделенных и автором, и информантами, совпали.

Реципиентами были отмечены некоторые группы, не вошедшие в авторскую классификацию (например, *положительные / отрицательные характеристики жизни*). Полученные данные представляют интерес для исследователя, который может использовать этот материал для уточнения представлений о жизни и смерти в картине мира русскоязычных носителей.

Литература

- Бирих А.К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. – М., 2005.
- Бычкова Т.А. Концепт «жизнь-смерть» в идиолекте Михаила Зощенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук.– Казань, 2004.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2006.
- Деева Н.В. Модусы бытия человека: жизнь (попытка интерпретации концепта) // Концепт. Образ. Понятие. Символ. – Кемерово, 2004.
- Жуков А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. – М., 2003.
- Залевская А.А. Специфика психолингвистического подхода к анализу языковых явлений // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. – Тверь, 1999.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1997.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.
- Словарь русских пословиц / Под ред. В.М. Мокиенко. – М., 2007.
- Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова – М., 1986.
- Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.И. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М., 2003.
- Хо Сон Тэ. Концепты *жизнь* и *смерть* в русском языке (на материале фразеологизмов и паремий): автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2001.
- Чумак О.С. Корреляция концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле Б.Л. Пастернака (на материале романа «Доктор Живаго»): автореф. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004.
- Шейко Н.И. Пословицы и поговорки русского народа. – М., 2006.
- Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М., 1981.

СИТУАЦИЯ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ И ЛЕКСИКА, ЕЕ ОБСЛУЖИВАЮЩАЯ, В ЯЗЫКЕ ГОРОДА

О.Г. Лещинская

Ключевые слова: вербализация, язык города, лексика говорения, система слухового восприятия, лексика слухового восприятия.

Keywords: verbalization, the urban language, speaking vocabulary, hearing representative system, hearing vocabulary.

Слуховая сенсорная система является одной из ведущих в восприятии человеком внешнего мира. По-видимому, это связано с тем, что слух играет первостепенную роль в процессе общения людей. Лингвисты, изучающие отражение модальностей восприятия в языке, признают слуховой канал одним из ведущих в языковой картине мира [Апресян 1995, с. 363]. Модальность слухового восприятия отражается в двух типах предикатной лексики – в лексике слуха (обозначения процессов слухового восприятия) и в лексике звучания. Лексика звучания в литературном языке богата и разнообразна. В ней выделяются предикаты-глаголы, обозначающие процесс звучания, и предикаты-прилагательные, характеризующие различные качества звука [Васильев 2005, с. 170, 227].

Иначе дело обстоит с лексикой звучания в языке города. Он представляет собой некодифицированную разновидность общенационального языка и отражает городскую низовую культуру, для которой характерен свой способ видения мира, отличающий ее от официальной культуры. А.А. Юнаковская отмечает, что одной из черт просторечной картины мира является антропоцентризм. Просторечный антропоцентризм, по мнению автора, имеет следующие проявления [Юнаковская 1998, с. 195–196]:

1. **Лексико-семантический антропоцентризм.** Он проявляется в том, что в центре ЯКМ находится человек, который воспринимает окружающий его мир избирательно. В лексиконе наиболее представлены ЛСГ, характеризующие человека во внешних и внутренних проявлениях, при этом «норма» и «положительное» обычно не фиксируются, а «отрицательное» имеет многократное выражение.

2. **Деривационный антропоцентризм.** Он состоит в том, что деривационные механизмы отражают прежде всего аномальные отклоне-

ния от «нормы» при характеристике человека. При этом наблюдается использование малопродуктивных или непродуктивных (в литературном языке) моделей и аффиксов, употребление словосложения для обозначения «некомплектных» явлений и т.п.

3. Коммуникативный антропоцентризм. Его действие ограничивает речевые произведения тематически: тексты чаще всего сосредоточены на теме «Человек».

Все сказанное, на наш взгляд, вполне применимо к лексике слуха. Анализ лексических единиц, составляющих поле слухового восприятия в языке города, показывает, что в количественном отношении в нем значительно преобладает лексика со значением говорения. Данная лексико-семантическая группа является предметом настоящего исследования. Мы рассмотрим лексические средства, с помощью которых носители некодифицированных разновидностей языка (просторечия и жаргона) характеризуют звучащую речь. Материалом исследования являются лексические и фразеологические единицы, зафиксированные в «Словаре современного города» под редакцией Б.И. Осипова [Словарь современного города 2004], а также в словаре омского городского просторечия, составленном А.А. Юнаковской [Юнаковская 2004].

Лексика со значением говорения представлена преимущественно глаголами и фразеологизмами с глагольной семантикой, реже отглагольными существительными. Компонентный анализ позволяет выделить две группы семантических признаков глаголов говорения:

1. Признаки, связанные с восприятием звуковой стороны речи: темп, громкость, четкость, дефекты речи, интонация.
2. Признаки, указывающие на различные стороны процесса общения: наличие цели, выражение эмоционального отношения к кому-либо или чему-либо и др.

Соответственно, все глаголы говорения можно условно разделить на три группы:

1. Глаголы, обозначающие процесс говорения вообще, безотносительно к звуковой и содержательной стороне: *гаять*, *ботать*, *квакать*, *пикать*.

Анализ высказываний, приводимых авторами «Словаря современного города», показывает, что эти лексемы синонимичны литературному *говорить* и могут характеризовать разные стороны процесса говорения, как формальные, так и содержательные. Так, например, лексема *ботать* может иметь следующие компоненты значения:

а) «говорить, произносить» (ср.: Не ботай так быстро); б) «разговаривать, общаться» (*Собрались они и давай ботать*); в) «владеть определенной разновидностью языка» (*ботать по фене* – «говорить на воровском жаргоне»).

2. Глаголы, характеризующие речь как звуковой поток. Здесь можно выделить следующие микрогруппы:

А. Единицы, семантика которых указывает на громкость речи: *орать, базлать, вопить, гаять, гомонить* – «громко разговаривать, кричать»; *мурлыкать* – «тихо говорить или напевать что-то». Отметим, что в языке города преобладают слова со значением «говорить громко». Они могут характеризовать не только особенности голоса, но и особенности речевого поведения человека (ср. с широко распространенными в разговорной речи высказываниями типа «Не ори на меня»).

Глаголы ряда *орать, базлать, вопить* могут обозначать как членораздельную, так и нечленораздельную речь. В первом случае они могут характеризовать речевое поведение человека – словесное выражение сильных отрицательных эмоций по отношению к кому-либо. Это особенно характерно для глагола *базлать*, который содержит в составе значения ярко выраженные отрицательные оценочные компоненты, о чем свидетельствует помета «груб.». Подобные слова могут также иметь значение «издавать громкие нечленораздельные звуки». Глаголы *гомонить, гаять*, приведенные в «Словаре современного города» в одном синонимическом ряду с лексемой *орать*, имеют значение «громко разговаривать, шуметь» и могут сочетаться с существительными в форме множественного числа, а также с собирательными существительными (ср.: «У подъезда мужики гомонят»).

Б. Лексемы, характеризующие темп речи. По данным словаря, в языке города используются слова со значением «говорить быстро»: *белебенить, гнать, тараторить, сыпать, трындычить, тарактеть, чесать*. Произносимая в быстром темпе речь чаще всего бывает неразборчивой и непонятной для слушающего. Поэтому в составе семантики данных глаголов содержатся соответствующие семы, на которые указывают словарные толкования, а также приведенные авторами «Словаря современного города» высказывания. Ср.: 1. *Да не гони ты, ничего из твоего шамканья не разберу.* 2. *Как ты с ней разговариваешь? Она ведь трындычит ужасно.* 3. *Ее трудно понять, сыпет и сыпет.*

В. Лексемы, характеризующие процесс говорения с точки зрения четкости звучащей речи: *мямлить, жвакать, лопотать*.

Большинство рассматриваемых нами лексем имеет в словаре помету «неодобр.». Это свидетельствует о наличии в составе значения негативных эмоциональных и оценочных коннотаций, на что также указывают приводимые авторами словаря высказывания. Неразборчивая или произносимая в быстром темпе речь является причиной затруднений, возникающих в процессе коммуникации, а потому вызывает у слушающего чувство раздражения по отношению к говорящему. Следовательно, оценочный компонент обязателен для лексем с подобным значением (в отличие, например, от глаголов типа *базарить*, которые в определенных контекстах могут быть нейтральными).

В просторечии используются единицы, характеризующие какие-либо дефекты речи: *гундосить* – «говорить в нос», *стряпать языком пельмени* – «иметь какие-либо дефекты речевого аппарата». Лексические и фразеологические единицы с подобным значением также можно считать оценочными. Здесь большое значение имеет эстетическая оценка. В сознании человека есть представление об идеальном голосе, лишенном каких-либо дефектов речевого аппарата. Если голос не соответствует этим представлениям, то он вызывает у воспринимающего субъекта не только чувство раздражения, но и чувство неприязни по отношению к человеку, обладающему подобным голосом. Ср.: приведенное авторами словаря высказывание: «Какой мужик противный, гундосит и гундосит!» В наивной картине мира приятный голос приписывается привлекательному человеку, вызывающему у воспринимающего субъекта чувство симпатии, тогда как неприятный голос (в частности, голос с дефектами речевого аппарата) часто приписывается человеку внешне непривлекательному и вызывающему чувство неприязни [Коротун 2000, с. 90–94].

Эта группа лексических единиц малочисленна, преобладают лексемы, характеризующие неразборчивую речь в целом.

В языке города нет слов, обозначающих четкую речь, понятную слушающим. Такая речь является нормой для говорящих на данной разновидности языка и, следовательно, не замечается ими. Невнятная, неразборчивая речь, напротив, является отклонением от нормы, поскольку создает затруднения в процессе коммуникации. Любое отклонение от нормы, как известно, замечается человеком и фиксируется

в языке, что особенно характерно для его некодифицированных разновидностей.

3. Глаголы, характеризующие различные стороны процесса общения. Внутри данной группы можно выделить:

А. Глаголы и фразеологизмы, обозначающие процесс общения: *базарить, гутарить, балакать, чирикать, трепаться* и т.д.

В составе значения этой группы лексем могут содержаться следующие признаки:

1. Диалогический – монологический характер общения: *болтать языком – сцепиться языками*. По данным «Словаря современного города», в языке Омска преобладают лексические единицы, характеризующие такой процесс говорения, который протекает в форме диалога. Иначе говоря, подавляющее большинство составляют глаголы, синонимичные литературной лексеме *разговаривать*.

2. Незначительность разговора, отсутствие цели общения: *балакать, калякать, трепать, трепаться, чирикать, болтать (молоть, ляскать) языком* и др.

3. Продолжительность разговора во времени. Ср.: *базарить – побазарить – пробазарить*; *калякать – покалякать – прокалякать*. Компонент продолжительности выражен эксплицитно с помощью соответствующих префиксов.

4. Эмоциональное и оценочное отношение говорящего (автора высказывания) к разговору. Ср.: *трепаться* – «заниматься бесцельными разговорами, которые могут раздражать кого-либо»; *балакать* – «заниматься бесцельными, но приятными для собеседников разговорами».

Б. Глаголы и фразеологизмы с семантикой выражения отрицательных эмоций по отношению к кому-либо. С одной стороны, здесь выделяются лексемы, синонимичные литературным *кричать, ругаться*: *орать, гавкать, рычать, рыкать*. Кроме того, компонент «выражать недовольство» имеют в составе значения глаголы типа *бухтеть, бурчать, буркать*. Все единицы со значением выражения отрицательных эмоций содержат в составе значения компонент, указывающий на интонацию или на громкость речи. Так, например, глаголы типа *бухтеть, бурчать* могут характеризовать невнятную речь, которая произносится недоброжелательным тоном и вызывает у слушающего негативное отношение к говорящему (ср.: *бухтит* и *бухтит что-то непонятное, вечно недоволен*). Таким образом, выделенные нами диффе-

ренциальные признаки, указывающие на содержательную и формальную стороны процесса говорения, могут по-разному комбинироваться в составе значения глаголов говорения.

подавляющее большинство глаголов говорения составляют производные лексемы, возникшие в результате словообразовательной и семантической деривации. Наиболее продуктивными можно считать два способа образования подобных единиц:

1. Образование глагольных лексем от звукоподражаний путем аффиксации: *балаболить*, *балакать*, *белебенить*, *калякать*, *малякать*, *лялякать*. Связь со звукоподражаниями усиливает следующие семантические признаки:

А. Неразборчивость звучащей речи: *белебенить*, *тараторить* (речь воспринимается как нерасчлененный звуковой поток).

Б. Отсутствие цели и содержания разговора, пустословие: *калякать*, *малякать*, *балакать*, *балаболить* (усиливается сема бессодержательности, речь – звуковой поток, лишенный какого-либо смысла).

2. Семантическая деривация лексем, обозначающих звуки, издаваемые животными или какими-либо предметами: *гавкать*, *рычать*, *рыкать*, *ворковать*, *чирикать*, *звякать*. Здесь можно выделить:

А. Лексемы, образованные от наименований звуков, издаваемых птицами: *чирикать*, *ворковать*, *защебетать*. Связь с мотивирующим словом способствует актуализации различных признаков.

Ворковать – «беседовать, разговаривать, обычно дружелюбно». Часто применяется по отношению к влюбленным (*А они все воркуют да воркуют*).

Чирикать – «заниматься пустыми разговорами».

Защебетать – «неразборчиво, невнятно заговорить» (ср. приведенное авторами «Словаря современного города» высказывание: «И по-каковски ты здесь защебетала?»).

Б. Лексемы, образованные от наименований звуков, издаваемых животными. Они характеризуют агрессивное речевое поведение (гавкать, рычать и др.). Благодаря внутренней форме усиливаются соответствующие семантические признаки.

Кроме глаголов, лексика говорения представлена отглагольными существительными, которые в «Словаре современного города» под ред. Б.И. Осипова приводятся в двух синонимических рядах:

1. Существительные, обозначающие разговор, лишенный цели и (или) воспринимаемый кем-либо как бессодержательный и незначительный: *болтология, треп, чес, базар-вокзал* и др.

2. Существительные со значением «крик, шум»: *ор, гай, хай*. Так же, как и глаголы, они могут обозначать: а) речевое поведение человека или группы людей; б) громкие нечленораздельные звуки, издаваемые кем-либо. Ср.: 1. *Ор подняли – задают много*. 2. *Ничего ты не понимаешь. Это ж художественный ор*.

Однако отметим, что существительные с семантикой говорения в языке города немногочисленны. Подавляющее большинство рассматриваемой нами лексико-семантической группы составляют глаголы. Это связано с тем, что говорение мыслится как процесс, а семантика процессуальности в языке передается прежде всего глаголами. Поэтому при номинации процесса говорения глаголам отдается предпочтение перед существительными.

С глаголами говорения тесно связаны лексемы, синонимичные литературному *замолчать*. Данная группа представляет собой синонимический ряд глаголов и фразеологизмов с глагольной семантикой: *забиться, закрыться, зашиться, притихнуть, засохнуть, закрыть гудок, закрыть варежку, завалить рот, залепить дуло* и т.п. Эти лексические и фразеологические единицы используются преимущественно в высказываниях, побуждающих адресата замолчать, перестать говорить то, что неприятно для окружающих

Ср.: 1. *зашейся лучше. Все равно ведь ничего умного не сказал*. 2. *Лучше засохни, тебя все равно никто не слушает*. 3. *Ну хватит орать уже. Закройся*.

Некоторые из рассматриваемых нами глаголов входят в состав структурно равных предложению устойчивых единиц, выражающих требование замолчать (*забейся в тубик, там прохладно; закрой варежку, кишки простудишь; закрой свое ведро, чтоб больше не текло*).

Многие фразеологические единицы, синонимичные общеупотребительному глаголу *замолчать*, включают в себя обозначения органов речи (*завалить рот, закрыть варежку* и др.). Рот как источник звука может уподобляться открытому сосуду, из которого льется жидкость (*закрой свое ведро, чтоб больше не текло*). В сознании человека, таким образом, существует представление о речи как о потоке (ср. литературное *речевой поток*).

Органами речи в языковой картине мира являются рот и язык. Лексемы, синонимичные литературным существительным *рот* и *язык*, могут иметь внутреннюю форму, указывающую на связь данных органов с процессом речепорождения: *звякало* – «язык как орган речи»; *говорильник* – «рот». Подобные лексемы обладают отрицательными коннотациями, так же как и связанные с ними глаголы говорения. Они обозначают органы, с помощью которых человек производит нежелательные с социальной точки зрения действия – праздные разговоры, вербальную агрессию по отношению к кому-либо из участников коммуникации и т.д.

Проведенное нами исследование еще раз показывает, что слова с семантикой говорения не обозначают процесс звучания в чистом виде. По мнению исследователей, это связано с тем, что процесс говорения является социально значимым. Сема звучания отходит на второй план [Кондрашов, Третьякова 1991, с. 114]. На первый план выходят семы, указывающие на какие-либо явления, связанные с процессом общения. Тем не менее мы рассматриваем данную лексико-семантическую группу внутри поля слухового восприятия, поскольку слуховой канал играет первостепенную роль в процессе общения.

Некодифицированные лексические и фразеологические единицы со значением говорения в подавляющем большинстве имеют в составе значения отрицательные эмоциональные и оценочные коннотации. Носители некодифицированных разновидностей языка обозначают с их помощью те действия, которые осознаются как отклонения от нормы поведения человека. Такими отклонениями считаются прежде всего праздные и бессодержательные разговоры и проявления вербальной агрессии по отношению к адресату высказывания. Подобные явления признаются антинормой. Они фиксируются носителями языка и получают в речи многократное означивание.

Литература

- Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
- Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. – Уфа, 2005.
- Кондрашов Н.А., Третьякова В.С. Звукоподражательные глаголы в системе русской лексики // Лексическая семантика. – Свердловск, 1991.
- Коротун О.В. Голос: гендерные стереотипы // Язык. Человек. Картина мира. – Омск, 2000.

Словарь современного города / под ред. Б.И. Осипова. – Омск, 2003.

Юнаковская А.А. Детерминанты частной языковой картины мира (на примере общерусского просторечья) // Человек. Коммуникация. Текст. – Барнаул, 1998. – Вып. 2. – Ч. II.

Юнаковская А.А. Омское городское просторечие: фразеология: Словарь. – Омск, 2004.

СУБЪЕКТИВНЫЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ КАТЕГОРИИ *КОЛИЧЕСТВО*

Е.В. Федяева

Ключевые слова: категория количества, антропоцентрический, этнокультурный компонент.

Keywords: the category of Quantity, anthropocentric, ethnocultural component.

Появление новых парадигм в лингвистике, и в первую очередь когнитивной парадигмы, вызвано пониманием того, что язык, будучи результатом деятельности, человеческого сознания, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем [Кравченко 1996, с. 3]. Отсюда вытекают общие установки, присущие современной лингвистике, такие как антропоцентризм, экспланаторность, экспансионизм [Кубрякова 1995, с. 207]. Проблема человеческого начала в языке стала в настоящее время одной из центральных проблем языкознания.

Новый подход к анализу языковых явлений, попытка их рассмотрения в диаде «язык и человек» приводит к выводу, что данный анализ является «не только “антропоцентрическим” (организованным в согласии с общечеловеческими интересами и ценностями), но и “культурно-связанным” (отражающим более конкретные установления и виды практической деятельности, характерные для разных культур)» (Лайонз, цит. по: [Кубрякова 1995, с. 213]).

Постановка вопроса, ЧТО и КАК люди считают, непосредственно ведет к более подробному рассмотрению роли субъекта в познании действительности.

Человеческое сознание – это скоординированное единство когнитивных и прагматических структур. Когнитивные структуры предо-

ставляют информацию о мире, каким он является в своей онтологической сущности. Таким образом, в данных структурах упорядочено объективированное, внепрагматическое знание мира, его связей и зависимостей. Исходные прагматические структуры сознания – это субъективная оценка всего наблюдаемого. Субъективные интересы «питаются» объективным знанием, поэтому всякое конкретное значение неизбежно получает квалификацию как элемент этих двух структур сознания: когнитивной и прагматической [Никитин 1996, с. 30]. Конечно, такое жесткое разделение является в значительной мере условным и необходимо в чисто исследовательских целях, в то время как в практике речевой деятельности все три компонента знака – его синтактика, семантика и прагматика – всегда выступают в едином целом, и именно учет всех трех аспектов обеспечивает успех коммуникации.

Самим своим существованием человек выделен из мира и определенным образом противопоставлен миру. В процессе познания окружающего мира человек всегда помещает себя в центр этого процесса, произвольно делая себя «мерой всех вещей», им познаваемых. Строя в процессе познания какие-либо суждения о мире, человек исходит прежде всего из признания своего собственного существования в мире. Субъективный компонент «встроен» в содержание такого универсального понятия, как «количество». Само «число» может существовать и до счета, «количество» же есть как бы констатированное (сосчитанное) субъектом [Степанов 2001, с. 536]. Таким образом, данное понятие не является чисто объективным отражением реальных свойств мира, поскольку включает субъективный элемент.

Мнение о наличии, количестве, качестве признаков различных объектов действительности есть результат оценочной деятельности человеческого мышления. Мыслительная деятельность человека в большей своей части совершается в форме оценок, так как в процессе познания индивид реализует ценностное отношение к миру.

В основании оценки лежат знания и методы, приобретенные в процессе познания. Эти методы различаются по своей природе. Так, измерение и счет (в языке это группы с числительными) являются отражением теоретических, научных, прежде всего математических, методов выявления количественных отношений и дают возможность точного познания благодаря наличию измерительных приборов.

Все точные квантификации должны привести к выражению результата посредством числа. Когда операции с количествами осуще-

ствляются при помощи математических формул и выражаются цифрами и символами, они точны и однозначны. Но когда манипулировать количествами начинает естественный язык, «когда объектом количественных оценок становится мир предметов и событий, идей, а также мыслей и чувств человека, его впечатлений, то система точных измерений расшатывается» [Аругюнова 2005, с. 20].

Поэтому за пределами непосредственно математических, опирающихся на теоретическое, научное знание способов отражения количественных отношений, естественно предположить наличие нематематических, возможно, специфически языковых способов отражения количества, опирающихся на эмпирические, когнитивные структуры, например зрительное восприятие.

Эмпирические когнитивные структуры лежат в основе самых разнообразных количественно-оценочных высказываний, а «способность человека оперировать с нежесткими (нечеткими, приблизительными) множествами находит отражение в том, что к определенно-количественным числительным примыкает группа слов, обозначающих неопределенные количества: “много”, “мало”...» [БЭСЯ, с. 582].

Когнитивная разновидность оценки основана на интуиции, а одно из назначений оценки – симптоматически установить количество признака, давая количественную оценку.

Результаты исследований Жана Пиаже [Пиаже 1994, с. 244] показывают, что у детей критерием количественной оценки является целостная форма (без анализа деталей), глобальная, приблизительная квантификация на основе перцепции.

Действительно, если перед ребенком положить горстку конфет и спросить: «Сколько?», ответ прозвучит незамедлительно: «Много / Мало».

Не испытывая потребности в точной количественной оценке (из-за отсутствия точного понятия числа), дети ограничиваются глобальным качественным сравнением (с индивидуальным для каждого эталоном). Для нас, взрослых, количественная оценка определяется отношением единиц к соответствующим им элементам, так как соотношение является поэлементным. Для детей имеет место лишь поиск глобального сходства [Пиаже 1994, с. 325].

Ученые, занимающиеся исследованием оценочного количества указывают на тот факт, что идея неопределенного множества возникает на гносеологическом уровне и представляет собой результат не

счета, а обобщения лишь общего впечатления о каком-либо количестве [Чеснокова 1992, с. 11].

Это обобщенное представление базируется на сравнении. Е.М. Вольф подчеркивает, что, только сравнив **А** с **Б**, можно сказать, что **А** – большое, а **Б** – маленькое. Так строятся количественные и качественные оценки [Вольф 2002, с. 48].

Структура оценочной шкалы отражает две основные стороны оценки – субъективную и объективную. С одной стороны, шкала учитывает отношение субъекта, а с другой – свойства объекта оценки [Вольф 2002, с. 48].

Э. Сепир вводит термин «градуирование» для обозначения системной понятийной основы категории «количество», ее сущностное ядро: включение квантифицируемого объекта в отношения «больше / меньше» [Сепир 1986, с. 45].

Такая градация ведет к выстраиванию субъектом индивидуальной шкалы ценностей, цена деления на которых будет меняться в зависимости от интеллектуальных способностей, желаний, мотивов, страстей субъекта.

Оценка считается объективированной, если используется какой-то единый для всех эталон сравнения. При использовании же выражений «много / мало» оценка остается субъективной: ведь то, что один человек оценивает как «много», другой может охарактеризовать как «мало».

Поэтому в обществе существует некая конвенциональная, разделяемая большинством точка зрения. Так, например, традиционная система оценок знаний, принятая в нашей стране: 5 – «отлично», 4 – «хорошо» и т.д., является конвенциональной, отражая, насколько близко в сознании представлены категории количества и оценки.

Кроме того, при любой оценке, как отмечает Е.М. Вольф, количественной или качественной, частной или общей, в «картине мира» субъекта оценки существует соответствующий стереотип, на который опирается вся система оценок [Вольф 2002, с. 56].

В целом, значения, выражающиеся в соответствии со стереотипом (нормой) на оценочной шкале (элемент, на который опирается оценочная шкала), как представляется, могут выражать, образования со значением «достаточно».

В естественном языке на количественно-оценочное значение дополнительно накладывается эмоциональная оценка, которая может

вносить изменения в отражение истинности квантифицируемого объекта.

Эмоциональная оценка «много», например, может возникнуть под воздействием зрительного восприятия приближения к пределу возможного наполнения чашки жидкостью. В качестве примерной иллюстрации представим следующую ситуацию. Никита, трехлетний ребенок, увидел чашку, доверху наполненную соком, и ужаснулся: – «И мне всю эту **многость** пить?!» [Айболит, май 2007, с. 21].

В данном примере когнитивным основанием общей оценки является комбинация признаков отношения «больше / меньше», «тотально-партитивное» (термин Г.Г. Кругликовой [Кругликова 1993, с. 77]) отношение в форме «достигнутого / недостигнутого» количественного соответствия содержимого содержащему, на которые дополнительно накладывается эмоциональная оценка субъекта оценки. В данном примере оценка «очень много» возникает в результате зрительного восприятия приближения к пределу возможного наполнения чашки жидкостью.

Данный способ определения количества, связанный с эмпирическим познанием, выявлением симптоматического количества составляет оппозицию научному, теоретическому способу определения количества и отражает субъективную оценку в рамках потребностей, возможностей и интересов индивида.

Поскольку восприятие осуществляется человеком, то в количественно оценочных выражениях нередко эксплицируются или имплицитно руются фрагменты антропосферы, а также обобщенные результаты работы различных органов чувств субъекта оценки. Приведем примеры:

(1) *The rain suddenly pattered on the window like **a handful of pebbles**, then grew quiet again (I. Murdoch).*

(2) *She swallowed a last **mouthful of** chocolate (J. Harris).*

(3) *She was outside raking leaves and placing great **armloads of** them in a barrel, which afterwards she would have to burn (D. Steel).*

(4) *There were three rooms and you **couldn't swing a cat** in any of them, and from when I can remember I was crushed between lads in the bed (C. Cookson).*

Из этих примеров видно, что в наименованиях количеств, познанных эмпирически, естественным образом присутствуют названия тех органов чувств, с помощью которых и познавалось количество (*hand, mouth, arm*). Кроме того, с точки зрения носителей данного языка, вы-

ражение *not enough room to swing a cat* наиболее выразительно передает значение «мало». Этот пример позволяет нам перейти к рассмотрению еще одного компонента, встроенного в количественно-оценочные значения. Поскольку каждый субъект оценки является одновременно носителем культуры, то культурно-специфический компонент является составной частью антропоцентрических представлений.

Знания человека о внешнем мире состоят из знаний, полученных из индивидуального опыта, и знаний, полученных вследствие его принадлежности к различным национальным, этническим и другим группам. Совокупность знаний, верований, традиций, формирующих различные культуры, существенно влияет на когнитивную деятельность человека и является посредником между человеком и окружающим его миром. Она выполняет функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире. Соответственно, различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование [Кронгауз 2001, с. 28].

Носитель любого языка организует свою речевую (текстовую) деятельность в соответствии с принятыми нормами и правилами, которые многочисленны и разнообразны. Но в них непременно присутствует этнокультурный компонент. Результатом взаимодействия субъекта с окружающим миром является сформированная им система критериев оценки и квалификации объектов и явлений действительности – так называемые когнитивные эталоны. А.М. Шахнарович подчеркивает, что уже на самых ранних этапах формирования таких когнитивных эталонов они носят «откровенно национально-культурный характер, поскольку в основе их формирования и закрепления лежит, как правило, игра, национальный характер которой не вызывает сомнения» [Шахнарович 1999, с. 5]. Эти когнитивные эталоны становятся базой, на которой выстраивается вся система культурных норм и оценок действительности. Способом закрепления и хранения этих норм и оценок окружающей действительности становятся знаки языка, являющиеся символическим руководством к пониманию культур, «овнешнением» внутренних, ментальных образов сознания.

Любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно значимых понятий и отношений. Все, что культурно значимо, так или иначе выражено в языке [Фрумкина 2001, с. 87].

Для нас представляет интерес образное выражение приблизительного, эмпирически познанного количества, то, как оно переживается, интерпретируется и оценивается, какие экспрессивные формы оно принимает.

Язык отображает культурно-национальную ментальность его носителей, на формирование которой влияют традиции, природа и ландшафт, особенности воспитания и обучения, а также другие факторы. При этом необходимо подчеркнуть, что представители разных культур отражают в своем языке разные фрагменты объективной реальности, а точнее именно те, которые имеются в их распоряжении. Ведь у представителей одной культуры понятие «много» может ассоциироваться, например, с океаном, а у представителей другой культуры оно вызовет образы, связанные с пустыней или полем.

Ранее отмечалось, что составной частью субъективной, в том числе и количественной оценки, является эмоциональная оценка. Многие слова в любом языке окружены эмоциональными ассоциациями. Поэтому следует, по-видимому, особо выделять количественные выражения, отличающиеся своей образностью и являющиеся средством выражения эмоциональной оценки познающего субъекта, относящегося к определенной культуре. А. Вежбицкая подчеркивает, что способ интерпретации людьми своих эмоций зависит от лексической сетки координат, которую дает им родной язык [Вежбицкая 1999, с. 505]. Приведем пример:

(5) *For the trained symbologist, watching an early Disney movie was like being barraged by **an avalanche of allusion and metaphor** (D. Brown).*

Анализ данного примера позволяет предположить, что выражение, передающее неопределенно большое количество в английском языке *an avalanche of*, в котором количественное значение включает эмоционально-оценочную сему, было заимствовано из французского языка, так как именно природный ландшафт Франции характеризуется наличием горных цепей.

Когнитивные процессы в сознании представителей этой культуры заложили основания для сравнения с данным, уже познанным фрагментом объективной реальности. Поэтому не удивительно, что сами горы, а также явления связанные с ними, находят свое выражение в языке.

Напротив, в английском языке имеется много выражений, передающих количественные отношения посредством различных сочета-

ний со словами «море», «океан» и т.д., что является также отражением объективной действительности, связанных с особенностями географического положения, удерживаемыми в сознании представителей данной культуры. Приведем примеры:

(6) ...*Beyond them, filling the middle distance, an **ocean of olives**; and then the sierra, sharp against the sky* (P. O'Brian).

(7) *Before Sophie and Teabing could respond, a **sea of blue police lights and sirens** erupted at the bottom of the hill and began snaking up the half-mile driveway* (D. Brown).

(8) *The **flood of uniforms** in the city worried him almost all the time* (D. Steel).

Данные существительные становятся конвенциональными средствами выражения значения «неопределенное множество».

На их фоне особенно четко ощущается различие в выражении неопределенно малого количества в сочетаниях типа *a drop of...*, *an island of...* и т.д.

(9) *Amelia, in the next bed, was already awake but kept her eyes closed to savour the last **drop of sleep*** (K. Atkinson).

(10) *But all she saw as she wandered in the direction of the Reichstag were droves of British and American soldiers..., and here and there an **island of curious Berliners**...* (D. Steel).

При этом можно заметить, что английскому выражению «an ocean of flowers» в русском языке будет соответствовать выражение «море цветов», то есть «очень много», а такому выражению, как «a drop in the ocean», будет соответствовать выражение «капля в море», означающее «очень мало».

Причиной некоторого различия соотношения «ocean / море» является различие в культурах и картинах мира носителей данных языков. Так, для русского человека слово «море» есть уже нечто огромное. Имеющийся природный ландшафт и географическая отдаленность не позволяют иметь четкого представления о том, что такое «океан». Поэтому в русских сказках, песнях, заговорах мы встречаем выражение «море-киян / киан» что позволяет нам судить о том, что два этих слова в русском языке воспринимаются как нечто тождественное.

Таким образом, понятие «количество» включает:

– индивидуальный или субъективный компонент, выражающий отношение (в том числе эмоциональное) субъекта к оцениваемому количеству;

– этнокультурный компонент, отражающий, языковую картину мира его носителей, находящую отражение в значениях лексических единиц.

Знание субъекта о количестве включает, по меньшей мере, два компонента: научное и эмпирическое знание. Научное знание может быть получено субъектом в процессе обучения. Эмпирическое знание о количестве субъект приобретает в процессе практической деятельности.

Таким образом, перенос основных акцентов в область субъекта и рассмотрение различных аспектов категории «количество» под этим ракурсом позволяет осмыслить различную реализацию количественных значений.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Проблема числа // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М., 2005.
- БЭСЯ – Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание. – М., 1998.
- Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2002.
- Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные вопросы языковой категоризации. – Иркутск, 1996.
- Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.
- Кронгауз М.А. Семантика. – М., 2001.
- Кругликова Г.Г. Языковая категория квантитативности и аспекты ее изучения // Филологические науки. – М., 1993. – Вып. 3.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996.
- Пиаже Ж. Генезис числа у ребенка // Избранные психологические труды. – М., 1994.
- Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика.
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001.
- Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М., 2001.
- Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы его выражения в современном русском языке. – Таганрог, 1992.
- Шахнарович А.М. Культурный компонент категоризации в онтогенезе // Филология и культура. Ч. I. – Тамбов, 1999.

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ СУБСТРАТНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

Е.Л. Калинина

Ключевые слова: топоним, концепт, ассоциация, лакуна, эксперимент.

Keywords: toponym, concept, assosiation, lacuna, experiment.

Географические названия в любом естественном языке представляют собой большой пласт лексики, обладающий помимо собственно языковых особенностей огромным информационным потенциалом. В них запечатлеваются уникальные географические, социально-исторические, идеологические, этнографические сведения. Топоним как знак запускает в нашем сознании спектр разнообразных представлений, обогащенных нюансами личностных смыслов, эмоций и ассоциаций, иными словами, реализует объемный мыслительный образ – концепт. Топонимические концепты восходят к одной из важнейших составляющих концептосферы в целом – к образу пространства. В структуре концептосферы исследователи выделяют различные уровневые образования: суперконцепты, макроконцепты, базовые концепты и микроконцепты [Убийко 1999, с. 52]. «Пространство» является одним из интегрирующих суперконцептов, в основе которого лежит ряд макроконцептов:

- 1) трехмерное физическое пространство в своей целостности;
- 2) психическое пространство как сумма психических репрезентаций, соответствующих любым сферам человеческого знания;
- 3) языковое пространство как особый тип пространства, включающий лингвистические категории и всю систему языка [Дмитриева 2002, с. 67].

Одним из базовых концептов трехмерного физического пространства является концепт «место», географическая составляющая которого в языковой проекции предстает как система взаимосвязанных географических названий, а в проекции концептосферы – как совокупность микроконцептов, репрезентируемых топонимами.

Структура топонимического концепта обусловлена спецификой семантики географического имени. Современные исследователи рассматривают топоним как полиинформативный языковой знак. В.А. Никонов в семантическом пространстве географических названий

выделяет три пласта: дотопонимический, топонимический и оттопонимический. Дотопонимическое значение, или «внутренняя форма», топонима входит в фоновые знания носителей языка. Топонимическое значение, кроме минимальной информации – указания на объект, – может содержать дополнительные сведения о нем, хорошо известные в какой-либо социальной общности, но частично неизвестные за ее пределами. Оттопонимический план значения – это образовавшиеся в процессе функционирования имени коннотативные, ассоциативные наслоения, а также его деривационные связи [Никонов 1965, с. 26]. Е.Л. Березович семантику топонима образно представляет в виде конуса, вершину которого составляют сведения о местоположении и виде географического объекта, а основу – семантика исходного апеллятива с наслоившимися в ходе языковой реализации новыми смысловыми оттенками и явлениями редукции части исходной семантики [Березович 1991, с. 75].

Проекция семантики топонима в когнитивную плоскость делает очевидным многоуровневое строение репрезентируемого им концепта. Теория концептуального строения на материале нарицательной лексики разработана Ю.С. Степановым, который выделяет в структуре концепта несколько слоев: «активный» понятийный слой; дополнительные исторические признаки содержания; внутреннюю форму названия [Степанов 1997]. Основываясь на позиции Ю.С. Степанова, сообразно с представлениями современных исследователей о семантике географического имени, структуру топонимического концепта можно представить в виде трехслойного образования.

1. Понятийный слой включает представления о виде и местонахождении именуемого объекта, то есть минимальную информацию, необходимую для реализации основной функции топонима.
2. Дополнительные признаки содержания заключаются в представлениях о причине возникновения, истории изменения имени, дополнительных энциклопедических сведениях об именуемом объекте, комплексе наслоившихся смысловых оттенков, коннотаций, ассоциаций, в том числе и чисто индивидуальных, связанных с опытом и представлениями конкретного носителя языка.

3. Внутренняя форма имени содержит заключенное в топониме представление об исходном апеллативе.

Топонимия любого региона проходит определенный исторический путь, в ходе которого помимо чисто языковых изменений географических имен наблюдаются сдвиги в их концептуальном содержании. Особенно динамично этот процесс протекает в сфере субстратных топонимов, функционирующих на относительно недавно освоенных новыми населенниками территориях. Включение субстрата в новую топонимическую систему связано с деэтимологизацией названий и, как следствие, с опустошением концептуального слоя, реализующегося во внутренней форме. В распоряжении коммуникантов остаются лишь звуковые (графические) оболочки, а первообразная семантика и концептуальное пространство имен выражается пустотой (лакуной). Подобное явление квалифицируется исследователями как межъязыковые конфронтативные лакуны, обусловленные дрейфом двух различных культур [Сорокин 1982, с. 23]. При наличии лакуны возникает тенденция к ее ассоциативному заполнению (элиминированию), за счет которого происходит адаптация имени в новой концептосфере.

Изучение особенностей концептуального наполнения географических имен, в том числе и субстратных, является новым актуальным направлением в топонимике и пересекается с областью интересов когнитивной лингвистики. Подобное исследование фокусирует внимание на сознании носителя языка, что органично вписывается в современную антропоцентрическую научную парадигму. «Адекватное исследование языка возможно только при условии выхода за его “пределы”, при обращении к человеку – творцу языка» [Дмитриева 2002, с. 4].

Для исследования концептуального пространства региональных субстратных топонимов нами была выбрана широко апробированная психолингвистическая методика свободного ассоциативного эксперимента. Данная методика, выявляя пространство ассоциирования (ассоциативное поле), фиксирует актуальное для человека концептуальное наполнение географического имени.

Материалом исследования послужили названия населенных пунктов (ойконимы) Амурской области, имеющие тунгусо-маньчжурские языковые корни. Учитывая важнейший принцип формирования субстратной топонимии – длительные условия двуязычия и совместного хозяйствования народов на одной территории, – необходимо отме-

тить, что основным источником передачи субстратных имен русскому населению явился эвенкийский этнос. Некоторая часть переданных эвенками названий перешла к ним от дауров, дючеров, манегров, гогулов, ачанов, натков, гиляков и других племен, населявших Приамурье [Амурская область 1989, с. 24].

Исследование проводилось при непосредственном обращении к восприятию амурчан: жителей Благовещенского, Зейского, Тындинского, Селемджинского районов (всего 800 человек), поскольку именно для данного языкового коллектива существует общее прагматическое и когнитивное пространство функционирования региональных топонимов. Эксперимент осуществлялся в двух вариантах: в «приближенном» (предлагаются ойконимы-стимулы, функционирующие в том районе, где живет опрашиваемый) и в «отдаленном» (предлагаются ойконимы-стимулы, функционирующие в других районах области).

В ходе эксперимента мы опирались на метод анализа структуры ассоциативных полей, разработанный А.А. Залевской [Залевская 1999; Залевская 2000], интерпретируя его с учетом целей данного исследования. На основе полученных реакций моделировалось ассоциативное поле имени, в котором выделялась частотность и типология ассоциаций, соответствующих концептуальным слоям.

Полученные в результате эксперимента ассоциации относятся к четырем типам:

1. Ассоциации, соотносимые с понятийным слоем концепта.

Как отмечалось, для функционирования географического названия в речи требуется наличие у коммуникантов минимальной информации о соотношении имени собственного и обозначаемого им объекта. В существующих классификациях данный тип может быть соотнесен с тематическими ассоциациями, которые составляют вместе со стимулом грамматически отмеченное словосочетание и могут быть употреблены в рамках тематически ограниченного контекста (предложения): *Зeya – город, Унаха – станция, Бомнак – село*. Таким образом, к понятийному слою концепта относятся однозначно указывающие на подобную связь ассоциации типа: *город, поселок, село, станция* и т.п. В концептуальном плане понятийный слой является центральным, главным, поскольку благодаря его наличию в сознании человека осуществляется связь наименования с конкретным объектом.

2. Ассоциации, соотносимые с концептуальным слоем дополнительных признаков содержания.

В сознании носителей языка элементы данного слоя актуализируются факультативно и зависят в широком смысле от культурного опыта человека. На основе полученных реакций было выделено четыре основных направления ассоциирования:

к первому направлению – «местоположение именуемого объекта» – относятся реакции типа: *север, северный, далеко, дальний, глушь, глухомань, провинция* и т.п.;

ко второму направлению – «природно-климатические условия, связанные с именуемым объектом» – относятся реакции типа: *холод, зима, мороз, суровый, мерзлота, тайга, лес* и т.п.;

к третьему направлению – «реалии общественной жизни, прямо или косвенно связанные с именуемым объектом» – относятся реакции типа: *ГЭС, плотина, фабрика, БАМ, комсомольское движение, «Стройка века», водохранилище*, и т.п.;

к четвертому направлению – «личный опыт, связанный с именуемым объектом» – относятся реакции типа: *моя молодость, родной город, юность, студенческие годы* и т.п.

3. Ассоциации, соотносимые со слоем концепта, обусловленным внутренней формой названия.

Этимология тунгусо-маньчжурских ойконимов для носителей русского языка неясна, соответственно, концептуальный слой, связанный с «внутренней формой» названия, выражается лакуной. Возникший пробел замещается преимущественно фонетическими ассоциациями, рождающимися в результате взаимодействия фонетического облика субстратного названия с реально существующими лексемами языка-приемника.

Фонетические ассоциации можно разделить на две больших группы.

Первая группа – ассоциации, в которых прослеживается явное созвучие с русскими словами: *Бысса – бусы; Джалинда – жалость; Джелтулак – кулак, желток, желтый, желоб; Дюгабуль – багульник; Иса – лиса; Кувькта – кувырок, выкат* и др.

К этому же типу относятся косвенные ассоциации по типу слово 1 – слово 2 – слово 3: *Дюгабуль – (багульник) – цветок; Огоджа – (огород) – забор, защищенное место; Лапри – (гуси-утки) – лапы; Олекма – (мальки) – маленькие рыбки* и др.

Вторая группа – ассоциации, основанные на впечатлении от звукового облика названия, иначе говоря, на фоносемантических при-

знаках: *Джалинда* – длинное, красивое, юркое, вертлявое; *Коболдо* – круглое, пережат; *Тунгала* – что-то тягучее, длинное; *Таас* – крик, зов зверей, твердое, железное, круглое и др.

4. Ассоциации, однозначно не соотносимые ни с одним концептуальным слоем (переходный тип).

Некоторую часть полученных ассоциаций можно интерпретировать и как принадлежащие к концептуальному слою дополнительных признаков содержания, и как принадлежность к концептуальному слою, связанному с внутренней формой (фонетическим обликом) названия. Приведем некоторые из них: *Вельбекан* – шаманство, производство одежды; *Джалинда* – высокое место; *Дикун* – путь, карьера; *Вельбекан* – горы; *Кимакияк* – ловля рыбы и др. В основе подобных ассоциаций лежат не вычленимые в силу многоступенчатости и сугубо личностной ориентированности стратегии ассоциирования.

В результате свободного ассоциативного эксперимента выявлено 18218 реакций. Анализ частотности каждого типа реакций позволяет, выявив ядро, центральную зону и периферию ассоциативного поля, реконструировать концептуальное пространство топонима.

Ядро ассоциативного поля содержит наиболее значимые, неоднократно повторяющиеся ассоциации, в данном эксперименте имеющие более десяти фиксаций. В центральной зоне ассоциативного поля ойконима-стимула находятся ассоциации с частотностью от пяти до десяти фиксаций. Ассоциации частотой менее пяти фиксаций относятся к периферийной зоне поля.

Количественный анализ экспериментальных данных свидетельствует о том, что потенциально в ядре ассоциативных полей всех субстратных ойконимов находятся понятнейшие ассоциации, которые составляют семантическую и концептуальную основу названия. В ядерную часть ассоциативных полей практически всех ойконимов (исключение – г. *Зея*) входят фонетические ассоциации, которые занимают также значительные доли центральной и периферической зон. Ассоциации, отражающие дополнительные признаки содержания, в целом составляют незначительную часть ядерной и центральной зон.

Качественный анализ результатов эксперимента показал, что большая часть зафиксированных реакций относится к фонетическому типу. Частотность ассоциаций, несущих дополнительные (энциклопедические) признаки содержания, по сравнению с фонетическими реакциями низка и зависит от ряда факторов, главным из которых является тер-

риториальная приближенность названия к носителям языка. Обращает на себя внимание определенная закономерность: чем крупнее и известнее в масштабах области населенный пункт, обозначаемый ойконимом, тем большее число энциклопедических ассоциаций включает структура его ассоциативного поля. В результате анализа данных «приближенного» варианта эксперимента в структуре ассоциативных полей ойконимов было зафиксировано большее, чем в «отдаленном» варианте, количество ассоциаций энциклопедического типа, в том числе и на основе личных впечатлений испытуемых, их жизненного опыта.

Интерпретация полученных данных позволяет судить о внутриязыковых и внеязыковых причинах лексического ассоциирования, определяющих, в свою очередь, структуру ассоциативных полей и связи между элементами в составе концепта, репрезентируемого субстратным топонимом. Как правило, единицы ядра и центра ассоциативного поля, представляя стандартные реакции, сохраняют устойчивость своего состава на протяжении длительного периода времени. Их изменение может быть связано с глобальными сдвигами в сфере культурных представлений и социальных приоритетов общества. Элементы периферии подвержены большей интенсивности изменений, так как представляют индивидуальные, часто единичные реакции, связанные с личностными характеристиками испытуемых.

В заключение необходимо отметить, что субстратные топонимы – это своеобразные «реликты» древних культур и языков. В процессе функционирования в иной языковой и культурной среде закономерно меняется концептуальное наполнение имен, появляются новые ассоциации, элиминирующие лакуарность внутренней формы, таким образом, иноязычные топонимы вливаются в новую концептосферу.

Литература

- Амурская область. Опыт энциклопедического словаря. – Благовещенск, 1989.
- Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике. – Свердловск, 1991.
- Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). – Барнаул, 2002.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 2000.
- Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. – Воронеж, 1990.
- Никонов В.А. Введение в топонимику. – М., 1965.

Сорокин Ю.А. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М., 1982.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры (Опыт исследования). – М., 1997.

Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в аспекте когнитивной лингвистики // Виноградские чтения. Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике. – М., 1999.

ИЗ ИСТОРИИ ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА XVIII ВЕКА (на материале памятников деловой письменности Забайкалья)

М.В. Овчинникова

Ключевые слова: синоним, деловая письменность, уголовное право, терминология.

Keywords: synonym, business scripts, criminal law, terminology.

В истории русского литературного языка XVIII века занимает особое место, поскольку именно в данную эпоху происходит становление норм национального русского литературного языка. Эволюция делового языка, обусловленная взаимодействием средств приказной традиции и книжно-литературных элементов, сыграла в этом процессе решающую роль.

Для языка деловых памятников изучаемого периода была характерна интерференция книжных и некнижных языковых форм. Активно воздействовали собственно русская, церковнославянская, заимствованная лексика [Смолина 1977, с. 25].

В новых коммуникативных условиях слова церковнославянского источника переосмысливаются, специализируют семантику, переходят в терминологическую систему [Сердобинцев 1975, с. 4]. Следствием этого является семантическая и / или стилистическая дифференциация разных по происхождению лексических единиц, вытеснение терминов, связанных с приказной традицией, новыми книжно-славянскими единицами.

Закономерности употребления терминов в памятниках центра и периферии являлись общими, что обусловлено становлением в данный период национального литературного языка и традиционным влиянием центральной деловой письменности на местную [Полякова 1979, с. 71].

В употреблении отдельных терминов наблюдается отличие местной письменности от центра, что позволяет судить о специфике регионального функционирования норм.

В качестве примера рассмотрим терминологию уголовного права, а именно наименования преступлений против чужой собственности в памятниках деловой письменности Забайкалья XVIII века.

Лексика терминологической сферы «преступления против чужой собственности» формировалась в течение длительного периода и включает как термины, сложившиеся в древнерусском и церковнославянском языках, так и собственно русские лексические единицы (*разбой, грабеж, воровство, покража, кража, снос*). Кроме того, в XVIII веке деловой язык пополняется за счет слов из церковнославянского языка, изменивших свое семантико-стилистическое содержание (*похищение*).

Термину *воровство* в деловых документах XVIII века присуще значение «кража, тайное присвоение чужого» (денег, товаров, пожитков, скота и т.д.). Например: «...оказался въ *воровстве* / из лавки гостинного двора» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 644, л. 7; 1792]. При этом не встречается слово *воровство* в гиперонимичном значении «преступное деяние», в котором оно было известно в приказном языке.

Производное существительное *воровство* вошло в употребление в качестве родовой номинации в XVI веке. Им обозначали такие преступления, как измена государству, мошенничество, подделка документов; преступления против личности, собственности; должностные преступления и т.д. В таком широком значении термин выступает в Соборном Уложении, в челобитных, уставах и др. [Благова 1998, с. 55]. Например: «... чтобъ на посаде и в слободахъ и уезде *воровства* грабежу, и убийства, и татьбы, и разбою <...> ни от ково никому не было» [СлРЯ XI–XVII, III, с. 31].

В конце XVII столетия, как отмечает Е.Н. Полякова, термин *воровство* сужает семантику и постепенно приходит на смену древнейшей лексеме *татьба*, хотя сохраняется и более общее значение «преступление» [Полякова 1979, с. 77]. Ср.: «...для *воровства* в голбец лазила и рубашки мужские и женские и масло покрала»; «... не заплатя тех мирских начетных денег ведая за собой то и иные *воровства* с Кунгура бежал...» [Сл. перм. пам., I, с. 101–102].

Синоним *татьба* по традиции продолжает употребляться в деловых текстах на протяжении всего XVII – начала XVIII веков. Например: «... распрашиван и пытан в ьных *татьбах* и в убийствах» [Сл. перм. пам., VI, с. 13]. Во 2-й половине XVIII века термин *татьба* яв-

ляется устаревшим и используется лишь в цитатах из Соборного Уложения и в устойчивых оборотах.

В качестве юридического термина в памятниках деловой письменности XVIII века выступает книжное слово *похищение*, служащее для обозначения тайного присвоения чужого. Например: «... я к *похищению* / <...> вина никогда ево не научал» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 626, л. 8; 1790].

По своему происхождению субстантив *похищение* является церковнославянизмом, на что указывает фонетическое оформление, словообразовательные признаки [Фасмер, IV, с. 239].

В XVIII веке книжные слова *похищение*, *похищать* / *похитить* начинают функционировать в памятниках деловой письменности в качестве терминов права. Например: «Когда кто *похитивъ* чюжда имения, хошет, но не можеть оного возвратить» [КСРЯ XVIII в.].

При этом слово *похищение* в деловых текстах находится в конкуренции с разговорной лексемой *покража*, связанной с приказной традицией. По семантике данные термины близки, но противопоставлены по генетическому и стилистическому признакам.

Наиболее широкой функциональной сферой в изученных документах обладает термин *покража*, характеризующийся широкими синтагматическими возможностями и использующийся в документах разных жанров. *Покража* в значении «тайное присвоение чужого» сочетается со словами *деньги*, *имущество*, *вещи*, *товар*, *скот* и т.д. Например: «... о *покраже* / у него неведомыми ворами из дому ево пожитковъ» [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 813, л. 5; 1787].

Народно-разговорная лексема *покража* [Сл. рус. нар.-диал. речи в Сибири 1991, с. 114] в качестве термина отмечается в деловых памятниках с XVII века, когда происходит формирование правовой терминологии за счет ресурсов общенародного языка. Например: «... да про ту Муртозину *покражю* сыскали всякими сыски накрепко» [КСРЯ XI–XVII вв.].

Как уже отмечали, в деловой письменности XVIII века *покража* конкурирует с книжно-славянским по происхождению термином *похищение*. В рассматриваемый период слово *покража* было более распространено. Анализ контекстуальных употреблений дает основание говорить о совпадении семантического объема этих терминов. Ср.: «... в побеге и в *покраже* Максимовых крестьян Брезовского» [Рег. ист. сл. 2000, с. 213]; «... и в *похищении*... денежной / казны и вина» [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 937, л. 5 об.; 1787].

В сфере терминологии уголовного права применяется лексема *кража*. Данная лексическая единица регулярно используется в памятниках разных жанров для обозначения тайного присвоения чужого. Например: «О наказании... за *кражу* из верхнеудинского/ почтового правления казенных днгъ / и некоторых вещей» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 353, л. 22; 1785].

Сравнение контекстов употребления слов *кража* и *покража* позволяет нам предположить, что в изучаемый период в деловом языке Забайкалья они являлись абсолютными синонимами. Обе лексические единицы служили для обозначения тайного присвоения денег, имущества, товара, скота и т.д. Ср.: «... в *краже* ими у селенгинского мещанина Пономарева / денегъ ...» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 506, л. 5; 1787]; «... в *покраже* ... вещей и денегъ...» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 674, л. 1; 1789].

О близости терминов свидетельствует их взаимозаменяемость в пределах одного контекста. Например: «... о *покраже*... лошади следственному делу: / велено по силе прописанных в том / определени законъ приличившихся в *краже* / помянутой лошади» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 469, л. 28; 1789].

Общеславянский глагол *красть* известен был в церковнославянском и древнерусском языках. В древнерусский период для обозначения кражи, воровства использовались субстантивы *крадьба* и *крадение*. Существительное *кража* фиксируется в текстах лишь с XVII века. Его употребление связано с контекстами деловой речи. Например: «... в *краже* в животных в воровстве своем винулись» [Сл. перм. пам., III, с. 11–12].

В памятниках XVIII века приказной термин *кража* встречается редко. В «Памятниках московской деловой письменности XVIII века» отмечается несколько случаев употребления лексемы *кража*. Например: «За *кражу* на объявленной фабрике сукон от Манифактур / коллегии при собрании на суконном дворе работных / людеи наказанъ» [ПМДП 1980, с. 127].

В «Словаре народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века» данный термин не фиксируется. Употребительным является термин *покража* [Словарь г. Томска 2002, с. 199]. Также не отмечаются случаи употребления слова *кража* на территории Смоленского края. В данном деловом узусе используется слово *покража* и региональный вариант *крадежъ*. Например: «Не имеетьца же за ним какова *крадежа* и разбою... » [Рег. ист. сл. 2000, с. 121].

Материалы памятников деловой письменности Забайкалья позволяют говорить о синонимичности терминов *кража*, *покража*, *воровство*, что вписывается в общую картину языковой ситуации XVIII века, когда синонимия была распространенным явлением в силу становления норм национального литературного языка. Их объединяет семантика («тайное присвоение чужого») и синтагматические возможности (*кража денег, вещей, товаров, скота, имущества* и т.д.). Кроме того, возможно их употребление в пределах одного контекста. Ср.: «... в *покраже* у нево / Понамарева денегъ 53х рулевъ... / и по показанию их... то *воровство* чинено было вообще /... Власовым» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 506, л. 2; 1787]; «... о известной у селского/заседателя Изосимова *краже* денегъ и протчаго, сле/дственному делу, приличившихся во ономъ *воровстве*...» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 52; 1786].

В употреблении терминов уголовного права приказная традиция сохраняется. Об этом свидетельствует история слов *снос*, *сносить*.

В тематической группе «преступления против чужой собственности» лексема *снос* отличается четкой семантикой «украсть при побеге». Ср.: «... за *снось* и утрату казе/нных и партикулярныхъ вещей» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 266, л. 11 об.; 1781].

Термин известен с XVII века, когда побег дворовых являлся распространенным видом правонарушения. Например: «... та девка от него сошла, а *снесла* от нево осмнатчат рублевъ денегъ» [Рег. ист. сл. 2000, с. 277].

В XVIII веке *кража* при побеге вещей, денег остается актуальным преступлением, в связи с чем в деловом языке сохраняется слово *снос*. Анализ контекстуальных употреблений указывает на отличие семантики термина *снос* в центральной России и на периферии, что вызвано экстралингвистическими причинами. В деловой письменности центральной части страны *снос* – *кража* при побеге дворовыми. Например: «... бежали дворовые ево га/сподина моего люди а имянно Иван Петровъ снь Маслу/хинь... *снесь* шубу овчинную» [ПМДП 1980, с. 167].

В деловом узусе Забайкалья термин *снос* и его производные служат для обозначения прежде всего *кражи* вещей и денег при побеге военными. Ср.: «... салдаты Пе/тушковъ и Олонцовъ так ли все показанные во оном / вещи *снесли*» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 7; 1779].

В деловом языке Забайкалья функционирует как термин – субстантив *разбой* в значении «умышленное нападение с целью ограбления», так и глагольное образование *разбить*. Например: «... спрашивают где на *разбоях* были и что гдъ *раз/боємъ* взяли и какая смертная убивства <...> чинили» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 3, л. 5; 1757].

Лексема *разбой*, заимствованная из старославянского языка, начинает употребляться в памятниках церковнославянской, деловой письменности с XI века. Исконно данному слову свойственна была широкая семантика. В Русской Правде термин *разбой* используется для обозначения всякого насильственного преступления. И.И. Срезневский в древнерусском языке выделяет у данного слова следующие значения: «убийство», «грабеж, разбой», «засада», «разбойник», которые сохраняются до XVII века [Срезневский, III, с. 21].

С XVII века *разбой* используется в терминологическом значении «насильственное изъятие чужого имущества», «нанесение с применением силы материального и (или) физического ущерба». Например: «А будет приведут разбойника, и его пытать; да будет он с пытки повинится, что он *розбивал* в первые, а убийства не чинил: и у того разбойника за первой *розбой* после пытки отрезал правое ухо» [Благова 1998, с. 64].

В качестве юридического термина слово *разбой* чаще всего в XVII веке употреблялся в формуляре деловых бумаг [Благова 1998, с. 64].

В XVIII веке термин *разбой* служит для номинации насильственного ограбления. Например: «Как де тоя деревни Поткаменной Тита Иванова *разбивали* и на том де *разбое* он Нефед был». Часто встречается данный термин в устойчивых оборотах. Например: «... грабежа *разбоевь* и смертных / убивств не чинил» [ПЗДП 2005, с. 112].

Семантически близким слову *разбой* является термин *грабеж*. Данные слова объединяет сема «насильственное похищение». Ср.: «... при том же *грабеже* те злодеи грабители били меня» [ПЗДП 2005, с. 94]. Наряду с термином *грабеж* в памятниках деловой письменности употребляется книжное слово *грабительство*. Например: «... *грабительство* / денегъ и пожитковъ» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 377, л. 27–27 об.; 1785].

Глагол *грабить* был известен с XI века в значениях «загрести что-либо, собирать», «присваивать, отнимать что-либо», «разорять кого-либо победами» и функционировал в церковнославянских и древнерусских текстах.

Наиболее ранним обозначением грабежа, разграбления, присвоения чужого является лексема *грабление* [СДРЯ, I, с. 377]. Субstantивы *грабеж* и *грабительство* отмечаются в текстах лишь с XIII века [СДРЯ, I, с. 376].

В деловых документах XVII века слово *грабеж* сохраняет значение «отнятие силой чужой собственности». Например: «... чайть де

ихъ похоть для воровства на море, для *грабежу* великихъ государей бусь» [СлРЯ XI–XVII, IV, с. 112]. Его употребление характерно было для Судных грамот, судебных актов, Судебников.

В период становления национального литературного языка термин *грабеж* сохраняется в деловом языке, как и его однокоренные образования. Например: «Пришед воровские люди разбоем без него Федора и *пограбили* де животы ево без остатку... а наверка ему в том *грабежу* на прежних приводных воров» [КСРЯ XVIII в.].

При этом существовали региональные варианты данного термина. Так, в смоленских деловых текстах отмечается употребление специфичного термина *грабежество* [Рег. ист. сл. 2000, с. 66].

Таким образом, синонимичность в терминологической сфере «преступления против чужой собственности» вписывается в общий контекст эпохи становления норм русского литературного языка, для которой характерна была сильная вариативность языковых средств, обусловленная взаимодействием приказной и книжной традиций.

Литература

- Благова Н.Г. Лексика и фразеология памятников русского права XVII века (На материале Уложения 1649). – СПб., 1998.
- История лексики русского литературного языка конца XVII в. – начала XVIII в. – М., 1981.
- Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения. – Пермь, 1979.
- Сердобинцев Н.Я. Очерки по истории русского литературного языка первой половины XVIII в. – Саратов, 1975. – Вып. 1.
- Смолина К.П. Типы синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII в. – М., 1977.

Список сокращений

- НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.
- КСРЯ XI–XVII вв. – Картотека Словаря русского языка XI–XVII века.
- КСРЯ XVIII в. – Картотека Словаря русского языка XVIII века.
- ПЗДП – Памятники Забайкальской деловой письменности XVIII в. / Под ред. А.П. Майорова. – Улан-Удэ, 2005.
- ПМДП – Памятники Московской деловой письменности XVIII в. / Под ред. С.И. Коткова. – М., 1980.
- Рег. ист. сл. – Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII вв. (по материалам Смоленского края) / Под ред. Е.Н. Борисовой. – Смоленск, 2000.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1, 2, 4. – М., 1988–1991.
- Словарь г. Томска – Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. – Томск, 2002.

Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века. Вып. 1–6 / Сост. Е.Н. Полякова. – Пермь, 1993–2001.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3, 4, 8. – М., 1976–1981.

Сл. рус. нар.-диал. речи в Сибири – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. А.Г. Панин. – Новосибирск, 1991.

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. – СПб., 1893–1913.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь. Т. I–IV. – М., 1986–1987.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМИКИ МОНГОЛЬСКОГО И ЮЖНОГО АЛТАЯ В ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

К.Б. Самтакова

Ключевые слова: топонимы, Монгольский и Южный Алтай, топонимические источники.

Keywords: toponyms, Mongolian and Southern Altai, toponymy sources.

Значение документальных свидетельств при интерпретации топонимов исключительно велико. Нельзя реконструировать возможную историю слова исходя лишь из современных лингвистических представлений и игнорировать историко-географические данные. От того, как и когда был зафиксирован тот или иной топоним в письменных источниках, очень многое зависит как в плане определения этимологии, так и в установлении принципов номинации.

Топонимы интересующих нас приграничных Кош-Агачского и Улаганского районов практически не зафиксированы в архивных и других письменных источниках ранее XVII–XVIII веков.

В 1911 году Томским губернским статистическим комитетом был опубликован список населенных мест Томской губернии (так назывался в то время округ, куда входила и территория Республики Алтай, в котором из населенных пунктов двух упомянутых районов отражены только ст. Чибит, Усть-Башкаус и ст. Кош-Агач [Список... 1911]).

На картах Южной Сибири, составленных различными географами, упоминаются лишь главные реки и горные хребты Алтая: Телецкое озеро, река Катунь, гора Белуха и некоторые оронимы. Более подробные карты и геодезические описания появляются только в конце XIX и

начале XX веков в исследовательских работах русских путешественников, географов и ученых.

Большая работа по геодезическому описанию границ земельных наделов была проведена 6-й землеустроительной партией Алтайского округа в 1906–1912 годах. Ценность данных геодезических описаний и карт в том, что они детально воспроизводят многие названия рек, логов, ключей и гор по пути следования границ того или иного урочища в том состоянии, в котором они находились на момент описания. На современных картах есть большинство из этих названий, но некоторые из них найти и установить не удалось из-за того, что они неправильно написаны, кроме того, эти описи земель велись от руки и в силу этого в некоторых случаях просто невозможно разобрать саму надпись [Дело № 5, № 109].

Очень ценным топонимическим источником являются работы исследователя В.В. Сапожникова «Пути по Русскому Алтаю» (1926) и «По Монгольскому Алтаю» (1947), где содержится большое количество географических названий Алтая. Привлекают внимание карты, изданные в качестве приложения к упомянутым работам. Одна из них – карта истоков рек Иртыша и Кобдо была составлена его учеником и последователем В.В. Обручевым на основании оригинальной съемки, сделанной самим ученым в результате нескольких экспедиций по Южной Сибири. В данной карте географические названия запечатлены в том виде, как их произносили местные жители.

В работе «По Монгольскому Алтаю» (1947) собрано и проанализировано большое количество географических названий. Языковое многообразие топонимов на этой карте свидетельствует о том, что истоки этих рек были заселены разными народностями. В своих работах В.В. Сапожников часто описывает свои встречи с жителями, называя их то калмыками (так называли в дореволюционной России алтайцев), то урянхайцами, то киргизами (казахами), то монголами. Поэтому не удивительно, что притоки одной реки имеют и монгольские, и тюркские названия. Исследователь часто отмечает, что один и тот же географический объект в Монгольском Алтае имеет несколько названий, например, река *Теректу* ‘с тополями’, приток реки *Буянту*, параллельно имеет монгольское название *Улясутай* ‘тополь’. Таких параллелей на карте истоков Иртыша и Кобдо можно найти множество: монг. р. *Цаган гол* ‘белая река’ (исток р. *Урунгу*) – тюрк. р. *Ак су* ‘белая река’; монг. р. *Канцхен моту* ‘одинокое дерево’ (приток р. *Кара-Иртыс*) –

тюрк. р. *Джангыз агач* ‘единственное (одинокое) дерево’; тюрк. р. *Кара суу* ‘черная река’ – монг. р. *Хара булак* ‘черная река’; монг. *перевал Улан-даба* ‘красный перевал’ (*Сайлюгемский хребет*) – тюрк. *пер. Кызыл-кезень* ‘красный перевал’. Монгольское название озера *Беринур* (вероятно, боро-нур) ‘серое озеро’, бассейн *р. Боро-бургазы* – тюрк. *оз. Бзау-куль*, др. тюрк. *boz* ‘серый’ [ДТС, с. 115] переосмыслено местным населением, вероятно казахским, в бзау ‘теленок’, но существующая в монгольском языке параллель данного гидронима с боро ‘серый’ убеждает в том что, это название не связано с теленком, а интерпретируется как ‘серое озеро’; монг. р. *Хусты* ‘березовая’ – тюрк. р. *Каинду* ‘березовая’.

Обращает на себя внимание еще один примечательный факт – наличие большого количества похожих названий на современных картах Республики Алтай и на картах Монгольского Алтая, составленных исследователем. Дело в том, что на современных картах истоков рек Черного Иртыша и Кобдо, которые сейчас принадлежат Китаю и Монголии, большинство географических названий, упомянутых ученым, отсутствует. Из 206 топонимов, зафиксированных на карте «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо» 1905–1909-х годов профессора В.В. Сапожниковым, четвертую часть можно найти на картах республики Алтай, составленных в 1998–2006-х годах. Такое количество идентичных названий не может быть случайным совпадением. Приведем список топонимов, отраженных на картах В.В. Сапожникова и В.В. Обручева с параллелями из современных карт Республики Алтай:

<p>Карта В.В. Сапожникова: Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо 1905–1909 гг.</p> <p>р. Канас р. Сегистей р. Кулагаш</p> <p>г. Тошунту р. Боро-бургазы р. Кульджа р., оз. Тусто-нур р. Чаган-бургаз</p>	<p>Современная карта Республики Алтай:</p> <p>р. Канас (бассейн реки Ак-Алаха) р., ур. Себистей (Южно-Чуйский хр.) р. Кулагаш (л.п. р.Аргут, л.п. р. Большая теректа) г., р. Тошонты (исток р. Чуя) р. Боро-бургазы (п.п. р. Юстыт) р. Кальджин (л.п. р. Ак-Алаха) р. Тус-кбль (л.п. р. Башкауc) р. Чаган-Бургазы (л.п. р. Чуя)</p>
---	---

<p>р. Йолты пер., р. Калгутан г. Кассы-хамр</p> <p>р. Мангдайча р. Часатыр р. Б.Чуй р. Сайлюкем р. Цаган-усу р., плато Елангаш гряды Нарын нор гряды Мошко (все названия приведены, так как они отражены на карте)</p>	<p>р. Йолду (п.п. р. Башкауэс) р., г. Калгуты (п.п. р. Ак-Алаха) ур. Кусту-Камыр (бассейн реки Чиндагатуй, н.п. Джазатор) ур. р. Мандайчы (бассейн р. Тархата) р. Джазатор (исток р. Аргут) р. Чуя (п.п. р. Катунь) р., г. Сайлюгем (бассейн р. Аргут) р. Чаган узун (л.п. р. Чуя) р., ур. Елангаш (л.п. р. Чуя) оз. Нарын көль (п.п. р. Тархата) р., ледник Мажей (л.п. р. Чуя)</p>
--	--

Большое количество географических названий с компонентами *мукур* 'короткий лог', *булак* 'река', *гол, кол* 'река', *тасту* 'с камнями', *музды* 'ледяной', *бельтир* 'слияние рек, пересечение', *корум* 'курган' и *нур* 'озеро' присутствуют на тех и других картах. Идентичность этих топонимов прослеживается не только в облике слова, но и в какой-то мере в принципах номинации. «Основными признаками, избранными алтайцами для наименования гор, являются признаки, определяющиеся природными окружающими условиями, фауной, флорой гор, цветовыми впечатлениями, различными качественными особенностями, характеризующими горы, а также соседним рельефом земной поверхности и в том числе озерами, реками, протоками и т.д., реже встречаются названия гор, связанные с наименованием людей, их коллективов (племен, родов) и их свойств» [Баскаков 1974, с. 26].

Анализ идентичных топонимических параллелей в приведенной выше таблице свидетельствует о соответствии признаков, лежащих в основе номинации географических объектов. Например, в названии *Себистей* 'жирная, полная, тучная сопка' [Молчанова 1979, с. 287] отразилась качественная особенность горы. Топонимы с *цаган* 'белый' построены на основе цветового признака. Форма рельефа принимается во внимание в следующих названиях: *Мангдайча* 'подобный лбу', *Кулагааш* 'ушко', *Калгуты* 'с воротами' [Молчанова 1979, с. 200, 261].

В.В. Сапожников часто отмечает и сравнивает географические реалии «двух Алтаев»: «Река Цаган-гол мощным потоком выходит уже из ледника Потанина и потом подкрепляется справа потоками всех

остальных меньших ледников. Таким образом, она обсаживает северо-восточный склон хребта на протяжении более 30 верст, подобно тому, как Чеган-Узун отбирает воду от мощных ледников северного склона главной Чуйской гряды в Русском Алтае» [Сапожников 1949, с. 276]. Гидроним Цаган-гол переводится с монгольского языка как 'белая река' – так называются реки, которые берут начало с ледников. Река *Чаган узун* в Кош-Агачском районе является правым притоком реки Чуи, с ней ученый сравнивает реку *Цаган-гол*. *Чаган узун* действительно ледниковая река и берет начало в Южно-Чуйский белках. У истоков река называется *Талдура*, затем в нее вливаются слева ледниковые речки *Джела* и *Кускунур*, берущие начало в Северо-Чуйских хребтах. Справа в нее вливается речка *Чаган*, которая образуется слиянием ледниковых речушек *Аккол* и *Караююк*. С места слияния с рекой *Чаган* река называется *Чаган узун*. По ходу течения в нее впадает еще несколько маленьких ледниковых рек: *Дая*, *Имэле*, *Кызыл чин*, *Караайры*, *Талду тургун* и др. Остается удивляться тому, как совпадали взгляды на номинацию географических объектов наших предков и тех народов, которые жили в то время у истоков рек Иртыша и Кобдо. «Иртышская сторона бросается в глаза, прежде всего обилием хвойного леса, которые одевают склоны отрогов почти до их выхода в степь, альпийские луга и лесные прерии поражают своей сочностью, напоминая долины Катунских белков в Русском Алтае. <...> высокие Кобдосские долины скоро делаются щебнистыми степями, где лишь отдельные кустики полувысохшей травки да более стойкие к сухости бобовые разнообразят монотонность пустыни, напоминающей Чуйскую степь» [Сапожников 1949, с. 469]. Приведенные слова ученого содержат указание на схожесть географических реалий «двух Алтаев», что было отмечено ранее людьми, проживавшими здесь когда-то и отразившими эту идентичность одинаковыми наименованиями.

Таким образом, схожесть образа жизни полукочевых народов естественно влияла на образ мышления, что отражалось, в свою очередь, в географических названиях. В основе номинаций географических объектов и тех и других народностей лежат одинаковые признаки: формы рельефа, цветовые впечатления, качественные характеристики окружающего ландшафта, флора и фауна.

Но только ли в этом причина большого количества похожих топонимов. Более точный ответ на этот вопрос получим, вероятно, из истории этих регионов, так как топонимия отражает исторические собы-

тия. В процессе исторического формирования и становления любой топонимической системы можно наблюдать взаимопроникновение и существование генетически разнородных этнолингвистических наслоений, составляющих ядро имевших место в прошлом языковых контактов.

По поводу расселения территорий истоков рек Иртыш и Кобдо существуют разные точки зрения у историков. Казахский историк Г. Байназарова считает, что наследниками «Кек тюрок» на Алтае в VII–VIII веках стали тюркоязычные кимаки. Первое упоминание о государстве кимаков появляется в арабоязычных историко-географических сочинениях конца X – начала XI веков. Согласно сведениям «Худуд ал алам», кимаки жили в бассейне среднего Иртыша (сейчас он находится на территории Казахстана) [Байназарова 1994, с. 7]. Перечисляя 16 городов кимаков, Аль-Идриси на своей карте двенадцать из них вместе со столицей хакана помещает в бассейне Иртыша. Привлекают внимание сведения еще одного арабского летописца Гардизи о почитании кимаками реки Иртыш: «Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: «Река Иртыш – бог кимаков». Эта великая река получила свое имя от принцессы кимаков, которая, согласно легенде, разыскивая землю обетованную, при виде этой реки воскликнула: «Ер тус» – «Мужи, остановитесь, здесь – наша родина» [Байназарова 1994, с. 61]. Процесс самостоятельного культурного и социального развития кимаков был прерван военными действиями XI–XIII веков, особенно монгольским нашествием. Одна часть кимаков удержалась на своем древнем месте – Иртыше, другая в составе кыпчакских племен двинулась на запад. По мнению алтайского историка Ф.А. Сатлаева, кимацкий союз распался в конце X века. Одновременно заканчивает свое существование и сротскинская культура. Из него выделяются кыпчаки, распространившие широко свои культурные традиции по территории Южной Сибири. Культура кыпчаков стала той основой, из которой развивалась вся последующая материальная культура народов Южной Сибири [Сатлаева 1991, с. 73]. Известный алтайский историк Г.П. Самаев отмечает, что ареал обитания предков алтайского народа включает кроме Горного Алтая степные районы Алтая, часть территории современных Новосибирской и Кемеровской области, рудный Алтай, вошедший в состав Восточно-Казахстанской области, и верховья Черного Иртыша, отошедшие Китаю [Самаев 1995, с. 5].

Идентичность тюркских и монгольских топонимов Монгольского Алтая с тюркско-монгольскими топонимами Южного Алтая подтверждает мнение историков. Алтайские племена, обитавшие в верховьях Черного Иртыша (сейчас он расположен на территории Китая), в силу разных исторических (джунгарская война) и природно-климатических причин были вынуждены оставить места своих поселений где-то в конце XVIII века. Тувинский историк Н.А. Сердобов по этому поводу пишет, что у алтайцев сохранились исторические предания о приходе в XVIII веке некоторых современных алтайских родов из страны «Буурыл Токой», которая находилась, по преданию, на Монгольском Алтае в междуречье Кобдо и Черного Иртыша [Сердобов 1971, с. 189].

Вероятно, не все племена оставили свои насиженные места, потому что В.В. Сапожников в своей работе «По Монгольскому Алтаю» несколько раз упоминает о своих встречах с калмыками (в скобках подписано – «алтайцами»). Алтайские племена, проживавшие в верховьях Иртыша, жили в тесном контакте с монгольскими племенами, переняв у них очень многое в бытовом обиходе и в языке.

Таким образом, можно предположить, что топонимы монгольского происхождения в своей основной массе были импортированы именно этими племенами. По-видимому, они стали называть те или иные географические объекты по аналогии с объектами, в непосредственной близости с которыми они проживали в Монгольском Алтае. Отсюда и схожесть не только самих топонимов, но и выше упомянутых принципов номинации. По этому поводу надо заметить, что материальная культура у алтайцев схожа с монгольской. Русские люди, впервые столкнувшись с алтайцами и не разобравшись, приняли их за ветвь монгольского народа и стали звать калмыками. Большая сосредоточенность топонимов монголизмов в приграничных Кош-Агачском и Улаганском районах тоже говорит в пользу предположения о том, что они были принесены племенами, кочевавшими по обширным территориям как Монгольского, так и Русского Алтая. Следует отметить, что топонимы монголизмы единично встречаются на всей территории Республики, что тоже вполне объяснимо. Алтайцы длительное время входили в состав империи Чингисхана, и это может быть одной из основных причин наличия топонимов монгольского происхождения.

Литература

- Список населенных мест Томской губернии на 1911. – Томск, 1911.
Архивные материалы 6-й землеустроительной партии Алтайского округа. Дело № 5; папка № 109.
Байназарова Г. Священная тюркская страна. – Алма-Ата, 1994.
Баскаков Н.А. Принципы выбора признаков для наименования гор у алтайцев. К проблеме оронимии Горного Алтая. – М., 1974.
Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979.
Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX века: проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991.
Сапожников В.В. По Монгольскому Алтаю. – М., 1949.
Сатлаев Ф.А. Горный Алтай в составе России. – Горно-Алтайск, 1991.
Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. – Кызыл, 1971.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАРТИНЫ МИРА ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА В.В. НАБОКОВА (на материале романов «Lolita» – «Лолита» и «Другие берега» – «Speak, Memory»)

Ю.В. Чернова

Ключевые слова: картина мира, билингвизм, идиостиль, автоперевод, перевод, культура.

Keywords: picture of the world, bilingualism, individual style, autotranslation, translation, culture.

Развитие лингвостилистики последних десятилетий характеризуется повышенным вниманием к личностной стороне порождения художественного текста, а следовательно, и к активной разработке таких вопросов, как индивидуальный стиль и индивидуально-авторская картина мира.

Наиболее адекватным пониманием термина «картина мира», на наш взгляд, является определение его как «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего существенные свойства мира в понимании его носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [Постовалова 1988, с. 21]. Наряду с концептуальной картиной мира, обобщенно от-

ражающей наши знания о реальности, выделяют языковую картину мира, которая при помощи языка «означивает» основные элементы концептуальной картины мира и представляет собой вербализованную часть знаний о мире. Обращаясь к творчеству отдельного писателя, мы прежде всего говорим не об универсальной, а об индивидуальной картине мира, «отражаемой в речи отдельного индивида-носителя языка или в творчестве художника слова» [Новикова 2000, с. 3]. Наиболее интенсивно особенности картины мира конкретной языковой личности проявляются в художественном тексте, так как именно текст, созданный автором, выступает как воплощение в поэтическом идиолекте индивидуальной картины мира писателя. Именно текст «фиксирует индивидуальную, а значит, в значительной степени субъективную картину мира автора» [Бойко 1996, с. 13] и является «индивидуальной опосредованной картиной мира, выраженной языковыми средствами» [Болдырева 1996, с. 18].

Необходимо отметить, что в большинстве случаев исследователи обращаются к особенностям идиостиля писателей-монолингвов, оставляя в стороне случаи писательского двуязычия, «билингвизма художника» [Оболенская 1998, с. 151]. В связи с этим особый интерес для исследования представляют тексты двуязычных писателей. Можно предположить, что тексты одного и того же автора, созданные на разных языках, позволяют ставить вопрос о специфике картины мира билингва по сравнению с картиной мира писателей-монолингвов, а также служат доказательством «двойного видения мира» носителя неблизкородственных языков.

В данной статье мы рассмотрим вопрос об отражении картины мира В. Набокова в произведениях, написанных, а впоследствии переведенных самим автором: «Lolita» (1955) – «Лолита» (1967) и «Другие берега» (1954) – «Speak, Memory» (1967).

Существует распространенное мнение о том, что в силу перенесения произведения в иную читательскую среду, автор ориентируется на англо- или русскоязычного читателя и подчиняет языковое выражение определенной картине мира и запечатленным в ней ассоциациям. Как отмечает Л.А. Козлова, «уровень иноязычной компетентности билингва <...> определяется его способностью переходить из одной картины мира в другую, преодолевать сложившиеся стереотипы как на уровне сознания, так и способов оформления мысли, то есть “переодевать” мысль в соответствии с “покроем” другого языка, а так же запечатлен-

ными в нем особенностями национального менталитета и культурными ценностями» [Козлова 2001, с. 144]. Того же мнения придерживается Л.Б. Бойко, говоря о том, что одной из целей переводчика является обеспечение понимания сообщения путем «максимального сближения картин мира в языке оригинала (ОЯ) и языке перевода (ПЯ)» [Бойко 1996, с. 16]. При обращении к автопереводам В. Набокова несложно убедиться, что во многих случаях автор придерживается именно этой стратегии, при этом писатель руководствуется национальной спецификой действительности, отраженной в исходном тексте, а также национальными особенностями принимающей культуры. Здесь мы приведем лишь один из многих примеров, чтобы проиллюстрировать данное положение. Образно описывая решение сочиненной шахматной задачи, В. Набоков применяет топонимы, знакомые русскому читателю, изменяя «маршрут», проходимый шахматистом, в английском автопереводе:

«Умник, пройдя через этот адский лабиринт, становился мудрецом и только тогда добирался до простого ключа задачи, вроде того как если бы кто искал кратчайший путь из Петербурга в Нью-Йорк и был шутником послан туда через Канзас, Калифорнию, Азию, Северную Африку и Азорские острова» [Набоков 1989, с. 141].

«Having passed through this «antithetic» inferno the by now ultrasophisticated solver would reach the simple key move (bishop to c2) as somebody on a wild goose chase might go from Albany to New York by way of Vancouver, Eurasia and the Azores» [Набоков 1993, с. 291].

Ориентация на определенный тип языковой и культурной компетенции требует реконструкции текста и применения некоторых стратегий, таких как замена понятия, близкого культуре оригинала, выражением иного содержания, замена исходного интертекста, расшифровка реалий, опущение элементов, чуждых культуре поэтического языка.

Однако в данной статье мы рассмотрим именно те «особые» случаи, которые иллюстрируют уникальность стиля В. Набокова и, следовательно, представляют особый интерес для исследователя.

Билингвизм В. Набокова представляет собой уникальное явление, рассмотрение которого не может быть ограничено рамками каких бы то ни было классификаций, однако, чтобы проиллюстрировать предположение о двойном видении мира, нам представляется необходимым выделить несколько групп случаев, в которых В. Набоков прибегает к нетрадиционным переводческим решениям.

1. Введение русских слов и реалий в автоперевод является не только одной из переводческих стратегий В. Набокова, но и отличительной характеристикой его стиля вообще. Так, фонетически обыгрываются слова «сумерки» и «лепота», которые транскрибируются в автопереводе «*Speak, Memory*»:

«*Летние сумерки* (“сумерки” – какой это томный сиреневый звук!)» [Набоков 1989, с. 50].

«*Summer soomerki – the lovely Russian word for dusk*» [Набоков 1993, с. 81].

«*...lepota (Old Russian for “stately beauty”)...*» [Набоков 1993, с. 216].

Привычные в языке оригинала, такие слова будут отличаться своей чужеродностью в языке перевода, тем самым привлекая внимание читателей. Транскрибируя слова, не являющиеся реалиями русской культуры, автор переступает границы «русификации» своего текста, тем самым, если использовать терминологию А.М. Финкеля, добавляет к местному колориту «действительному» колорит «мнимый» [Финкель 1962, с. 112]. Выбор таких слов не обусловлен ни лингвистическими, ни культурологическими основаниями. Он продиктован лишь целью усилить и подчеркнуть национально-культурный колорит оригинала.

Автор не только вводит русские слова, такие как «*brezgliv*», «*golubchik*», «*shveitsar*» и другие в автоперевод, но и использует реалии русской культуры, отсылая читателя к событиям русской истории: «*Мне удалось, в виде психологического алиби, пролететь что-то о драке в школе, но тут мое сердце поднялось, – поднялось, как на зыби поднялся “Буйный”, когда его палуба на мгновение сровнялась со срезом “Князя Суворова”, и у меня не было носового платка*» [Набоков 1989, с. 10].

«*And then it happened: my heart welled in me like that wave on which the Buiny rose when her captain brought her alongside the burning Suvorov, and I had no handkerchief...*» [Набоков 1993, с. 193].

Переживания юного В. Набокова по поводу дуэли своего отца сравниваются с событиями знаменитого Цусимского сражения, когда миноносцу «Буйному» удалось прийти на помощь броненосцу «Князю Суворову» и спасти часть команды. Автор предпочитает не трансформировать данную аллюзию в автоперевод, искусно вплетая ее в ткань произведения.

Необходимо отметить, что В. Набоков не только вводит русские реалии в автоперевод, но и дает комментарии к особенностям грамматического строя русского предложения. В подобных комментариях особую роль играют метафоры, являющиеся носителями эстетической информации, включающие текст в широкий культурный контекст, а также придающие ему национальный колорит: «*Боже, где оно – все это далекое, светлое, милое...*» [Набоков 1989, с. 124].

«*Where has it gone, all that distant, bright, endearing...in Russian no subject is needed here, since these are neuter adjectives that play the part of abstract nouns on a bare stage, in a subdued light*» [Набоков 1993, с. 249].

2. Использование слов с ярко выраженной национальной коннотацией.

Достаточно интересным является тот факт, что в русском автопереводе романа «Лолита» В. Набоков использует слова с ярко выраженной «русской» коннотацией. Читатель, осознавая, что действие романа происходит в Америке, встречает такие слова, как «изба», «гривенник», «грош», «сени», «Дед-Мороз» и др. Таким образом достигается смешение не только языков, но и двух миров: «*These were the textual words said to me by my twelve-year-old flame in a voluptuous whisper, as we happened to bump into one another on **the front porch**, I out, she in*» [Набоков 2000, с. 45].

«*Вот дословно фраза, которую моя двенадцатилетняя пассия проговорила страстным шепотом, столкнувшись со мной **в сенях** – я выходил, она вбегала*» [Набоков 2002, с. 45].

«*Idiot, triple idiot!*» [Набоков 2000, с. 231].

«*Дубина, **стоеросовая дубина!***» [Набоков 2002, с. 258].

Как известно, такой способ перевода отрицательно оценивался К.И. Чуковским в его работе «Высокое искусство». Так, критикуя перевод стихов Р. Бернса, выполненный В. Федотовым, К.И. Чуковский отмечает, что переводчик «заставляет шотландцев выражаться на таком диалекте: “доля-долюшка”, “судьбинушка” <...> и даже вводит в Шотландию российские наши дензнаки: здесь у него есть и “пятак”, и “копейка”, и “копеечка”, и даже “целковый”». И далее: «подобно тому, как он смешивает шиллинги с пятаками и гривенниками, он на пространстве всей книги смешивает реалии русского народного быта с реалиями быта шотландского. Наряду с “парнишками” и

“тятеньками” у него есть и “волынки”, и “пледы”, и “феи”, и “Стюарты”» [Чуковский 1968, с. 236].

Похожую картину мы видим и в русскоязычном тексте «Лолиты», где главная героиня, «зарабатывала <...> свои три копейки (а потом три пятака) в день» [Набоков 2002, с. 202].

Из анализа автопереводов становится ясно, что В. Набоков **намеренно** вводит слова, содержащие национально-культурный компонент, тем самым определяя характерную черту своего идиостиля – русификацию романов.

3. Введение иностранных лексем в автопереводы

Дальнейший анализ автопереводов позволяет нам говорить и о противоположной тенденции, то есть о введении иностранных лексем в автопереводы. Так, в оригинале «Других берегов» при описании семьи В. Набокова намеренно подчеркивается приверженность ко всему английскому: «За **брекфастом** яркий **паточный сироп, golden syrup**, наматывался блестящими кольцами на ложку, а оттуда сползал змей на деревенском масле намазанный русский черный хлеб» [Набоков 1989, с. 49].

«*At breakfast, Golden Syrup imported from London would entwine with its glowing coils the revolving spoon from which enough of it had slithered onto a piece of Russian bread and butter*» [Набоков 1993, с. 79].

Необходимо отметить, что В. Набоков сознательно отдает предпочтение иностранным лексемам при наличии русских эквивалентов. В автопереводе «Лолиты» встречаются слова «паллиатив», «резигнация», «фронт виллы», «жовиальный», «спальмировать», а в романе «Другие берега» – «геликоптер», «брик-а-брак» и др.

Кроме того, автор намеренно превращает характерный для его семьи переход с одного языка на другой (*code-switching*) в одну из особенностей своих произведений. Данное явление показано в одном из эпизодов автобиографии писателя: «*Это, мой друг, всего лишь одна из абсурдных комбинаций в природе – вроде того, как связаны между собой смущение и зардевшиеся щеки, горе и красные глаза, shame and blushes, grief and red eyes ... “Tolstoi vient de mourir”, вдруг перебил он самого себя другим, ошеломленным голосом, обращаясь к моей матери, тут же сидевшей у вечерней лампы. “Да что ты!.. Пора домой”*» [Набоков 1989, с. 111].

«*That, my boy, is just another of nature’s absurd combinations, like shame and blushes, or grief and red eyes. “Tolstoy vient de mourir”, he*

suddenly added, in another stunned voice, turning to my mother. "Da chto ti [something like "good gracious"]!"» ...«"Pora domoy" [Time to go home], she concluded» [Набоков 1993, с. 207].

Проанализировав автопереводы В. Набокова, можно сделать вывод о том, что писатель намеренно делает уникальную способность «двойного видения» мира особенностью своего идиостиля. Нельзя утверждать, что писатель руководствуется лишь особенностями принимающей культуры, трансформируя исходный текст в соответствии с языковой и культурной компетенцией аудитории. Писатель-билингв не только «переходит из одной картины мира в другую», но и смешивает эти миры, накладывая одну картину мира на другую. Проведенный нами анализ служит еще одним доказательством существования явления, о котором упоминает Ю.Л. Оболенская, явления «креолизации», под которым понимается «как смешение (скрещение) двух культур в сознании переводчика, так и принадлежность самого текста перевода к двум культурам» [Оболенская 1998, с. 138]. Литературное произведение и его перевод составляют единство, которое предполагает взаимодействие, взаимовлияние двух языковых картин мира [Оболенская 2004, с. 563]. Возможно, именно такое «соединение» двух картин мира писателя, смешение и взаимопроникновение различных культур в его произведениях дает возможность исследователям В. Набокова говорить о прозе писателя как об образце гармоничного взаимодействия русского и западного начал [Злочевская 2003, с. 31].

Литература

- Бойко Л.Б. К вопросу об отражении картины мира в переводе // Проблемы семантики и прагматики. – Калининград, 1996.
- Болдырева С.И. Когнитологические аспекты перевода // Проблемы семантики и прагматики. – Калининград, 1996.
- Злочевская А.В. Творчество В. Набокова в контексте мирового литературного процесса XX века // Филологические науки. – 2003. – № 4.
- Козлова Л.А. Специфика языкового сознания билингвов и ее манифестация в их речевой деятельности // Мир языка и межкультурная коммуникация. – 2001. – Ч. 1.
- Набоков В.В. Другие берега. – М., 1989.
- Набоков В.В. Лолита. – М., 2002.
- Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Картины мира и многомирие в языке и поэтическом тексте // Русская словесность. – 2000. – № 1.
- Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. – М., 1998.

Оболенская Ю.Л. Перевод как форма взаимодействия литератур // Введение в литературоведение. – М., 2004.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.

Финкель А.М. Об автопереводе // Теория и критика перевода. – СПб., 1962.

Чуковский К.И. Высокое искусство. – М., 1968.

Nabokov V. Lolita. – Penguin Books, 2000.

Nabokov V. Speak, Memory. – NY, 1993.

ИГРОВЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ В.П. КАТАЕВА «ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!»

Я.А. Терскова

Ключевые слова: социалистический реализм, производственный роман, пародия.

Keywords: Socialist realism, production novel, parody.

«Время, вперед!» В.П. Катаева – это роман о социалистическом строительстве, в частности о работе магнитогорских бетонщиков. В то же время роман включает в себя образы и мотивы, которые, на первый взгляд, не имеют ничего общего с работой на новостройке.

Автор не только подмечает те качества, которые, как правило, не свойственны обыкновенному строительному процессу, но и акцентирует на них внимание при помощи ярких сравнений и метафор. В результате строительство социализма предстает перед нами в нескольких вариантах.

В данной статье мы рассмотрим такие мотивы романа, благодаря которым строительство ассоциируется с различными видами игр: спортивными играми, карточными играми, цирковым представлением, сценической игрой (театром), народным праздником.

Основной акцент в романе В.П. Катаева «Время, вперед!» сделан на следующем явлении, характерном для эпохи пятилетних планов: в сферу строительства переходят некоторые понятия из области спорта. В романе показан грандиозный размах социалистического соревнования, который заключается в том, что в 30-е годы на строительных площадках ежедневно ставились мировые рекорды. Создается ощущение

ние, что территория всей страны в то время была превращена в гигантский стадион.

Соревнование распространялось на все сферы государственной жизни. Оно было мощным стимулом, благодаря которому люди трудились, превышая, как в спорте, нормальные человеческие возможности в десятки раз. Самой желанной наградой за такой труд был хороший отзыв в стенгазете или достойное изображение на плакате. Например, в романе В.П. Катаева каждая бригада бетонщиков мечтает о том, чтобы их бригадир был изображен летящим на аэроплане. Вершиной блаженства для десятника Моси Вайнштейна становится получение гарантии того, что фамилия «Вайнштейн» промелькнет в печати.

Именно то, что такое ответственное дело, как строительство, оказалось включенным в спортивную гонку, и послужило почвой для основного конфликта романа. Уместно или неуместно ставить на строительстве рекорды, кто прав: Маргулиес или его антагонист? – это вопросы, на которых строится главная сюжетная линия.

Особую остроту сюжету придает вопрос, связанный со спортивным азартом: удастся или не удастся выиграть у Харькова и Кузнецка? Перед сменой бетонщики разминаются и пробуют свои силы, *«как перед матчем»* [Катаев 1969, с. 297].

Как и любое спортивное состязание, такое строительство предполагает наличие зрителей. Посмотреть на то, как бригада Ищенко ставит мировой рекорд, приходит огромное количество людей, среди которых есть и противники, и болельщики, и корреспонденты.

В.П. Катаев, как мастер фельетона, не мог оставить свое произведение без ярких комичных сценок, без эпизодов, полных иронии. В его романе изображены не только настоящие ударники, достойные занять почетное место на детском плакате, но и те, чьи действия представляют собой пародию на социалистическое соревнование.

В этом плане инженер Маргулиес – идеальный герой, способный показать высокие результаты по количеству, не забывая при этом о качестве. Он идеальный спортсмен, наделенный сверхчеловеческими способностями, так как вступает в соревнование с самим временем. Два главных героя романа – это два сильнейших спортсмена-бегуна одного уровня и одной категории – Маргулиес и время:

«Между ним и временем не было существенной разницы.»

Они шли, не отставая и не опережая друг друга, колено в колено, как два бегуна, как бегун и его тень, узнавая секунды по мелькающим мимо глазам и ладоням» [Катаев 1969, с. 322].

Строители, герои романа В.П. Катаева, находятся в состоянии, близком не только спортивному азарту, но и азарту карточной игры. Возможно, слова «бить» и «крыть», которые бетонщики Магнитки часто употребляют по отношению к своим харьковским коллегам, пришли на стройку из карточного жаргона.

Инженер Налбандов, думая над тем, какое из двух противоположных обвинений выставить против Маргулиеса, напоминает игрока, потерявшего самообладание: *«Приходит мысль, что, подавая этот рапорт, он ставит на карту свою репутацию, свою судьбу»* [Катаев 1969, с. 407].

В связи с этим в романе просматривается антитеза, которая была отмечена Ю.М. Лотманом в статье, посвященной «Пиковой даме» и теме карт [Лотман 1992, с. 393–400]. Ю.М. Лотман сопоставляет семиотику азартных и коммерческих карточных игр. Что касается рассматриваемого нами романа В.П. Катаева, то в этом плане можно провести следующие параллели. Взаимоотношения отрицательного героя (инженера Налбандова) и окружающей его жизни напоминают азартную игру, исход которой невозможно предсказать, так как он зависит только от случая. Игра инженера Налбандова – это столкновение с неравным противником, с мощной иррациональной силой. Маргулиес представляет собой игрока коммерческой игры, который имеет возможность разгадать стратегию противника, проделав необходимые вычисления. В отличие от Налбандова, Маргулиес надеется не на везение, а на последний аналитический расчет.

В контексте романа В.П. Катаева случай имеет негативную окраску. Из двух моделей, которые рассматривает Ю.М. Лотман, в романе В.П. Катаева имеет место первая: случайное трактуется как вторжение хаоса в упорядоченную жизнь.

В связи с этим рассмотренный выше образ спортсмена-бегуна заслуживает особого внимания, несмотря на то, что бег как таковой не относится к игровым видам спорта. Образно говоря, идеальный герой сознательно выбирает для себя занятие с меньшей долей игры и азарта.

С другой стороны, не следует забывать о том, что в романе В.П. Катаева речь идет не о спорте, а о строительстве. В этом контексте оба героя смотрятся несколько иначе. Образы инженера-спорт-

смена и инженера-игрока в индустриальном романе воспринимаются как элементы пародии на этот жанр.

Фраза Налбандова «у нас строительство, а не французская борьба» вызывает неприязнь у положительного героя, он чувствует лицемерие и обман в этих словах. Тем не менее антитезис – «у нас французская борьба, а не строительство» – звучал бы еще более нелепо. Положение, которое выдвигают Маргулиес и его сторонники, звучит не так откровенно, но все-таки говорит о правомерности спортивной борьбы: «Темпы в эпоху реконструкции решают все».

Образ французской борьбы переносит место действия романа со спортивной площадки на цирковую арену. Мотив цирка играет в романе важную роль и требует подробного рассмотрения.

Создавая историю социалистического города, автор не оставляет без внимания такую деталь, как строящийся цирк. В романе есть объяснение, почему, несмотря на свою несерьезность, эта деталь становится значимой. Цирк необходим ударникам-энтузиастам «для культурного препровождения» [Катаев 1969, с. 300] и потому очень важен в деле социалистического строительства. Как один из образов цирк нужен и автору для создания полноценной картины ударной стройки. Отдельные элементы этого образа равномерно распределены автором по всему роману.

Такие атрибуты цирка, как слон и попугаи, присутствуют в нескольких эпизодах.

Слон, которого ведут по дороге мимо центрального отеля, становится для писателя Георгия Васильевича очередной проблемой в понимании окружающего мира. Появление слона создает ощущение полного абсурда.

Под своды строящегося цирка на некоторое время заходят прогульщики Саенко и Загиров. В тот момент попугаи еще сидят в клетках, а слон прикован цепью к столбу. Но во время бурана наступает временное торжество хаоса и цирк перестает существовать как нечто отдельное от строящегося города. Ненадежное здание рушится, испуганный слон начинает ходить по строительной площадке, а разноцветные перья попугаев разлетаются в разные стороны.

В конце романа автор признается, что никакого слона на самом деле не было. Это дает нам основание рассматривать необычный (экзотический) образ, вписанный в картину мировой стройки, как шутку, озорство, как одно из проявлений раннего катаевского мовизма [Гала-

нов 1989, с. 287]. Тем не менее авторское замечание подчеркивает необходимость этого образа:

«Слона действительно не было. Я его выдумал. Но разве он не мог быть? Конечно, он мог быть. Больше того. Он должен был быть, и в том, что его не было, вина исключительно управления зрелищных мероприятий, не сумевшего организовать на строительстве хороший цирк» [Катаев 1969, с. 425].

Эти слова можно трактовать по-разному. С одной стороны, цирк нужен для того, чтобы обеспечить строителям полноценный досуг. С другой стороны, словосочетание «организовать на строительстве хороший цирк» звучит примерно так же, как «превратить строительство в хороший цирк». И, так как управление зрелищными мероприятиями не справляется с задачей, автор индустриального романа компенсирует этот недостаток своей творческой фантазией и художественными средствами. Возможно, поэтому строительные образы романа перемешаны с атрибутами цирка.

Таким образом высвечивается новая грань строительного процесса и возникает следующая аналогия: строительство – цирк. То, что проделывает бригада Ищенко под руководством инженера Маргулиеса, Налбандов и его сторонники называют фокусом и трюком: *«Налбандов считает, что это насилие над механизмом, технический фокус, трюк, французская борьба...»* [Катаев 1969, с. 234]. *«Сейчас же пошли там кого-нибудь на шестой участок. Там Маргулиес показывает очередные фокусы»* [Катаев 1969, с. 354].

Изготовить за одну смену огромное количество отличного бетона, сохранив при этом оборудование в полной исправности, – это действительно похоже на фокус. Второй фокус, который упоминается в романе, – это прочная плотина, построенная в сорокаградусные морозы. Все эти достижения не только удивительны, но и опасны, поэтому сравнение с цирковыми трюками оказывается очень точным. Налбандов втайне надеется, что когда-нибудь его противник *«сломает себе шею»* [Катаев 1969, с. 262] или *«разобьет себе голову»* [Катаев 1969, с. 341].

Как у любого фокусника или акробата, у инженера Маргулиеса есть свои секреты, скрытые от непосвященных. К непосвященным в данном случае относятся враги, недоброжелатели, вредители, противники увеличения темпов и иностранные гости. Но перед читателем автор открывает секреты Маргулиеса: опора на науку, способность

идти на риск, рационализация, нестандартное мышление, энтузиазм бригады, честолюбие инженера, прораба, десятника, бригадира. От человека требуются также вера, сочувствие и одобрение. Тогда, в отличие от Налбандова, он будет посвящен в тайны ударного строительства и сможет творить подобные чудеса.

Так же, как и цирк, неотделим от строительства и театр. На сцене самодеятельного молодежного театра малых форм «Темпы» (точнее, в бараке № 114) происходит примерно то же самое, что и на строительстве:

«Она репетировала роль бойкой деревенской девушки, приехавшей на новостройку и наводящей порядок в грязном, запущенном бараке. Это была санитарно-бытовая агитка.

Она носилась по сцене с мокрым веником, брызгала на пьяницу и лентяя, пела куплеты про клопов, танцевала. Ее глаза сверкали во все стороны отчаянно, лукаво и даже кокетливо» [Катаев 1969, с. 190].

Такой по складу своего характера Оля Трегубова была и в жизни. Конечно, сходство театра и реальности обусловлено прежде всего особым жанром данного сценического действия. Но кроме этой сценки в романе есть и другие иллюстрации того, как театр и стройка сливаются самым причудливым образом.

В LVII главе романа происходит удивительное превращение. Работа бетонщиков становится китайским театром теней, которым любитесь Фома Егорович. Тени работающих людей движутся по стене тепляка, как по экрану, вызывая удивительные ассоциации:

«Гиганты-рикши гуськом катили коляски. Крутились колеса, высокие, как пятиэтажный дом. Тень колеса мелькала частыми спицами китайского зонтика. Колеса сходились и расходились. Спицы скрещивались среди них в свежем и сильном ритме» [Катаев 1969, с. 374].

При сравнении Маргулиеса с бегущим спортсменом автор уже обращал к образу тени. Этот образ вновь подчеркивает могущество и величие строителей социализма: при свете заходящего солнца тени вырастают до гигантских размеров. Кроме того, образ тени раскрывает изнаночную сторону социалистического строительства и бессознательные, неизвестные даже самим строителям мотивы их работы. Внешне эта работа выглядит как строительство, а ее скрытой сущностью является театр или спортивное соревнование.

Следующий момент выражает эту сущность еще ярче. После театральной репетиции Оля Трегубова не успевает переодеться. Разыс-

кивая прогульщиков, она бежит по всему городу в том же платье, в котором только что играла на сцене. В этом же нарядном праздничном платье Оля Трегубова выходит на ударную смену.

Следует отметить, что работа бетонщиков действительно воспринимается не просто как театр, но именно как праздничное представление: « – Да у вас тут, я замечаю, не работа, а масленица! Карнавал в Ницце! Очень интересно» [Катаев 1969, с. 387]. Радостные звуки оркестра удивляют скептика и недоброжелателя, но для носителя тоталитарной культуры не должно быть ничего удивительного в том, что тяжелая работа проходит в атмосфере народного гулянья. Идти на работу как на праздник – это образец сознательного отношения к труду в советской стране. Праздничное платье Оли, духовой оркестр – все это очень уместно и, более того, это необходимо на строительстве социалистического города.

Праздник, цирк и театрализованное представление окружают советских строителей не только на работе, но и в обыденной жизни. Приобретенные в процессе работы акробатические навыки иногда приходится применять и для того, чтобы просто поесть:

«Прораб уже пробивался от буфета через толпу. Он осторожно балансировал жестяными тарелками и держал подбородком булку.

Его стиснули.

Рядом находился помост. Он взобрался на эстраду <...>.

Он шел как фокусник-жонглер по сцене старинного народного театра эпохи Елизаветы Английской, весь опутанный разноцветными лентами талонов, звенящий металлической посудой, гремящий ножами и вилками» [Катаев 1969, с. 187].

Таким образом, мотивы в романе «Время, вперед!» многофункциональны: с одной стороны, они создают ощущение радости и ликования, с другой – несколько принижают величественные образы строителей социализма. Ударная работа бетонщиков в некоторых эпизодах романа выглядит как игра, развлечение или захватывающее зрелище.

Следует отметить, что все рассмотренные нами игровые мотивы переплетаются и сливаются друг с другом. Например, игра в карты представляет собой борьбу нескольких соперников (спорт), а кроме того, связана с карточными фокусами (цирк); сценическая игра и артистизм имеют место в театре, цирке и в спорте.

Учитывая то, что в романе речь идет не столько о строительстве металлургического комбината, сколько о сотворении нового мира и

новой жизни, следует отметить определенную закономерность в выборе образов.

Спорт, карточная игра, цирк, театр и праздник – это довольно распространенные метафоры мира и человеческой жизни в этом мире. Как правило, в произведениях искусства жизнь изображается как игра или зрелище для богов и людей. В этом плане индустриальный роман В.П. Катаева не является исключением.

Литература

Галанов Б.Е. Валентин Катаев. Размышления о Мастере и диалоги с ним. – М., 1989.

Катаев В.П. Время, вперед! // Катаев В.П. Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1969. – Т. 3.

Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 2.

Олеша Ю.К. Зависть; Три толстяка; Ни дня без строчки. – М., 1989.

КУЛЬТУРА КАК МИФ В ПОЭЗИИ И.А. БРОДСКОГО ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА

Е.А. Черниченко

Ключевые слова: культура, миф, язык, пространство и время, космогония.

Keywords: culture, myth, language, space and time, cosmogony.

В последнее десятилетие наблюдается активный и стабильный рост интереса к поэзии Бродского и ее мифопоэтической составляющей, в частности. Для литературы постмодернизма, ярким представителем которой является Иосиф Александрович, характерны представление о реальности как иллюзии и об иллюзии как реальности, переосмысление культуры как таковой, направленность на создание не книги, а текста. С одной стороны, приставка «пост» обязывает автора, ставшего субъектом (или скриптором, или механиком), находясь в ситуации «после» основного исторического блока литературы, ориентироваться на будущее. Однако, по словам А. Гениса, «приставка “пост” не указывает путь в будущее, она лишь говорит, от чего следует изба-

виться, чтобы продлилось настоящее» [Генис 2003, с. 20]. Таким образом, постмодернизм схож с мифом, занимающимся своеобразной аппликацией действительности (со сторонней точки зрения), но на уровне сознания, а не осознания. В этом смысле поэзия Иосифа Бродского – феномен постмодернизма, поскольку, с одной стороны, основывается на традиции мировой литературы, а, с другой, – на автобиографическом тексте: «Стремление к индивидуальности у Бродского основывается на убеждении в неразрывной связи и взаимовлиянии жизни и творчества писателя» [Семенов 2004]. Поэтому поэтическое мышление Бродского «диктует» и круг научных интересов исследователей его поэзии. Перестав быть реальностью для сознания, миф стал реальностью культуры. Под культурой здесь понимается знаковая система, формирующая аксиологическую систему и в целом образ мира каждого народа (определение Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского)¹. Однако именно XX век был ознаменован повышенным интересом к мифу, к его истокам, основам, механизму в различных областях культуры, и сама культура начала осмысляться как миф. И прежде всего эта тенденция коснулась литературы: мифологические сюжеты и мотивы стали широко использоваться в тексте произведения. В литературоведении, в свою очередь, появилось множество подходов к изучению мифопоэтического сознания. Здесь уместно будет привести мысль Я.Э. Голосовкера о том, что «разумная творческая сила – а имя ей Воображение, Имагинация, – которая создавала миф, действует в нас и сейчас, особенно у поэта и философа...» [Голосовкер 1987, с. 9]. В данной статье под мифом понимается мышление, форма постижения мира и рассматривается сам механизм, мифологическое мышление в его архаическом понимании, его признаки и его проекция на материальную культуру в текстах Иосифа Бродского позднего периода². Ин-

¹ Культура в целом есть система знаков, взглядов и т.д. Каждый народ имеет свою систему знаков и символов. Бродского в этом смысле можно назвать полисистемным или диалогическим поэтом, поскольку в его текстах происходит соединение различных пластов и направлений человеческого мышления, ориентированного на конкретное пространство, на знаки, только этому пространству и времени свойственные.

² На наш взгляд, в текстах Бродского очевидны признаки мифологического мышления – такие как партиципация, фантазмагорические образы, заключение сути вещи в ее происхождении и т.д. Наиболее ярко особенности мифологического мышления раскрываются на уровне языковой и пространственно-временной организации. Бродский вырос, был воспитан и жил в пространстве с особым статусом культуры (сначала Ленинград, потом Италия), где улица была продолжением квартиры, где культура была и бытием и бытом, а язык не просто средством коммуникации, а отдельным бытием. Нередко поэтому

интерес к данному периоду творчества обусловлен тем, что именно эти тексты в большей степени населены, насыщены культурными реалиями, не существуют вне культуры как знаковой системы, что, однако, сообщает им некоторую условность. Но при этом они строятся по законам мифологического сознания. Если говорить о «вещизме», за что в свое время поэта упрекали, то сразу возникают аллюзии прежде всего на поэзию Пастернака, который с вещами был «на равной ноге». И это несмотря на то, что многими исследователями подчеркивается связь Бродского с акмеистами именно в отношении организации пространства и статуса вещей. Акмеистами культура, вещи, архитектура и т.п. воспринимались все-таки как нечто более отстраненное, как декорации. Однако, по словам Э. Кассирера, миф и культура – явления одного символического круга. В текстах поэта культура перестает быть только культурой как определенной аксиологической системой и становится системой онтологической, то есть собственно бытием. Поэзия Бродского цитатна, интертекстуальна в высшей степени и мифологична. Инвариант бытия и поэтических текстов представлен в иерархичной схеме «Пространство – Время – Язык», где Пространство занимает подчиненное место по отношению ко Времени, а Время – по отношению к Языку.

Как правило, пространство у Бродского обладает конечностью, немотой и неподвижностью:

*Спрятанные в стене
Ее беззвучные батареи
Наводняют жилье неразбавленной пустотой,
Круглый год, независимо от погоды,
«Наряду с отоплением»¹ [Бродский IV, с. 122].
Барвинок и валун, заросший густой щетиной
Мха, не сдвинулся с места. И пахнет тинной*

в текстах встречается образ либо болтовни, либо произнесения слова или звука через преодоление немоты или каких-либо препятствий. И это, как правило, с пространственным или временным (реже) акцентом. Часто говорят вещи, вода, мебель оживает, сравнивается с человеком, с буквами, в то время как человек овеществляется. Это прежде всего заметно по тому, что основные биологические процессы становятся ему недоступны: еда лирическим субъектом воспринимается только через запах и схожесть некоторых предметов с ней; акцентируется невозможность полового акта и появления детей; смерть сакральна.

¹ Здесь и далее тексты стихотворений Бродского цитируются по изданию: Бродский И.А. Сочинения: В 8 т. – СПб., 2001. В скобках указаны номер тома и страница.

*Блеклый, в простую полоску, отрез Гомеров,
Которому некуда деться из-за своих размеров.*

«Вот я снова» [IV, 190].

Кроме того, имея признаки мифологического, пространство у Бродского гетерогенно. Во-первых, судя по тематике стихов, можно сказать, что есть английский, итальянский, голландский Бродский. Это всегда привязанность к месту и развертывание конкретного географического мифа, то есть существуют какие-то маркеры, которые срываются независимо от контекста. Часто таким маркером выступает вода. «Для воды суша, – по Бродскому, – лишь эпизод». Например, Голландия маркируется избытком воды – в воздухе, в самом субъекте – и отсутствием человека как бы за ненужностью:

*<...> В Голландии нельзя
подняться в горы, умереть от жажды;
еще трудней – оставить четкий след
<...>*

*<...> В этом смысле я
живу в Голландии уже гораздо дольше,
чем волны местные, катящиеся вдаль
без адреса, как эти строки.*

«Голландия есть плоская страна» [IV, 136].

Поэтому мифологема «я – рыба, тритон, волна, моллюск» и все появляющиеся коннотации пространственно закреплены. Венецианское же пространство, напротив, наводнено вещами, носителями культуры, поэтому, по сути, размыто, лишено традиционных бинарных оппозиций, что превращает его в нигде, в небытие:

*Там, за нигде, за его пределом
– черным, бесцветным, возможно, белым –
Есть какая-то вещь, предмет.*

«Лагуна» [III, 44].

*Нам будет лучше, чем было, когда мелкий дождь
зарядит,
Потому что больше уже ничего не будет.*

(«Осень – хорошее время года») [IV, 102].

По сути, семантическая наводненность конкретного пространства оборачивается для него самого потопом, который, в свою очередь, всего лишь сюжет для картины:

*Вполне стандартный пейзаж, улучшенный наводнением.
«Пейзаж с наводнением» [IV, 142].*

*Жизнь начинается заново именно так – с картин
Изверженья вулкана, шлюпки, попавшей в бурю.
«Новая жизнь» [IV, 23].*

И все это «еще до внедренья плотины, кружжев, имен де Фриз // или Ван Дайк».

Таким образом, через символику потопа, в основе которого, по М. Элиаде, – «лежит циклическая концепция космоса» [Элиаде 1999, с. 381], можно говорить о мифе о вечном возвращении. То есть пространство, будучи наименьшей дефиницией культуры в поэзии Бродского, являет собой миф о времени, о Времени оно¹.

Во-вторых, вне географического мифа пространство существует на уровне Города и множества локусов, точнее бывших локусов – развалин архитектуры, развалин бывшей Империи:

*Скалы – или остатки колонн –
Покрыты дикой растительностью.
«Посвящается Пиранези» [IV, 145].*

*Архитектура, мать развалин,
Завидующая облакам,
Чей пасмурный кочан разварен...
«Архитектура» [IV, 98].*

Мифологема Империи стала неотъемлемой частью поэтики Бродского начиная со второй половины 1960-х – первой половины 1970-х годов. По внешним признакам ее можно отнести к Римской империи, но она соткана из множества смыслов, мотивов и аллюзий, прежде всего связанных с образом Петербурга. В поэзии позднего периода образ Империи (точнее, бывшей Империи) именуется «развалинами мира», «облаками», частой становится пара «храм-хлам» и т.д. И все это, как правило, часть некоего сюжета, зачастую театрального. В результате постоянной игры символами, реактуализации их посредством игры театральной сам образ Империи и сюжет, с ним связанный, становятся условными:

Смотри: направо – наш деревянный храм.

¹ Речь идет об известной концепции поэта, согласно которой «...язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства» [Бродский 2001, с. 143–144].

*Налево – театр для античных драм.
А здесь мы держим рабов, лопаты и прочий хлам...
«Театральное» [IV, 181].*

То есть получается, что это город, которого как Города уже нет – есть постройки, колонны, башни и храмы, но все это пребывает в статусе «развалин», профанируется:

*Чего, говоришь, отлить? Вон, у тех колонн.
В них спрятана, свернутая в рулон...
«Театральное» [IV, 182].*

Однако субъект всегда стремится в это пространство либо создает его инвариант (из облаков, например) и, таким образом, тяготеет к возвращению.

Один из временных образов пространства – изображения. Доминирующая мысль позднего творчества поэта – «жизнь без нас», то есть существование мира в чистом виде. Большое количество разного вида изображений (фотографии, картины, деньги, чертеж, татуировка) на различных носителях (на обоях, на теле, на пленке, на холсте) и важность самого процесса нанесения этого рисунка трансформируют его в своеобразный ритуал, а пространство делают сакральным. И таким образом сдерживается будущее, обозначается точка отсчета, куда субъект и возвращается, обращаясь к изображению. По мысли самого Бродского, «искусство есть форма сопротивления реальности» [Бродский 2001, VII, с. 120]. Включая лирического субъекта в круг искусства, поэт вводит его во время абсолютное.

Время в поэзии Бродского существует на двух уровнях – относительном и абсолютном. Первое обладает субстанциальностью и выражается, как правило, через образы воды (во всех проявлениях – дождя, снега, слюны, слезы), материи и человеческого тела. Абсолютное же отмечается смертью и одновременностью прошлого, настоящего и будущего. Относительное время Бродским понимается как наличие только двух времен – прошлого, которое было и которого уже нет и никогда не будет, и будущего, которое и есть нескончаемое настоящее. Само настоящее как адекватное ощущение лирическим субъектом себя и окружающего мира в лирике позднего периода практически не фигурирует:

*Настоящему, чтоб обернуться будущим,
Требуется вчера.*

«Вечер. Развалины...» [V, 171].

А поскольку вчера есть всегда (в отличие от неуловимости настоящего), то и будущее становится константой. Время у Бродского обладает свойством меняться, то есть не течь постоянным равномерным потоком, а быть подвижным – растягиваться и концентрироваться:

Вчера наступило завтра, в три часа пополудни.

Сегодня уже «никогда», будущее вообще.

«Из Альберта Эйнштейна» [IV, 172].

Помесь прошлого с будущим, данная в камне...

«Кентавры» [IV, 46].

В 1969 году в стихотворении «Конец прекрасной эпохи» Бродский высказал мысль, ставшую точкой отсчета во временной парадигме его поэтики: «Время создано смертью». И выходит, что Абсолют создал относительность. Субъект у Бродского всегда стремится Туда – преодолеть рамки и стать частью сакрального времени.

Чтоб смотреть на время со стороны,

У нас для этого нет стены.

«Театральное» [IV, 183].

Самым верным способом преодоления относительного является Язык и стихотворение как «вещь языка». «Ритм – источник Времени, а стихотворение, – говорил Бродский, – реорганизует время». Поэтому,

Разрастаясь, как мысль облаков о себе в синеве,

Время жизни, стремясь отделиться от времени смерти,

Обращается к звуку, к его серебру в соловье,

Центробежной иглой разгоняя масштаб круговерти.

Так творятся миры, ибо радиус, подвиги чьи

В захолустных садах созерцаемы выцветшей осью,

Руку бросившим пальцем на слух подбирает ключи

К бытию вне себя, в просторечьи – к его безголошью.

«Bagatelle» [IV, 38].

Способность к Языку и Творчеству, в частности, включает субъект в некий сакральный, опять-таки культурный цикл, а у Бродского он становится частью алфавита:

Я – всего лишь буква, стоящая после Ю,

На краю алфавита...

«Театральное» [IV, 183].

Я в глазах твоих кириллица, названья...

«Посвящение» [IV, 29].

Когда же речь идет о конкретных жанрах, присутствующих в данной поэзии явно или скрыто, то этим еще больше мифологизируется и сама поэзия, и пространственно-временные образы, потому что Бродский создает свою собственную мифологию на основе уже существующей, переосмысляет ее. Причем это отличительная черта именно позднего поэтического периода. Например, он перерабатывает миф о Вертумне (превращает в миф о Времени), миф о Тезее, миф о Парках, о Мойрах и т.д. и в конце концов создает миф о культуре, в рамках которой это все существует. Ведь главная дефиниция, на которой держится культура как миф и миф о культуре, – это Язык, Логос. Через него происходит космогония, создание сакрального мира. И в этот момент все как бы останавливается, то есть перестают существовать и время, и пространство:

Ты принялся отзываться:

Щуриться, морщить лоб; нижняя часть лица

Как бы оттаяла, и губы зашевелились.

Вертумн, – наконец ты выдал. Меня зовут Вертумном

«Вертумн» [IV, 82].

И все-таки главной «культурной мифологемой» поэзии Бродского можно по праву назвать воду, поскольку она – та субстанция, та «вещь», которая есть и медиатор между временем, пространством и языком, и свойство вообще всех вещей, их начало и конец.

Иначе с волной, чей шум,

Смахивающий на «ура»,

– шум, сумевший вобрать

«завтра», «сейчас», «вчера»,

– идущий из царства сумм,

Не занести в тетрадь.

«Тритон» [IV, 187].

Также нельзя не вспомнить известное высказывание поэта о том, что «вода – это сгущенная форма времени», и «если можно себе представить время, то, скорее всего, оно выглядит как вода» [Волков, 2002, с. 272]. Кроме того, этимологическое родство слов «речь» и «река» дает основание говорить о бытийном статусе воды в целом и у Бродского в частности:

*И струя буквально захлебывается, вестимо,
Оттого, что не все еще рассказала о своей красоте
«На Виа Джулиа» [IV, 27].*

И, как видно из описанного выше, основные категории мироздания – Пространство, Время и Язык – у Бродского буквально перетекают друг в друга.

По словам С.С. Аверинцева, «мы ожидаем от мифологии такой системности, которой у мифа нет, пока это миф, а не вторичная система» [Аверинцев, 1989, с. 340]. Он считает неприемлемым говорить о модели или картине мира в отношении мифа. Однако когда есть взаимодействие существующих частей, они неизбежно образуют систему, работающую по своим законам. Эти законы в лирике Бродского определяются природой Языка, Времени и Пространства и их взаимодействием. А поскольку природа их мифологична и сохранилась таковой в культуре и текстах транслируют эту природу, то и получается, что культура не просто мифологична, но и сама является мифом.

Поэзия Иосифа Бродского позднего периода, будучи культурно насыщенной и даже культуросентрической, в значительной степени мифологизирована, поскольку организована и существует по принципам мифологического сознания. Через три основных дефиниции реализуется миф о вечном возвращении и реактуализируется космогония. А культура – произведения искусства, явная и скрытая цитация, – участвуя в этом мифе, становится его имманентной частью, так же, как и миф становится ее имманентной частью.

Литература

- Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы // Человек в системе наук. – М., 1989.
Бродский И. Поклониться тени: эссе. – СПб., 2001.
Бродский И.А. Сочинения: В 8 т. – СПб., 2001.
Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М., 2002.
Генис А. Сочинения: В 3-х т. Т. 2. Расследования. – Екатеринбург, 2003.
Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М., 1987.
Семенов В. Иосиф Бродский в Северной ссылке: поэтика автобиографизма. – Тарту, 2004: [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://ruthenia.ru>.
Элиаде М. Трактат по истории религий: В 2-х т. Т. I. – СПб., 1999.

**СВЯТЫЕ И ГРЕШНЫЕ: ДВА РАССКАЗА
Л. УЛИЦКОЙ О СЕМЬЕ
(«Они жили долго...», «... И умерли в один день»).**

Э.В. Ларцева

Ключевые слова: рассказ, семейная тема, сюжет.

Keywords: story, family theme, plot.

Тема семьи – ключевая в творчестве Л. Улицкой. Наиболее последовательно она прослеживается в романах автора, которые в жанровом отношении обозначаются литературоведами как «семейная хроника», «семейная сага», «семейный роман». Но семейная проблематика находит свое продолжение и в малой прозе писателя. Рассказы «Они жили долго...» и «...И умерли в один день» из последнего сборника «Люди нашего царя» (2005) формируют своеобразную диологию о семье. Оба рассказа помещены не только в один сборник, но и в один цикл внутри него – «Они жили долго...», состоящий из шести рассказов. Кроме того, следуя друг за другом внутри цикла, они создают единое название-цитату, которое целиком, собранное из двух частей, восходит к сказочной финальной формуле: «Они жили долго и умерли в один день». Однако на тематическом уровне эти тексты представляют собой противоположные полюса одной темы.

В рассказе «Они жили долго...» объектом авторского внимания становится семья, состоящая из супружеской пары (Николай Афанасьевич и Вера Александровна) и их дочерей-близнецов (Александра и Анастасия). Все герои находятся в преклонном возрасте: дочерям шестьдесят лет, а их родителям более девяноста. Центр семьи образуют супруги, между которыми царит «глубокая гармония», они словно «продолжают» друг друга: «в том, что делала Вера Александровна, был тот же почерк, что и у мужа: точность, тщательность, презрение к любой приблизительности» [Улицкая 2005а, с. 163]. Взаимопонимание их настолько сильно, что Николай Афанасьевич «с годами научился думать таким образом, как будто он и был Верой Александровной. Вера Александровна, со своей стороны, так чутко чувствовала все мужские движения <...> что успевала приказать дочери сварить ромашковый чай за десять минут до того, как он начинал испытывать тяжесть в желудке...» [Улицкая 2005а, с. 166].

Однако столь редкая в произведениях Л. Улицкой полная семья, включающая в себя все обязательные «элементы»: отца – мать – детей, – оказывается лишь фантомом семьи. Одно гармонического супружеского «ядра» для создания настоящей семьи недостаточно. Непременной составляющей ее автором мыслится наличие и полноценность отношений по вертикали, суть которых заключается не только в воспитании личности, но и в преемственности семейных традиций. Семейная «вертикаль» является залогом семейной памяти, сохранения и продолжения семьи.

Межпоколенные отношения в семье Веры Александровны строятся на «добровольном подчинении» дочерей родителям: перед отцом они «благоговеют», а матери «побаиваются» [Улицкая 2005а, с. 164]. С детства Анастасия и Александра лишены собственной жизни, за них все решает мать: какие науки учить, какое образование получать, идти замуж или нет. Но активное участие матери в жизни дочерей продиктовано не заботой о них, а лишь собственной выгодой. Например, когда решается вопрос о будущей профессии детей, Вера Александровна, не спрашивая дочерей об их предпочтениях, отправляет их поступать в медицинский техникум, аргументируя выбор тем, что они с мужем стареют и им нужна медицинская помощь. Постепенно дочери стараниями матери превращаются в «механизм, выполняющий определенную функцию», – в обслуживающий персонал, предназначенный «для услуг, разговоров, мелких поручений и основных обязанностей, связанных с приготовлением обеда, тщательной уборкой квартиры» [Улицкая 2005а, с. 165].

Неспособность супругов создать полноценную семью осмысливается Л. Улицкой как акт «расчеловечивания», свидетельство душевной пустоты героев и безжизненности их пространства. Знаками авторской позиции становятся принадлежность героев неживому миру, отмеченность их демоническими деталями. Инферральность героев выражена их стремлением к бессмертию, свойственному демоническим существам: супруги «шли к вечной жизни» [Улицкая 2005а, с. 162]. Однако вечность оборачивается беспмятством и онтологической пустотой. Они живут так долго, что пережили не только своих «родственников, друзей, соседей, – целыми домами, улицами и даже городами», в некотором роде историю, потому что прошли «две революции, три войны, без счету горестей и лишений» [Улицкая 2005а, с. 161], но и саму память о себе. Когда они умирают, на их похоронах присутствуют два

человека – их дочери: «родня <...> вымерла», с соседями «давно уже не знали», в институте – не помнят [Улицкая 2005a, с. 171].

Средства создания персонажей закрепляют основную линию поддачи героев как «живых мертвецов». Николай Афанасьевич с годами приобретает «очертания птицы-ворона» [Улицкая 2005a, с. 161], образ которого имеет важную символическую нагрузку. Кроме того, что сравнение героя с вороном еще раз акцентирует его долголетие, оно обнаруживает его «нечистую» сущность. Ворон в мифологии – вестник несчастий и смерти, «зловещая», «дьявольская» птица, связанная «с подземным миром – с мертвыми, душами грешников и преисподней» [Гура 1995, с. 434]. Отсутствие «живого» в образе супругов передано также опредмечивающими метафорами: муж «окрашивается» в «картонный цвет», жена «старела в направлении благородного *мрамора*: желтоватый оттенок, *имитация тепла и жизни* в холодном лице» [Улицкая 2005a, с. 161]. Подчеркнута безжизненность, внутренняя пустота героев мотивом механичности, который присутствует в излишней расчетливости, в бездушной механике деятельности супругов: «Пирожки у Веры Александровны были *сделаны* по тому же рецепту, что и *расчеты* Николая Афанасьевича – безукоризненно» [Улицкая 2005a, с. 163]. Если дочери представляют собой «механизм» обслуживания своих родителей, то последние в свою очередь – «слаженную машину» потребления. Семейная жизнь, сконцентрированная на внешней стороне, не имеющая бытийного содержания, превращается в рассчитанный график скрупулезного приготовления и потребления пищи.

Однако сюжет рассказа выходит в важное для автора семейное пространство. Точкой размыкания выступает смерть старой пары и открытие Верой Александровной на смертном одре тайны происхождения семьи. Смерть супругов «делит» повествование рассказа на две части, имеющие разное аксиологическое звучание. В периоде «до» наличествует механическое существование, «после» начинается зарождением жизни. Показательно, что слово «жить», повторяемое трижды, маркирует сюжетную границу. Оставшиеся без родителей сестры думают, как им быть дальше. Более смелая Анастасия говорит: «Мы будем *жить* хорошо, Шура. Мы просто начнем *жить*...» – «И они начали *жить*» [Улицкая 2005a, с. 173], – вторит ее решению голос автора, принимая выбранную сестрами позицию. Жизнь Александры и Анастасии оборачивается воскрешением семьи: их стараниями «срослась семейная ткань». После смерти родителей они занялись «генеалогиче-

ским расследованием», которое приводит их сначала во Францию, где отыскалась сестра Веры Александровны, а затем открывает огромное мировое пространство семьи: «Семью разнесло по всему миру, и теперь они съезжались, чтобы порадоваться встрече с настоящими русскими родственниками, носителями той старой культуры, от которой все уже были отлучены» [Улицкая 2005a, с. 174]. Таким образом одна из дочерей реализует скрытый потенциал своего имени: Анастасия – «возрождение», «воскрешение» [Суперанская 1998, с. 114]. Именно ей Вера Александровна перед смертью шепнула скрываемую всю жизнь княжескую фамилию, именно Анастасия делает первые шаги в направлении разыскания родственников – пишет письмо в Париж, тем самым определив воскрешение и возрождение семьи. Финал рассказа звучит счастливым, с точки зрения главной темы произведения, заключительным аккордом: сестры обретают жизнь, огромную семью, Александра – мужа.

Рассказ «... И умерли в один день» представляет собой травестийный, «второй» финал сюжетной линии супругов рассказа «Они жили долго...». В названии первого, по расположению в цикле, рассказа акцентируется момент долгожития героев, но сюжет вскрывает бессмысленность так прожитой жизни. Второй рассказ являет собой должный финал развития. Несмотря на то, что вся жизнь героев остается за рамками фабульного наполнения произведения, поведение их в «смертельной» точке сюжета и развитие его после смерти супругов свидетельствуют о правильной и праведной, по мнению автора, жизни героев.

Ключевой эпизод в рассказах – смерть супружеской четы и похороны супругов. В обоих рассказах первой умирает в больнице жена, а затем с небольшим временным промежутком, так и не узнав печально-го известия, – муж. Однако сцена «двойных» похорон в рассказах выглядит совершенно по-разному. В рассказе «Они жили долго...» похороны, описанные скупо, парой фраз, – «пустые»: Веру Александровну и Николая Афанасьевича хоронят в декабрьский морозный день, кладут в мелко вырытую холодную могилу; на похоронах присутствуют всего два человека – их дочери. «Пустота» похорон знаменует бессмысленность, пустоту прожитой героями жизни. В рассказе «... И умерли в один день» смерть и похороны другой супружеской пары – Аллы Аркадьевны и Романа Борисовича – рисуются прямо противоположно. В сцене похорон этого рассказа заполняются лакуны предыдущего: на

церемонии присутствует множество «народу, изумленного редкостным событием двойной смерти»: многочисленная родня, «соседи по дому», «сослуживцы-бухгалтеры» [Улицкая 2005б, с. 179]. Тем самым подчеркивается широта бытийного пространства, образованного правильной жизнью героев. Но основным элементом «полноты» картины, который в мировоззрении и творчестве Л. Улицкой является мерилем человека и главной ценностью его жизни, выступает наличие настоящей семьи, созданной героями: «Дочь была с мужем и сын с женой, и при каждой паре – по мальчику с девочкой» [Улицкая 2005б, с. 179]. Знаком авторского отношения к жизни героев как праведной предстает повисшая на похоронах «дорога в небо», двойная радуга – «не цельная дуга, от края до края неба, а только половина: в высоте неба она рассеивалась» [Улицкая 2005б, с. 180]. Совместная смерть героев и радуга, воспринимаемая как посмертное чудо, выявляют житийную проекцию рассказа, в частности – аллюзивную отсылку к «Повести о Петре и Февронии». В данном контексте важна точка зрения, с которой происходит оценка героев. Мысль «а хорошие покойнички», после которой, словно в ее подтверждение, в небе возникает радуга, принадлежит человеку не мирскому, а «немолодой богомолке, сохранившейся с прежних времен», Варя [Улицкая 2005б, с. 179, 177]. Она работает в больнице, где провели свои последние дни Алла Аркадьевна и Роман Борисович, «чуть не с рождения» и понимает в смерти больше других. Она выполняет «тайную жизненную роль»: подает заупокойные записочки, а «в старые времена заказывала и отпевание» [Улицкая 2005б, с. 178]. Варя – носительница исконного религиозного сознания, через которое и происходит сопряжение судьбы героев с житийной традицией. Соотнесение с житийным канонам обнаруживает единую природу праведности героев: «ореолом святости окружается не аскетичная монашеская жизнь, а идеальная супружеская жизнь в миру» [Кусков 1998, с. 229]. Супружеская пара Л. Улицкой, как Петр и Феврония, пронесла свою любовь через всю жизнь: «поженились девственниками и в жизни не посмотрели в сторону», «любовь не проходила у них <... > в молодости были красивые, а потом уменьшились, съезжились, а любовь, а любовь только росла» [Улицкая 2005б, с. 178–179]. Следуя этому описанию, в котором тройным повторением акцентировано слово «любовь», даже лежа «рядом, в одинаковых гробах», герои продолжают «смотреть» друг на друга: «голова Романа Борисовича была как будто немного повернута в сторону жены» [Улицкая 2005б, с. 179].

Пересечение двух текстов (рассказа и жития) прослеживается и в такой детали, как множество астр, которые «лежали <...> ковром по двум гробам и выплескивались наружу»: «про другие цветы никто почему-то и не вспомнил» [Улицкая 2005б, с. 179]. Не случайно в данной сцене присутствует именно этот осенний цветок. «Игольчатая» форма лепестков его ассоциируется с иглой, которую Феврония втыкает в вышиваемый воздух перед смертью. Иглу можно вслед за О.А. Ереминой воспринимать как метафору единства мужа и жены. Такое толкование приводит исследователь древнерусского текста, обращаясь к семантическому наполнению образа иголки с ниткой, отраженному в фольклоре: «Промеж мужа и жены нитки не продернешь», «Куда игла – туда и нитка» и др. [Еремина 2002, с. 20]. Как и в древнерусском житии, персонажей оказывается двое (Петр и Феврония // Алла Аркадьевна и Роман Борисович), а «фигура святого <...> в сущности, одна: это наши герои вместе» [Неелов 1997, с. 183].

Однако для Л. Улицкой недостаточно любви и гармонии исключительно между супругами. Любовь должна быть созидающей, распространяться и продолжаться в мире. Свидетельством ее правильного «применения» становится создание семьи и семейная «прививка» своим детям. Именно реализация главной задачи человека – сотворение семьи, которое наполняет жизнь сакральным смыслом, позволяет Л. Улицкой возвести своих героев в ранг «святых». Святость героев состоит в семейном «подвижничестве» – жизни во имя идеи семейственности, поэтому только рассказ «... И умерли в один день» преодолевает сказочные каноны и поднимается на новый, житийный, уровень. Совместная смерть героев воспринимается как высшая награда за праведную жизнь, как знак и проявление «святости». Подобную гипотезу подтверждает экспозиция рассказа, где автором подчеркивается закономерность такой смерти, предназначенность ее этой супружеской паре: «... не случайная прихоть судьбы <...> а исполнение таинственного и фундаментального закона, который редко замечается...» [Улицкая 2005б, с. 176]. «Это правильно, праведно и справедливо», – приходит к выводу врач-кардиолог с тридцатилетним стажем, рассуждая об удивительной истории, свидетелем которой ему привелось стать. И если определения «правильно» и «праведно» в данном ряду относятся и к поведению супругов в последние дни жизни и к самому моменту смерти, то «справедливо» однозначно охарактеризовать одновременную смерть героев как дарованную свыше, заслужен-

ную героями. «Удивительные похороны» заключают в себе «оттенок праздника и победы» [Улицкая 2005б, с. 179]: праздника праведной любви и победы над смертью, когда «их любовь переступает за порог смерти» [Лихачев 1980, с. 283], где «время... отступает и начинается вечность» [Неелов 1997, с. 183]. В контексте творчества Л. Улицкой и подачи ею семейной темы вечность даруется супругам не только за их любовь, но и за заложенный ими семейный вектор, который является их продолжением в реальном мире и гарантом протяженности семьи во времени.

Литература

- Гура А.В. Ворон // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. – М., 1995.
- Еремина О.А. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» как произведение христианской литературы // Русская словесность. – 2002. – № 4.
- Кусков В.В. «Повесть о Петре и Февронии» // Кусков В.В. История древнерусской литературы. – М., 1998.
- Лихачев Д.С. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» // Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения Древней Руси. – М., 1980.
- Неелов Е.М. «Повесть о Петре и Февронии» и «Царевна-лягушка» // Рябининские чтения – 1995. – Петрозаводск, 1997.
- Суперанская А.В. Словарь личных имен. – М., 1998.
- Улицкая Л. Они жили долго... // Улицкая Л. Люди нашего царя: Рассказы. – М., 2005а.
- Улицкая Л. ...И умерли в один день // Улицкая Л. Люди нашего царя: Рассказы. – М., 2005б.

АНТИЧНОСТЬ В ПРОЗЕ ТОМАСА ЛАВА ПИКОКА

В.Н. Чечелева

Ключевые слова: античная традиция, Т.Л. Пикок, рецепция, роман, интеллектуализация.

Keywords: antique tradition, T.L. Peacock, reception, novel, intellectualization.

Влияние античного наследия на творчество Пикока нашло в определенной мере отражение в ряде зарубежных научных исследований¹, но не становилось специальным аспектом исследования отечественных филологов. Как правило, рецепции античности в творчестве Пикока не придавалось важного значения, в то время как специальное рассмотрение этого влияния, на наш взгляд, представляет научную значимость. Избранный аспект исследования позволит по-новому взглянуть на проблему своеобразия жанра и художественного мира прозы Пикока.

Интерес к античности проявился достаточно отчетливо уже в эссеистике писателя. Так, эссе Томаса Лава Пикока «Четыре века поэзии» (1820) является важным свидетельством острого интереса писателя к античной словесности, этапам формирования и преемственного развития жанровых форм, факторам, воздействующим на это развитие. Суждения Пикока об античных авторах обогащают представление об общих эстетических взглядах писателя и его оценках художественных явлений прошлого и современности.

Миф о четырех веках, последовательно сменяющих друг друга, наглядно воплощающий идею цикличности, существовал в древнегреческой мифологии и литературе и обычно соотносился с историей развития человечества. Так, например, миф Гесиода о пяти веках развития человечества (золотой, серебряный, медный, героический, железный) служит важной составной частью экспозиции, вступления к описанию современного ему общества (железный век), его пороков и бедствий.

Пикок, на наш взгляд, продуктивно применил древнегреческий миф о циклическом развитии цивилизации к истории литературы. Особенность концепции английского писателя состоит в функциональном назначении этого мифа: идея цикличности, воплощенная в эссе «Четыре века поэзии», связывает воедино разнородные элементы его концепции истории литературы (изменения в жанре, стиле, этической составляющей).

¹ Butler, Marilyn. Peacock displayed. A satirist in his context. – London: Routledge and Kegan Paul, 1979. – P. 45; Dawson, Carl. His fine wit. A study of T.L. Peacock. – Berkeley – Los Angeles, Univ. of California press, 1970. – P. 68; Kjellin, Haken. Talkative banquets. A study of the Peacockian novels of talk. – Stockholm, 1974. – P. 34–57; McKay, Margaret. Peacock's progress: Aspects of artistic development in the novels. – Stockholm, 1992. – P. 25.

Пикок последовательно разрабатывает идеи поступательного развития поэзии, когда одна эпоха закономерно сменяет другую, причем, в отличие от точки зрения древнегреческих поэтов, в его представлении на это есть ряд как объективных, так и субъективных причин; каждая последующая эпоха, по мнению писателя, основывается на достижениях предыдущей, что выражается в «шлифовании основных идей предыдущего века» как в содержательном, так и в художественном плане. Иногда же, по мысли Пикока, литературная мысль осознанно выбирает иной путь, формально выраженный в новом жанре, – в этом Пикок видит основание зарождения оригинальной поэзии.

Эссе «Четыре века поэзии» представляет собой своеобразную многомерную циклическую концепцию, где повторение основных закономерностей и процессов на каждом из этапов развития литературы позволяет говорить о родстве явлений древней и современной литературы.

Безусловно, это нетрадиционная концепция истории литературы. Так, своеобразно Пикок трактует зарождение поэзии, которое произошло в так называемый «железный век». Для Пикока это ранняя история человечества. Первооснова поэзии этого периода, по его мнению, – панегирик, когда порождающим фактором поэзии было естественное стремление первобытного человека к закреплению памятных событий. По жанру произведения этого периода Пикок относит к героическим песням. Стилевая принадлежность песен находилась в зависимости от их функции.

Важным для понимания эстетической концепции Пикока является слово «ремесло» (на языке оригинала «craft»), применимое, как правило, для обозначения деятельности, основанной на ручном труде. Этим понятием Пикок подчеркивает функциональное назначение поэзии в «железный век», когда, обусловленная практической мудростью, она являла собой «нечто вроде кратких исторических справок, повествующих пышным языком гипербол о подвигах и владениях выдающихся личностей» [Пикок 1988, с. 238], и формально была всего лишь ритмически организованным поэтическим полотном.

Представляется необходимым подчеркнуть видение Пикоком синкретичного характера поэзии «железного века». Поэты, как замечает Пикок, «...благодаря знакомству с таинственной историей богов и духов <...> пользовались репутацией оракулов, а потому могли быть

не только историками, но и теологами, моралистами и законодателями...» [Пикок 1988, с. 239].

Новая ступень в развитии цивилизации – «золотой век», отмеченный формированием и дальнейшим развитием государств и ослаблением индивидуальной власти, власти вождя. Эти процессы могут быть отнесены, по мнению Пикока, к объективным причинам развития литературы как феномена, отражающего актуальное состояние человеческого общества.

Как одну из характерных черт поэзии на этом этапе писатель выделяет ретроспективность, что, по его мнению, означает поэтизацию прошлого, возвеличивание героев прошлого, основателей государств, причем «исторические сведения <...> подменяются устоявшимся поэтическим панегириком» [Пикок 1988, с. 240]. Именно эта функциональная зависимость стала стимулом к дальнейшему развитию поэзии, приобретению ею статуса исключительности: «<...> поэзия стала еще более искусством, чем была прежде <...> Это век Гомера, золотой век поэзии. Поэзия достигла совершенства...» [Пикок 1988, с. 240]. Пикок делает акцент на том, что поэзия золотого века – зрелая поэзия, что выражалось в монолитности формы, гармоничности и согласованности ее элементов.

В ходе анализа художественных особенностей творчества поэтов, принадлежащих, по мнению английского писателя, к «золотому веку», Пикок подчеркивает универсализм жанра их творений, обеспечивающий произведениям особое положение в культуре века.

Развитие поэзии Пикок внимательно изучает также и в пределах одного периода, или века. Эта мысль о способности поэзии к саморазвитию, понимание поэзии как саморазвивающейся системы было важно для Пикока.

Пикок рассматривает развитие поэзии как поступательную смену жанров, имеющих преемственный характер. Так, например, «золотой век»: Гомер, олицетворяющий собой героический эпос, сменяется выдвижением лирической поэзии Пиндара и Алкея. На смену ей приходит трагическая поэзия Эсхила и Софокла. Трагедию сменяет историческая проза, а именно Геродот, о котором Пикок говорит в контексте историографии: «<...> с прогрессом разума и культуры факты в своем значении потеснили вымысел» [Пикок 1988, с. 241]. Творчество названных авторов он воспринимает как важные звенья преемственного развития поэзии. В их творчестве Пикок ценит выражение стремления

человека к познанию своей сущности через призму истории, поиск ответов с опорой на древние мифы, стремление упорядочить и систематизировать картину мира.

Переходя к анализу поэзии «серебряного века», Пикок вновь обращает внимание на изменение социокультурной ситуации, которое обусловило изменения в функциональном назначении поэзии, ее жанровой системе. Говоря о поэзии «серебряного века», Пикок называет ее поэзией цивилизованного общества, в котором происходят важные интеллектуальные процессы: входит в свои права история, которая старается, и весьма успешно, развенчать мифы, глубоко укоренившиеся в сознании людей. С развитием человеческого мышления развиваются интенсивнее философские и этические науки. Вследствие этого происходит процесс разделения гуманитарной сферы: истории, философии, литературы. Пикок сожалеет о том, что «... по мере того, как разум вытесняет <...> воображение и чувство, поэзия не в состоянии далее сопутствовать им в прогрессе» [Пикок 1988, с. 242]. Английский писатель видит причину ослабления позиции поэзии в постепенной потере ею способности удовлетворять растущим многогранным потребностям общества. Но сказанное не означает, что Пикок склонен нивелировать ценность поэзии на этом этапе. В известной мере как бы отменяя сказанное, он рассуждает далее о «дихотомическом» пути развития поэзии на новом этапе, отмечая, что «Серебряный век представлен двумя видами поэзии: подражательной и оригинальной» [Пикок 1988, с. 241]. В ходе анализа творчества авторов, представляющих различные жанровые формы или их разные модификации на этом этапе, Пикок делает вывод об оригинальности их творений на основании самобытности концепции мировидения указанных авторов и используемых ими художественных форм.

Раскрывая суть «медного века» античной поэзии, Пикок говорит о своеобразном возрождении традиций «золотого века» античности и полемической соотнесенности поэзии этого века с другими этапами развития словесного искусства: «...наступает медный век поэзии, который, отвергнув изысканность и эрудицию серебряного века и позаимствовав грубость и первозданность железного века, призывает вернуться к природе и возродить золотой век» [Пикок 1988, с. 242].

Путь современной поэзии, по мысли Томаса Лава Пикока, определенным образом соотносится с четырьмя эпохами, выделенными им в развитии античной поэзии. И таким образом история литературы

представлена им как замкнутая многомерная система, стройная и логически выдержанная в лучших образцах риторического искусства.

Романы Т.Л. Пикока содержат память о многих жанрах античной литературы: симпозиуме, сатуре, древнеаттической комедии. Это не удивительно, ведь на этапе романного творчества Пикока происходит интеллектуализация литературы, что обусловлено социокультурной ситуацией. Известно, что викторианский период был периодом радикального слома не только в экономической и политической, но и в нравственной, этической, эстетической и интеллектуальной сферах.

Роман Пикока развивался в русле интеллектуализации английской прозы. Наиболее полно эта интеллектуализация нашла выражение в диалогах. Философские диалоги в романах Пикока написаны в традиции, истоки которой следует искать в работах Платона: именно к античной литературе обращались часто авторы в поисках идеальных моделей в переходные периоды литературного процесса. Истоки своеобразия стиля Пикока можно проследить, обращаясь к античности. Драматические диалоги не составляют однородной группы, а подразделяются на несколько групп, каждая со своими особенностями. Важно рассмотреть также традиции, идущие от Лукиана, Плутарха, нашедшие выражение в жанре драматического диалога у Пикока.

Пикок был одним из почитателей Платона и сам создал диалог, построенный на постепенном, последовательном нанизывании речей, которые приоткрывают с разных сторон главную, заданную в начале тему беседы, как это было и у Платона. Эта обязательная для всех тема разрабатывается самым многообразным образом. По мере нарастания и наполнения заданной темы голоса крепнут, становятся все увереннее, пока их все не перекрывает голос «корифея хора» (например, хозяина поместья Грилла). Напомним, что и в диалогах Платона всегда есть ведущий голос, ведущая партия, которая, как правило, принадлежит Сократу. **Многотональность** диалога наиболее ярко выражена в «Пире» Платона. Глубокомысленная беседа часто соседствовала со смехом и шуткой, так как для симпозиума было естественно сочетание серьезного и смешного.

Сатирические дебаты, карикатурно вырисованные характеры спорящих и аргументация, поспешная, не всегда логичная, не подразумевают прямой традиции Платона. Она скорее восходит к Лукиану. Действительное различие диалогов мы можем увидеть в их цели: если для Платона важен поиск истины, понимания Высшего блага, то философ-

ские дебаты в романах Пикока, когда восходят к Платону, в свою очередь обращены к идейным исканиям автора. Когда же они даются с целью комического снижения ситуации, характеров, иронии над общепринятыми суждениями, – тогда это скорее традиция Лукиана. В этом случае Пикока с традицией Лукиана роднит также нежелание исследовать предмет разговора в равноправном диалоге. Участники представлены нам агонистами, которые желают обезоружить своих противников, высмеять их мнения и, что нередко, их самих, не предоставляя возможности защищаться.

Пикок воссоздал в своем романе тип диалога, синтезирующий традицию Лукиана и Аристофана. Таким образом, можно сказать, что философские споры в романах Пикока, имеющие сатирическую направленность, восходят к диалогам Лукиана.

В романах Пикока, особенно в «Замке Кротчет» (1831) и «Усадьбе Грилла» (1861), мы можем видеть отголоски традиции менипповой сатуры. Следует оговориться, что это не прямое заимствование, а традиция, воспринятая через посредство Петрония, римского романиста I века. Петрония и Пикока роднит отсутствие какой бы то ни было явной нравоучительной тенденции, смешение элементов языка и стиля (пародирование трагических сюжетов на манер Мениппа, комический эффект в соединении трагического и эпического стиля с фамильярными словами и выражениями и приложение высокого стиля к низменным ситуациям).

Важное место в творчестве Пикока занимает традиция древнеаттической комедии. Пикок высоко оценивал феномен Старой комедии по трем причинам: он ценил ее народное, вакхическое происхождение; поэтическое качество и изобретательность; сатирическое, прямо выраженное политическое содержание.

Показателен сатирико-философский роман «Усадьба Грилла», который ближе других к Аристофану и его традиции. И не только потому, что в этом романе разыгрывается комедия в духе Аристофана, но еще и потому, что в нем царит радостный, праздничный дух и воплощена остроумная, изобретательная и причудливая фабула. Одна модель жизни находится в контрасте с другой подобно тому, как это было в аристофановской комедии. Концепция романа, включающая сравнение античности и Нового времени, подводит к итогу не в пользу последнего. Пикок не только сатирик-интеллектуал, отвергающий многие политические, религиозные и общественные нормы своего вре-

мени, осмеивающий современный ему мир, в котором видит мало достойного одобрения. Критическое начало – важное, но не единственное в его произведении, как отмечает Е.Ю. Гениева. Не менее существенна в нем и сторона позитивная – утверждающая полнокровное, хотя и несколько идеализированное бытие, некую современную Аркадию, на которую уродства окружающего мира не оказывают никакого влияния. Наслаждение радостями жизни, возведение радости в философско-нравственную категорию сближает Пикоча с античными авторами, которым он, по собственному признанию, многим обязан. Вся проза Пикоча является свидетельством его эллинофильства. Воспринятый у греков идеал Пикоча состоит в том, что человек должен жить в согласии с природой и своим человеческим родом, и искусство, вскрывая противоречия жизни, должно призывать к восстановлению гармонии.

Диалектический принцип детально разрабатывается на всех уровнях этого романа. Для сюжета характерно сочетание постановки острой политической проблемы и комического воплощения. Композиция романа воспроизводит схему ‘строфа-антистрофа’ греческого хора.

Итак, говоря о традиции Old Comedy как слагаемом более широкого контекста, мы можем заметить глубинные связи романа английского писателя XIX века и древнеаттических комедий Аристофана, что выражается также в родстве стиля (причудливый синтез пародии, буффории, сатиры в соединении с патетической лирикой).

Литература

- Пикоч Т.Л. Аббатство кошмаров. Усадьба Грилла. – М., 1988.
 Butler Marilyn. Peacock displayed. A satirist in his context. – London, 1979.
 Dawson Carl. His fine wit. A study of T.L. Peacock. – Berkeley – Los Angeles, Univ. of California press, 1970.
 Kjellin Haken. Talkative banquets. A study of the Peacockian novels of talk. – Stockholm, 1974.
 McKay Margaret. Peacock's progress: Aspects of artistic development in the novels. – Stockholm, 1992.
 Peacock T.L. Memoirs of Shelley and other essays and reviews. – London, Hari-Davis, 1970.
 Peacock T.L. The novels of T.L. Peacock. Ed. With introd. and notes by David Garnett. Vol. 1–2. – London, Hari-Davis, 1963.

АЛТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В «СИБИРСКИХ ОГНЯХ»: ПРОБЛЕМЫ КРИТИКИ

В.П. Канарина

Ключевые слова: алтайская литература, журнал «Сибирские огни», критика.

Keywords: Altai literature, magazine «The Siberian Lights», critics.

О значительной роли журнала «Сибирские огни» в организации литературной жизни Сибири и, в частности, Алтая говорилось многими исследователями. Так, В. Зазубрин отмечал, что «с самого начала именно “Сибирские огни” сделались подлинным центром, который объединял и объединяет все живые писательские силы Сибири» [Зазубрин 1972, с. 226].

«Начиная с первого года издания «Сибирских огней», – пишет З.С. Казагачева, – редкие номера выходят без материала, посвященного Горному Алтаю» [Казагачева 1972, с. 59]. Критические материалы по алтайской литературе активно начали появляться на страницах «Сибирских огней» с конца 20-х – начала 30-х годов XX века. Прав был Е. Ярославский, говоря: «“Сибирские огни” дают возможность систематически освещать и художественно-литературным творчеством и в серьезных политико-экономических и исторических статьях разнообразные стороны сибирской действительности» [Ярославский 1922, с. 132].

В журнале с первых же номеров начали выходить статьи на политические темы. Критические статьи о произведениях П. Кучияка, об устном народном творчестве и литературе Ойротии начали публиковаться с 1932 года.

Нужно отметить, что преобладающим жанром в литературно-художественной критике 30–40-х годов был очерк – жанр наиболее мобильный и доступный для читающей публики.

Своими дневниковыми наблюдениями о праздновании 10-летия Советской Ойротии в статье «Улу-Байрам» делится критик и писатель А.Л. Коптелов. Статья носит характер и репортажа с места событий, и материала для хронико-документального фильма. Первая часть статьи посвящена политическим событиям и культурному строительству на Алтае. Во второй части говорится о начале литературной деятельности

П. Кучияка, зарождении алтайского национального театра, первых постановках пьес П. Кучияка «Борьба» и Г. Токмашева «Последний зайсан».

Кратко передано содержание, затем дается оценка пьес. Например, о пьесе Кучияка А. Коптелов замечает: «Пьеса не сценична. Но она – лучшее из того, что имеется на алтайском языке. Автор любит песню, пишет стихи, понимает слово. Это даже при недостаточном знакомстве со сценой помогло ему написать вещь, которая принята алтайцами с большим интересом» [Коптелов 1932, с. 71].

Как известно, в 1930-е годы остро стоял вопрос несправедливой, предвзятой критике произведений П. Кучияка со стороны местных писателей. Верную критическую оценку его произведениям дали такие писатели, как А. Коптелов, С. Кожевников, А. Гарф и другие, тем самым поддерживая писателя в трудный момент его творческой жизни.

Журнал постоянно печатал обзоры национальной литературы Сибири, очерки и научные статьи по истории, культуре, этнографии сибирских народов. В числе интересных и заслуживающих внимания можно назвать статьи С. Филиппыча «Нужна помощь в первых шагах национальной литературы Хакасии» [1931, № 1], А. Коптелова «Литература Советской Ойротии» [1934, № 6], «Откровения торопливых путешественников» [1936, № 1], С. Кожевникова «Литература, созданная народом» [1937, № 5–6], «Первые страницы алтайской литературы» [1939, № 4] и др.

Определенный интерес представляют статьи А. Коптелова и С. Кожевникова об алтайской литературе. В основу статьи «Литература Советской Ойротии» А. Коптелова положен доклад на краевом съезде советских писателей. Общеизвестный знаток и исследователь Горного Алтая, А. Коптелов дал обстоятельный обзор алтайской литературы начиная с ее истоков до 1930-х годов. Придавая сказкам, песням и другим жанрам фольклора огромную роль в развитии литературы, автор статьи приводит примеры из русской и зарубежной классики.

Коптелов-критик, отлично знавший быт и нравы алтайцев, не мог примириться с глубоко ошибочными и в корне неверными утверждениями отдельных ученых. «Многие буржуазные исследователи, – делает вывод автор, – подходили к собиранию алтайских сказок с определенным великодержавным предубеждением» [Коптелов 1934, с. 94].

Положительно отозвался критик лишь о книге Н.Я. Никифорова «Аносский сборник» (Омск, 1915) и алтайской поэме-сказке «Когутэй» (М., 1933).

Следует признать, что критическая деятельность А.Л. Коптелова в 30–40-е, да и в последующие годы двигалась в русле его творческой литературной деятельности. Его критика широкоохватна, местами описательна, но пронизана стремлением дойти до самой сути разбираемых фактов и явлений. Критические оценки носят ярко выраженную полемическую направленность, в то же время искренность и доброжелательность интонации. Выявив проблему, сразу предлагать возможные пути ее решения – это важная особенность творческой манеры А. Коптелова.

Обзору дореволюционной и советской литературы в Горной Шории и на Алтае в плане сопоставительного анализа посвящена статья С. Кожевникова. Значительное место в обзоре уделено анализу алтайских песен и сказок. Автором статьи отмечено много сходных моментов в фольклорном наследии Горной Шории и Горного Алтая [Кожевников 1937, с. 144].

Следует отметить, что критика 20–30-х годов XX века в Сибири носила зачаточный характер. В ней преобладали жанры очерка, краткого отзыва, библиографического обзора. Научное описание зачастую превалировало над интерпретацией, широкими обобщениями и многоаспектным анализом.

На втором этапе, точнее с 40-х годов до 1953 года, несмотря на трудности развития литературно-критической мысли в условиях культа личности, роль «Сибирских огней» в освещении интернациональной темы оставалась главенствующей. Так, по-прежнему были верны теме литературы Горного Алтая писатели и критики А.Л. Коптелов, П.В. Кучияк, С.Е. Кожевников, Н.Н. Яновский и другие.

Примером освещения интернациональной темы в журнале является статья А. Коптелова «Литература народов Сибири» [1947, № 5]. Эта статья с подзаголовком «заметки» носит характер историко-типологического анализа эпического и литературного наследия народов Сибири – якутов, алтайцев, бурят-монголов, шорцев, эвенков, хакасов.

Статья интересна тем, что содержит богатый фактический материал о творчестве писателей названных народов. Автор со знанием дела, вдумчиво и объективно проанализировал литературу народов Сибири. Им сделаны существенные замечания по поводу тематики

пьес, некоторых важных деталей в произведениях. А. Коптелов обращает внимание на жанровую бедность многих литератур народов Сибири, в том числе и алтайской. Он заостряет внимание на развитии прозы, которая могла бы открыть большие возможности для отображения жизни народа, его труда и борьбы. Высказаны сожаления по поводу малого количества переводов на русский язык алтайской прозы.

Сибирская литературная критика первых послевоенных лет не могла быть свободной от тенденциозности и догматизма, преследуя «аполитичность», «низкопоклонство», «космополитизм», «буржуазный формализм» и др. Несмотря ни на какие трудности, ряд критиков по мере возможности стремился сохранить объективность в анализе литературного процесса. К таковым относятся С. Кожевников, А. Коптелов, Б. Рясенцев, В. Вихлянский, Н. Яновский и др.

В 50-е годы продолжали публиковаться литературно-критические статьи об алтайской литературе, притом они стали более совершенными и отточенными как в жанрово-тематическом, так и в содержательном плане. Так, в первом номере за 1954 год опубликована статья «Молодая литература Горного Алтая» А. Коптелова в соавторстве с С. Суразаковым. Статья носит обзорный характер и приветствует быстрый рост писательских талантов и развитие молодой алтайской литературы. Авторы отмечают, что в развитии современной художественной литературы особенно важную роль играют устное народное творчество и русская классическая литература. Одним из факторов успешного развития алтайской литературы авторы считают глубокие дружеские связи с русскими писателями, образцовый перевод лучших произведений на русский язык.

Кардинальные вопросы литературно-критического процесса рассматривались в статьях Н. Яновского – организатора и собирателя критических сил Сибири. Его идейно-эстетические и организационные принципы изложены в многочисленных статьях данного периода. Например, в «Заметках о критике» [1954, № 5] им выработаны основополагающие критерии критики, такие как глубокое знание и понимание законов развития человеческого общества и умение применить их в любом конкретном случае. Считая литературную критику наукой, он истолковал ее специфику. В том числе Н. Яновский уловил важный момент: «нужен анализ ценного и лучшего, что есть в критике, чтобы на этих традициях воспитывать новое поколение критиков» [Яновский 1954, с. 174, 177].

В условиях демократизации и гласности в Сибири и в Горном Алтае происходит оживление писательской критики и вместе с ней развитие профессиональной критики. В местной печати, в альманахе «В горах Алтая» (с 1947 года) и газетах начинают выходить статьи С. Суразакова, М. Бочарова, С. Каташ, А. Бегаева, Ч. Чунижекова и других о творчестве алтайских писателей.

При этом важно отметить, что многие статьи печатались параллельно в журнале «Сибирские огни» и в местных альманахах. К числу таких могут быть отнесены статьи А. Бегаева «В горах голубого Алтая» [1952, № 5], «Недоброкачественная редакция» [1954, № 3] и другие.

О пристальном и зорком с критической точки зрения прочтении произведений П. Кучияка свидетельствует статья-обозрение А. Бегаева «Зачинатель алтайской литературы» (1958, № 8). Автор ведет речь о книге, вышедшей в Москве [Кучияк 1957]. Критик справедливо отметил: «В его первых рассказах нетрудно заметить ученические художественные просчеты». Далее он говорит о постепенном росте творческого мастерства писателя: «повесть «Аза-Ялан» и неоконченный автобиографический роман «Адыйок» уже создавал большой художник, большой мастер» [Бегаев 1958, с. 179].

С 1958 года журнал «Сибирские огни» преобразован в орган СП РСФСР и начал издаваться ежемесячно. Внимание критики уделялось вопросам художественного мастерства и индивидуального своеобразия писателей. Так, статья А. Кухно «С молодостью не прощайся» [1959, № 6] посвящена переводу сборнику стихов под названием «Стихи» (1958) молодого алтайского поэта Л. Кокышева, где критиком дан положительный отзыв о талантливом, многообещающем поэте-лирике.

Этот период характеризуется ростом профессиональной критики. Все чаще выступают с литературно-критическими статьями наряду с известными российскими критиками представители критики национальных литератур Сибири, местные литературоведы: С. Каташ, С. Суразаков, В. Чичинов, Р. Палкина, В. Дементьев, Г. Кондаков, К. Антошин, Н. Яновский, А. Никульков, Л. Якимова и др.

«Событием весьма знаменательным, заслуживающим внимания общественности и литературной критики», – по словам С. Каташ, – стало появление в печати первого алтайского романа «Арина». В статье «Первый алтайский роман» критик отмечал «незаурядные способ-

ности молодого писателя» Л. Кокышева и успех его романа. Вместе с тем указано и на недостатки романа – в плане композиции, событийного уровня и надуманности некоторых сцен. Отмечалась и незавершенность этого романа [1961, № 9, с. 188–189].

В 1970–90-е годы критический отдел журнала убедительно демонстрирует потенциал региональной литературы, ее органичную взаимосвязь с общесоюзной. Критические публикации этого периода отличались высоким профессиональным уровнем, активным вторжением в современность. К числу таковых смело можно отнести статьи Л. Якимовой, Н. Яновского, А. Никулькова, В. Яранцева, В. Одинокова, Ю. Мосткова, Б. Попова, С. Каташ, В. Чичинова, Б. Бедюрова, Н. Киндиковой, Г. Кондакова и других. Они посвящены многосторонним вопросам развития литератур народов Сибири. Более подробно о них сказано в работе «Литературная критика журнала “Сибирские огни”. 1920–1980 годы» [Якимова 1994, с. 3 и др.].

Таким образом, литературная критика журнала «Сибирские огни» оказала действенное и эффективное влияние на развитие литературно-критической мысли Горного Алтая. «На страницах журнала “Сибирские огни” слиты время и пространство: древность в образе – символе праматери нашей, современность в произведениях писателей Сибири, и чувство будущего, неизменно оптимистического и позитивного» [Ангархаев 2007, с. 3].

Литература

- Ангархаев А.Л., Базаржапова-Дашеева Г.Х. Поздравления к 85-летию журнала «Сибирские огни»! // Сибирские огни. – 2007. – № 4.
- Бегаев А. Зачинатель алтайской литературы // Сибирские огни. – 1958. – № 8.
- Зазубрин В. Писатели и Октябрь в Сибири // Литературное наследство Сибири. Т. 2. – Новосибирск, 1972.
- Казагачева З.С. Зарождение алтайской литературы. – Горно-Алтайск, 1972.
- Кожевников С. Литература, созданная народом // Сибирские огни. – 1937. – № 5–6.
- Коптелов А. Литература Советской Ойротии // Сибирские огни. – 1934. – № 6.
- Коптелов А., Суразаков С. Молодая литература Горного Алтая // Сибирские огни. – 1954. – № 1.
- Коптелов А.Л. Улу-Байрам // Сибирские огни. – 1932. – № 7–8.
- Кучияк П. В горах Алтая. Избранные произведения. – М., 1957.
- Якимова Л.П., Соболевская Н.Н., Бальбуров Э.А., Юдалевич Б.М. Литературная критика журнала «Сибирские огни». 1920–1980 годы. – Новосибирск, 1994.
- Яновский Н. Заметки о критике // Сибирские огни. – 1954. – № 5.
- Ярославский Е. По Сибири (Внутреннее обозрение) // Сибирские огни. – 1922. – № 3.

РОЛЬ ДЕТСКИХ СМИ В РАЗВИТИИ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Е.М. Талалаева

Ключевые слова: детская пресса, медиаобразование, журналистика.

Keywords: children's press, media education, journalism.

Человек, не подготовленный к восприятию информации в различных видах, не может полноценно понять и анализировать ее, не в силах противостоять манипулятивным воздействиям медиа, не способен к самостоятельному выражению своих мыслей и чувств. В полной мере это относится к СМИ, имеющим большое значение в процессе социализации новых поколений в условиях современного медиатизированного общества. СМИ, как отмечают исследователи, играют значительную роль в современном обществе, поэтому разносторонние и систематические формы обучения в сфере СМИ являются составной частью образования современного гражданина [Павлова 2007, с. 204]. Медiateксты (включая журналистские тексты) могут обладать рядом весьма ценных качеств и в принципе способны благоприятствовать не только приращению общего когнитивного опыта аудитории в отношении социальной действительности, но и приобретению ею знаний, помогающих самостоятельно ориентироваться в медийном содержании [Короченский 2007, с. 55].

Согласно Севильским рекомендациям ЮНЕСКО, благодаря медиаобразованию люди могут получить знания и навыки, помогающие определить источники медiateкстов, политические, социальные, коммерческие и/или культурные интересы их создателей, их социальный контекст; а также анализировать, критически размышлять и создавать информационные продукты; интерпретировать сообщения и ценности, предлагаемые средствами информации; получать или требовать доступ к средствам информации как для восприятия, так и для производства; избирать соответствующие средства информации для осуществления коммуникации с различными аудиториями [UNESCO 2002]. Парижским планом мероприятий (2007) в основные определения и принципы добавлены рекомендации включить медиаобразование в процесс подготовки будущих учителей и важный тезис о том, что медиаобразование должно сопутствовать человеку на протяжении всей жизни. Особо

отмечалось, что важной составляющей медиаобразовательного процесса должна стать работа, проводимая самими средствами массовой информации [UNESCO 2007]. Периодическая печать с ее спецификой занимает особое место в медиасистемах. Однако говорить о полноценной систематической медиаобразовательной деятельности, осуществляемой через СМИ, пока рано. Но определенные качества, присущие средствам массовой информации, можно использовать для развития критического мышления и медиакомпетентности аудитории, не исключая детей и молодежь. А. Федоров отмечает, что «развитие критического мышления – не итоговая цель медиаобразования, а его постоянный компонент» [Федоров 2007, с. 42]. При этом читатель (зритель, слушатель) должен быть не пассивным потребителем медиапродукции, а активно воспринимать и оценивать ту информацию, которую он получает с помощью средств массовой коммуникации.

Методика медиаобразования как школьной, так и студенческой аудитории базируется, как пишет А. Федоров, на реализации разнообразных творческих заданий: «Теоретический анализ их элементов, разработка и применение их в практике обучения позволяют выделить следующие основные функции: **обучающие, адаптационные, развивающие и управляющие**. При этом под **обучающей** функцией понимается усвоение знаний о теориях и законах, приемах восприятия и анализа медиатекстов, способность применять эти знания в иных ситуациях, рассуждать логически; **адаптационная** функция проявляется в первоначальном, понятийном этапе общения с медиакультурой; под **развивающей** функцией подразумевается развитие мотивационных (компенсаторных, терапевтических, рекреативных и т.д.), волевых и других свойств и качеств личности, опыта творческого контакта с медиа; задача **управляющей** функции – формирование наилучших условий для анализа медиатекстов [Федоров 2006, с. 175].

«Часто сам факт знакомства и работы с взрослой прессой приводит ребят к мысли о создании собственной газеты, и наоборот, школьники, издающие свою газету, часто пытаются постичь взрослую прессу. Результат – осознание себя в активной позиции по отношению к прессе, гражданская активность в своем ближайшем социальном окружении» – пишет А. Школьник [Школьник 1999, с. 36]. Кроме того, участие в создании газеты, журнала, альманаха – это путь приобщения детей к чтению.

Преимущества школьных изданий перед официальными, с одной стороны, очевидны: это доступность, близость к аудитории, наличие прямого канала передачи знаний от учителей ученикам, от создателей газеты ее аудитории; возможность педагогического воздействия на юных читателей. Следует выделить следующие возможности школьных газет в решении медиаобразовательных задач:

1. Способность формировать у подрастающих поколений привычку общения с газетной периодикой, потребность в регулярном прочтении газет;
2. Школьную газету можно использовать как канал формирования восприятия медийного содержания, объяснения существа и особенностей журналистской работы: как организуется работа редакции и всех ее подразделений; что такое газетный стиль и жанры, разъяснение этапов работы над журналистским произведением, что такое и из чего строятся заголовок, лид и т.д.).
3. Участникам школьной прессы прививается способность к самостоятельному производству медиатекстов, сбору и обработке необходимой для этого информации, ее «упаковке» в газетные формы и жанры, к графическому оформлению изданий. Кроме того, дети получают навыки работы в команде при выпуске газетных номеров. Здесь нужно отметить еще одну особенность, присущую только школьной прессе – это частая смена состава редакционного коллектива, и поэтому очень важно организовать преемственность поколений юнкоров, обучение младших товарищей старшими.
4. Кроме того, участие в создании школьной прессы можно рассматривать как приобретение навыков общественной деятельности в роли самодетельного коммуникатора, развитие креативного потенциала личности, потребности школьников в самовыражении. Медиаобразовательный потенциал школьной газеты реализуется также в форме размещения в них публикаций, содержащих базовые сведения по медиаобразованию, обучения школьников основам критического разбора и оценки медиатекстов – с предложением «технологии» и образцов таких разборов.

Одно из самых уязвимых звеньев функционирования школьной прессы – это дефицит компетентных медиапедагогов, руководящих де-

тельностью по подготовке и выпуску номеров. Поэтому очень важно, чтобы в школьных пресс-центрах работали грамотные медиапедагоги или прошедшие подготовку педагогические специалисты, которым интересна эта работа и которые обладают необходимыми навыками для ее ведения (отсутствие авторитарного мышления, креативность, умение находить общий язык с детьми разных возрастов, умение редактировать тексты в соответствии с нормами стилистики и композиции и т.д.).

Необходимо использовать технические возможности компьютера для того, чтобы школьные издания были доступны и в электронной версии. Сейчас в Интернете можно найти несколько вариантов расположения школьных газет в сети: в виде новостной ленты, обновляемой по мере выхода каждого нового номера; в pdf-формате. Первый вариант интересен тем, что читателям предоставляется возможность использовать интерактивные способы оценки материалов – оценка по определенному количеству баллов, Интернет-голосование, комментарии, возможность задавать вопросы автору медиатекста, давать методические рекомендации в форме форумов, а также – в некоторых вариантах – предоставляется возможность всем желающим разместить свой текст на сайте. Размещенные в Интернете pdf-версии интересны тем, что читатель, по сути, видит перед собой копию бумажного варианта газеты и может оценить не только качество текстов, но и оформление, дизайн, наличие и качество иллюстраций.

Итак, **адаптационная функция** школьной газеты как источника творческих заданий состоит в том, что и создатели издания, и его читатели приучаются к внимательному чтению медиатекстов, пытаются определить важность, авторство и назначение получаемой информации. Под **обучающей функцией** мы понимаем обучение юнкоров теории и практике журналистики и публикацию обучающих материалов на эту тему на страницах школьного издания. **Развивающая функция** выражается в том, что, достигнув определенного этапа творческого развития, члены школьной редколлегии обучаются селекции медиатекстов и используют полученные знания в повседневной жизни, тем самым достигая определенного уровня медиаграмотности (ведь общение с медиа в современном мире происходит чуть ли не ежеминутно); творчески подходят к созданию собственных медиатекстов; пытаются критически оценивать печатные, видео- и аудиомедиатексты; во многом полученные знания влияют на выбор ребенком будущей про-

фессии. Если школьная газета или пресс-центр являются школой медиаобразования не только для участников создания школьных газет, теле- и радиопередач, но и для читателей (зрителей, слушателей), то систематически публикуемые (выпускаемые в эфир) медиаобразовательные рубрики, безусловно, способны повысить и уровень медиаграмотности аудитории. Для успешной реализации **управляющей функции** необходимо важное условие – грамотный педагог-куратор, который прежде всего сам способен адекватно воспринять, интерпретировать и проанализировать любой медиатекст и научить этому детей.

В настоящее время широко распространена практика, при которой в учебном заведении медиаобразовательная работа ведется на этапе подготовки школьного издания, в самой же газете медиаобразовательные элементы отсутствуют (как, например, в липецком лицее № 44, где медиаобразованию лицеистов придается очень большое значение, но сама ученическая газета «Диалог» ничем не отличается от сотен аналогичных ученических изданий и не несет медиаобразовательной нагрузки). В 2006 году при факультете журналистики Белгородского государственного университета открылась областная Школа юных журналистов, а вслед за этим появилась межшкольная газета «Юнкор», в которой публикуются лучшие работы слушателей Школы. Редколлегию возглавили студенты журфака, а весь процесс – начиная от создания журналистских произведений и заканчивая тиражированием издания, – выполняют ученики школ, лицеев и гимназий Белгородской области и студенты журфака.

Учащийся вполне может научиться идентифицировать разнообразные источники информации для СМИ: пресс-службу той или иной организации, сотрудников редакции, административные и властные структуры и т.д. У этих источников разные интересы, они по-разному освещают одно и то же событие, проблему, и ребенку вполне под силу сделать вывод том, с какой целью тот или иной автор публикует медиатекст – или любым другим способом делает его достоянием широкой аудитории. Выполняя задачи развития критического мышления, школьная газета может публиковать критические разборы, рецензии на различные медиатексты – например, разобрать фильм, статью и т.д. При этом нелишне объяснить читателю, что всегда нужно думать над тем, что он смотрит, читает или слушает, стремиться дать оценку прочитанному, увиденному и услышанному.

Юнкоровская деятельность попала в ранг допрофессиональной ориентации и социализации подростков. Это не только развитие коммуникационных навыков и умение писать, но и вполне конкретное ремесло – верстка и дизайн полиграфической продукции – профессии, которым практически нигде не учат, но которые стали широко востребованы на рынке труда. В результате – много самоучек без специальных знаний и низкое полиграфическое исполнение большого количества изданий [Бондаренко 2007, с. 11].

«Официальные» детские издания привлекают своими материалами не только юную аудиторию, педагогов, но и специалистов всероссийского (регионального) масштаба, публикуют материалы, являющиеся образцом критического анализа массмедиа. Главное их достоинство, помимо качественного профессионального уровня, – большой охват аудитории, нежели у самостоятельных изданий. Но «официальные» детские газеты и журналы, как правило, слишком далеки от своей аудитории. И медиаобразовательные задачи они могут выполнять именно с учетом этой своей специфики. Например, задействовать такое свойство СМИ, как интерактивность – отвечать на вопросы читателей, рецензировать материалы, что способствует повышению уровня медиакомпетентности читателей. Либо использовать возможность широкого тиражирования методических рекомендаций для педагогов, родителей. Очень хороший пример в этом подает липецкая областная детская газета «Золотой ключик», регулярно издающая методические рекомендации в виде брошюр-спецвыпусков («Полезные советы взрослым друзьям газеты» и другие). Регулярно на страницах газеты рассказывается о школьных и межшкольных газетах Липецкой области. При редакции организована школа юных журналистов, в которой занимаются ребята разных возрастов. Другой вариант заочного массового медиаобразования представлен издающимся в Харькове детским толстым журналом «Ухтышка!». Здесь регулярно выходит рубрика «Школа журналистики», на страницах журнала публикуются творческие задания и лучшие работы ребят. Однако и этот вариант нельзя признать идеальным: в журнале не ведется критический разбор выполненных заданий, ребятам не указывают ни на допущенные ошибки, ни на достоинства их произведений. Для юного читателя существует один критерий: если напечатали – значит справился с заданием хорошо, не напечатали – написал неважно. Никаких комментариев, оценок, дополнений к медиатекстам, созданным детьми, не дается, несмотря на то, что

заявленное название рубрики – «Школа журналистики» – предполагает именно обучение азам создания журналистских произведений.

Медиаобразование способно не только вырабатывать у аудитории культуру рационального освоения медийного содержания, но и «развивать социальную активность граждан в их отношениях со СМИ, помочь сформировать информационную культуру нации» [Павлова 2007, с. 136]. Только систематическая работа – путем организации кружков, факультативов, детских медиаобъединений, введения регулярных медиаобразовательных рубрик, обучения медиаграмотности, в первую очередь учителей и организаторов школьной прессы, – может привести к положительному результату.

Литература

Бондаренко Ю.В. Современная школьная самодеятельная пресса Самарской области: тенденции развития. – Воронеж, 2007.

Короченский А.П. Медиаобразовательный потенциал журналистики // Медиаобразование: от теории к практике. – Томск, 2007.

Павлова Е.Д. Медиаобразование как способ формирования национальной информационной культуры // Приоритетные национальные проекты: первые итоги и перспективы реализации. – М., 2007.

Рекомендации Севильской конференции «Медиаобразование молодежи», адресованные ЮНЕСКО // Севилья, 15–16 февраля, 2002: [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://www.unesco.ru/rus/pages/bythemes/stasya26012005152727.php>

Федоров А.В. Медиаобразование будущих педагогов. – Таганрог, 2005.

Федоров А.В. Развитие критического мышления в медиаобразовании: основные понятия // Инновации в образовании. – 2007. – № 4.

Федоров А.В. Медиаобразование: творческие задания для студентов и школьников // Инновации в образовании. – 2006. – № 4.

Школьник А.Я. Детская самодеятельная пресса как фактор социального воспитания подростков: дис. ... канд. пед. наук. – Кострома, 1999.

Paris Agenda or 12 recommendations for Media Education//Paris, UNESCO, 21–22 June 2007: [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/pr/2007/070625ba.pdf>

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

Филологическое знание как организующий центр профессионального творчества

Современная коммуникативная ситуация отмечена принципиально новым взглядом на окружающий мир, восприятие которого характеризуется наличием целостных образов, непосредственно воздействующих на чувства. Социум обращен к новому типу культуры – **визуальной**, когда в передаче информации активнее, чем раньше, участвуют невербальные средства.

Обратимся к явлению взаимодействия разных типов коммуникации в рамках профессионального коммуникативного пространства. Интерес к исследованию новых коммуникативных объектов, отличных по своим свойствам от естественного языка, проявляется активно (политика, экономика, религия, гендер и т.д.) и открывает новые возможности в постижении естественного языка.

Известный теоретик зрительной коммуникации А. Бергер говорит: *«Визуальная коммуникация играет важную роль в жизни каждого человека: все мы, потребители визуальной продукции, смотрим телевизор, читаем газеты, журналы и книги, ходим в кино. Мы живем в “информационном” обществе, где получаемая информация имеет преимущественно визуальный характер. Очень важно, чтобы каждый из нас понимал, какое воздействие оказывают визуальные образы на человека и как научиться “читать” и интерпретировать различные их формы»* [Бергер 2005, с. 13–14].

Согласно теории Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова [1990], развитой Е.Е. Анисимовой [1996], сообщение, заключенное в тексте, может быть представлено вербально (словесный текст) или иконически, то есть изобразительно. Сочетание вербальных и невербальных, изобразительных, средств передачи информации образует креолизованный (смешанного типа) текст.

Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект. Иконический компонент текста может быть представлен иллюстрациями (фотографиями, рисунками), схемами, таблицами, символическими изображениями, формулами и т.п. Вербальные и изобразительные компоненты связаны

на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне. Предпочтение того или иного типа связи определяется коммуникативным заданием и функциональным назначением креолизованного текста в целом. Более того, вербальный текст в таких случаях становится лишь связующим и вводящим звеном, составляет своеобразную рамку, «упаковочный материал», по терминологии А. Бергера.

Сложные соотношения частей неординарной семиотической природы могут быть классифицированы. Типичный пример креолизованного текста – реклама, именно ее исследователи обращают внимание на распределение информации в разнознаковых частях произведения. Так, Л. Геращенко предлагает классификацию типов соотношения слова и изображения в рекламе. Х. Кафтанджиев рассматривает свойства креолизованного произведения на основе характеристики элементов коммуникативно-речевой ситуации.

Креолизованные тексты рассматриваются и другими исследователями-лингвистами (Ю.А. Чудакова). Наиболее важно при их анализе понять, как распределяется информация между коммуникативными сферами.

В известных работах Ю. Лотмана, У. Эко, Р. Барта отмечается, что в визуальных информационных сообщениях, коммуникациях нельзя вычлнить дискретные смыслообразующие элементы. Их компоненты ничего не значат сами по себе, а проявляются лишь в контексте целого произведения в процессе формирования смысла, путем наложения межтекстовых ассоциаций.

Сегодня когнитивная лингвистика основное внимание уделяет изучению того, как складывается наивная картина мира в процессе познавательной деятельности человека. Важным положением является известное замечание Б.А. Серебrenникова о том, что *«картина мира запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира»*. Не отражение, а отображение мира через призму собственного сознания – такова основа формирования любого концепта как результата когнитивного процесса. Так, освоенный на разных уровнях мир концептов-артефактов «дом», «колокол» и др. входит в ядро языкового сознания у русских. Дом – это организующий центр мира в русской культуре и «первая вселенная» человека. Вспомним также популярный недавно политический лозунг *«Наш дом – Россия»*.

Думается, что сегодня немаловажное значение в русском языковом сознании отводится и такому понятию, как «город». Дело в том, что современная цивилизация – это городская цивилизация, место обитания человека становится все более объемным, абстрактным и не ограничивается рамками дома. Замещение в языковом сознании лексемой «город» в разнообразных сочетаниях и смысловых сопровождениях номинаций новых реалий становится стереотипизированным явлением. Примеров такого замещения в дискурсе, тексте достаточно: это и названия современных рекламных газет и журналов (*«Город мебели»*, *«Большой город»*, *«Город возможностей»*, *«Город света и тепла»*,

«Путеводитель по городу соблазнов», «Нано-город»), и политизированные названия-лозунги типа «*Наш дом – наш город*».

Формирование концепта «город» происходит исторически закономерно. Город как текст, город как метафора, город как средоточие коммуникаций – эти элементы концептуального пространства стали объектами исследования не только лингвистов. Интересен и необходим шаг в направлении архитектуры: концепт «город» и его отображение в целостной картине мира профессионалов-архитекторов. Образ города, создаваемый и воспроизводимый в процессе архитектурного творчества, основан на изображении. Воплощение визуальной информации и сама форма обмена информацией обязательно вербализуются на уровне коллективного сознания. Если рассматривать архитектуру как сферу искусства, то «*соучастие воспринимающего в творческом процессе автора*», как отмечал Д.С. Лихачев, здесь наиболее активно, поскольку авторское представление о создаваемом им архитектурном объекте многократно интерпретируется в сознании и профессионалов, и обывателей – жителей города. В результате создается сложная семиотическая конструкция, позволяющая рассматривать городское пространство как совокупность элементов – архитектурных объектов: зданий, комплексов, ансамблей. Осознание целостности этого пространства и лежит в основе формирования концепта-артефакта «город».

Согласно современным культурологическим представлениям, исходящим из теории Ю.М. Лотмана, поддержанной В.Н. Топоровым, город рассматривается авторами как гипертекст, включающий совокупность артефактов, зафиксированных в определенное время и на определенном пространстве и описанных разными способами и с использованием разных семиотических кодов.

Город относится к объектам со сложной внутренней структурой, состоящей из ряда разнородных элементов. Учитывая специфику текста «Город» и его текстового пространства, мы предлагаем реализовать особый подход к рассмотрению феномена – филологический, детерминирующий вербальный компонент как основной языковой конструкт на пути к фактору целостности объекта-текста. Филологический подход к проблеме дает возможность на основе учета лингвопрагматических установок объединить в одно целое исследования разных научных областей.

Представление концепта «город» предполагает обращение к различным аспектам его существования в общественном сознании: собственно когнитивный, семиологический, культурологический, ментальный, космологический, коммуникативный.

Главный, основной подход к заявленной теме – это рассмотрение явления, факта города как текста в широком смысле. Теоретическое осознание данного феномена связано с именами Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова, которые в своих статьях о Петербурге в сборнике «Труды по знаковым системам» рассматривали город, «с одной стороны, как текст, а с другой, как механизм порождения текстов» [Лотман 184, с. 3]. Данные работы стали методологиче-

ским стержнем нашего исследования. Методику реализации концептуальной «программы» предопределили работы Ю.С. Степанова, В.А. Масловой, Р.М. Фрумкиной и других известных лингвистов.

Итак, декларируемый нами филологический подход к исследованию феномена «Город» помогает вскрыть ресурсы использования межпредметных связей коммуникативистики, лингвопрагматики и естественнонаучных отраслей знания.

В настоящее время идет работа над текстом коллективной монографии, в которой предполагается реализация данной идеи. Рабочее название будущей коллективной монографии – «**Город-текст как средоточие коммуникаций: рефлексия по поводу города**».

Необходимым считаем подчеркнуть, что авторами монографии и соавторами отдельных разделов будут архитекторы-профессионалы, магистры архитектуры, ученые-лингвисты, специалисты в области коммуникативистики. В описании структуры будущей монографии использовано ключевое понятие «ГОРОД» и относящиеся к нему признаки и реалии.

Вводная часть будущей монографии планируется как пространный фрагмент, в котором постулируется понятие «города как текста», исходя из известных теоретических постулатов.

Раздел 1 объединит в себе работы, характеризующие разные коммуникативные сферы города. Городская среда представляется средоточием коммуникативно-информационных блоков: политических, экономических, профессиональных, бытовых, социальных, конфессиональных, научных, межкультурных. Значимы разные направления взаимосвязей в системе «*город – человек*». Роль архитектуры рассматривается на фоне жизни общества: архитектура и социум; архитектура и политика; архитектура и религия; архитектура и власть; архитектура и туризм; архитектура и сфера развлечений. Иначе говоря, город предстает как совокупность нескольких начал: социального, мировоззренческого, образного.

Раздел 2. Любой город существует во времени и пространстве. Значительное место займет раздел монографии о городе как историческом объекте, с точки зрения его временных характеристик: его прошлого, настоящего, будущего. Имеющиеся материалы специфических архитектурных исследований лягут в широкий контекст истории города, его «сегодня», перспектив его развития. *«Рассмотрение Города, включенного в историю цивилизации как текста sui generis, естественно. Более того, именно на объекте такого рода некоторые черты текста выделяются наиболее наглядно. К ним можно отнести кодовую гетерогенность – непремennую зашифрованность несколькими кодами, семиотическую неоднородность субтекстов, противоречиво стремящихся образовать единый текст. Наглядно выступает также свойство текста накапливать и постоянно регенерировать свою историю»*, – отмечал Ю.М. Лотман [Лотман 1984, с. 3].

Значительное внимание будет уделено городу в будущем, вопросам реабилитации малых промышленных городов и других поселений; проблемам реставрации и реабилитации доминантных точек – наиболее значимых с культурологической точки зрения архитектурных объектов. *«Включение» этих точек в кодовую систему (систему коммуникационных знаков)* позволяет, по словам К. Линча, автора книги «Образ города», *читать* город как текст [Линч 1982, с. 16–19]. Мы обобщаем знания о городе как индустриальном объекте, а также как гуманистической реалии в филологических (лингвистических) рамках.

Город живет в пространстве. В данной части раздела монографии мы опираемся на теоретические выкладки В.Н. Топорова, который постулирует *«пространство как текст, как сообщение»*. Исследователь говорит о так называемом *«пространстве созерцания, то есть той категории содержания сознания, которая выступает как эквивалент реального пространства в непространственном сознании и имеет непосредственное отношение к пониманию и интерпретации текста»* [Топоров 1984; Топоров 1997, с. 456]. Город может существовать в виртуальном (как проектируемый объект, в чертежах, изображениях) и реальном (как видимые, построенные дома и другие части города) пространстве. Например, предполагается включение в монографию исследования так называемого *«Духа места»*, определяющего связь пространственных архитектурных реалий с культурно-исторической средой. Планируется работа по описанию одного из стилистических приемов *повтора* (повтор контура ландшафта в архитектурных объектах).

Раздел 3. Посвящен авторским эскизам. Это могут быть эссе, зарисовки, наблюдения. Профессионалы-архитекторы, а также будущие архитекторы предлагают свое видение города и городской среды. При этом выявляется специфика восприятия ими действительности и ее интерпретации. Формирование концептуального пространства вокруг лексемы «город» во многом опирается на сложившийся стереотипический момент, который часто «программирует» восприятие. Смысловая интерпретация объекта определяет эмоциональную реакцию на него, реализуемую в отрицательных словарных метафорах-дефинициях, например, дом – коробка, дом – чемодан (Д.С. Лихачев). Так, Д.С. Лихачев сокрушается: *«Принято называть современные дома “коробками”. Это неправильно – они чемоданы, старинного скучного фасона, все одинаковые. Большие носильщики – архитекторы <...> Архитектура сейчас онемела, не имеет своего языка. Вокзал может быть выстроен как крытый рынок, крытый рынок как цирк, дворец как один из корпусов завода Форда и т.д.»* Для нас в этом интерпретационном фрагменте важен рефлексивный мотив, создающий почву для диалога – диалога времен, пространств, позиций. Это важный для семиотики искусства принцип: художественное произведение невозможно без художественной рефлексии, то есть без метасемантического сознания. Концептуальное «осознание» реалии «город» происходит только в условиях рефлексивного коллективного процесса. *«Образ Петербурга создавали не только архитекторы и его население. Его создавали поэты и писате-*

ли: Пушкин, Достоевский, Ахматова, художники – Махаев, Мартынов, Остроумова-Лебедева, Бенуа, Добужинский, а также Анциферов, В.Я. Курбатов и многие другие», – писал академик Д.С. Лихачев [Лихачев 1996]. Сам Д.С. Лихачев посвятил многочисленные выступления и статьи историческому и современному архитектурному облику Петербурга и других городов. Его роль в создании концепта «город», закреплении его в обыденном и научном сознании чрезвычайно велика.

Итак, данный раздел представляет результаты авторских интерпретаций города, когда текст принадлежит архитектору-критику, эссеисту, автору, работающему в других жанрах. Обращается внимание на особый способ восприятия жизни специалистом-архитектором – ее *визуализация*.

Раздел 4. Город как знак (семиотика города). *«Петербург имеет свой язык. Он говорит нам своими улицами, площадями, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструируема определенная система знаков, реконструируемая в тексте»,* – пишет В.Н. Топоров [Топоров 1984, с. 13], см. также: [Лотман 1984, с. 3]. Рассматриваются различные семиотические типы оформления информации о городе, вербальные / невербальные произведения. Архитектура – это традиционно пластическое конвенциональное (то есть условное, абстрактное) искусство; это зона *«повышенной семиотичности»* (Н.Б. Мечковская). Знаковый характер архитектурного объекта в реалии современной жизни безусловно признан и должен быть исследован.

В разделе 5 представлен Город-образ как объект эмоционального восприятия, как город – метафора, олицетворенный в различных текстах. Здесь предполагается собрать произведения, в которых осуществляется образная подача города – территории существования человека. Именно метафорическая сторона коммуникативного процесса позволяет генерировать у воспринимающего коммуниканта свой собственный смысл, часто не совпадающий со смыслом коммуниканта-автора, но формирующий картину мира на основе физической (в данном случае графической) заданности знака. Визуальная пространственно-временная форма языкового знака стимулирует мыслительные процессы, выстраивая в сознании воспринимающего новый образ как итог его когнитивной деятельности. Игра как прием создания образа активно использована в самом архитектурном творчестве и охватывает его периферийное интерпретационное пространство. Основной выразительный прием, используемый авторами, – когнитивная метафора, основанная на ассоциативном сравнении, эмпирическом сознании.

Как представляется авторам, структура будущей работы изоморфна структуре коммуникативно-речевой ситуации. Как итог предварительного рассмотрения, предложена модель гипертекста, части которого связаны идеей города. Условно могут быть обозначены следующие элементы:

Город – человек – коммуникации (какие? что?): профессиональные, бытовые, социальные, научные и др.;

город существует (где?): во времени, пространстве (виртуальном и реальном);

город описывается (кем?): особенности восприятия архитектора-профессионала, архитектора-критика, эссеиста и др.;

город существует как знак (семиотика города);

город как образ, объект эмоционального восприятия, город – когнитивная метафора.

Таким образом, общность творческого замысла гипертекстового описания понятия «город» как семиотического феномена приобретает целостный характер благодаря филологическому подходу. Коммуникативно-деятельностный характер исследования потребовал от разработчиков идеи включения многообразных форм работы. В качестве авторов принимают активное участие специалисты-архитекторы, занимающиеся проблемами городских пространств, городскими ансамблями, реабилитацией архитектурных объектов, взаимодействием с окружающей средой, а также специалисты по архитектурной критике, семиотике архитектуры. В монографии будет учтен и такой способ представления архитектурной среды, как математический. Но общая атмосфера монографии будет создана за счет **филологических штудий**, выражающих идею объединения. Предполагается, что структура работы будет отражать гипертекстовый состав разнознакового концепта «город». Таким образом, профессиональная коммуникативная система архитектора-творца представлена всеми известными видами коммуникации, но определяющую роль в ней играет оппозиция «речевое-неречевое» общение как способ передачи информации.

Данный способ формирования и передачи информации мы определяем как «стилевую креолизацию», понимая под этим использование разнознаковых систем и кодов для построения авторской концепции. Так, например, для передачи таких абстрактных понятий, как ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ЭВОЛЮЦИЯ, СРЕДА и т.д. могут быть использованы графики, схемы, клаузуры, макеты. Стилевая креолизация проявляется как в процессе обучения будущих архитекторов (магистров архитектуры), так и при создании научных произведений. Эстетико-методологической основой этого является способность к метафоризации сознания профессиональной личности и, как следствие, метафоризация общественного сознания.

Кроме того, исследуются мотивационные характеристики личности архитектора как факторы, формирующие его профессионально-коммуникативный облик. На основе анализа внутренних анкетных данных мы делаем заключения о важности профессиональной ориентации студента и магистранта как мотивации будущих действий в архитектурной среде. Профессиональная мотивация рассматривается как сильный фактор выбора пути. Отмечается широта профессиональной ориентации на гуманитарном поле не только узких

специалистов, но и работников разных сфер культуры вообще. Это не только архитектура, но и вся область зодчества, графики, дизайна. В этом заключено своеобразие профессиональной личности архитектора, его коммуникативного облика.

Проблемы окружающего мира обсуждаются не сами по себе, а в широком смысле, через преломление в архитектуре. Знание о городе в любом его проявлении ценно для архитектора. Город – это не просто территория жизни социума, это и коммуникативно-социальный объект. Восприятие городского пространства не укладывается в систему современных представлений о городе только как о месте проживания. Для современного горожанина это сцена, на которой разворачивается, согласно постмодернистским представлениям, «драма» его жизни, происходят многообразные действия, события, формирующие концептуальную картину мира.

Многообразие и разноплановость идей и их воплощений, отсутствие стилового единства иногда затрудняют восприятие архитектурных сооружений сегодня. Но концепт «город» сложен и многогранен и требует дальнейшей разработки во всех измерениях. Город выступает как метафорическое воплощение всего многообразия концептуальных элементов: человек – дом – природа – социум.

Литература

Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. – 1996. – № 5.

Бергер А. Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. – М., 2005.

Линч К. Образ города. – М., 1982.

Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1996.

Лихачев Д.С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. – М., 2006.

Лотман Ю.М. От редакции // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. 18.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.

Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. 18.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. – М., 1997.

И.М. Волчкова, Э.А. Лазарева

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на книгу:

**Семькина Р.С.-И. О «соприкосновении мирам иным»:
Ф.М. Достоевский и Ю.В. Мамлеев. – Барнаул: БГПУ, 2007. – 241 с.**

Монография Р.С.-И. Семькиной, изданная в 2007 году (науч. ред. Г.К. Щенников, рецензент В.Н. Захаров), демонстрирует подход к творчеству русских писателей-метафизиков Ф.М. Достоевского и Ю.В. Мамлеева в диалоге мотивов. Двухчастная структура работы отражает концептуальный взгляд автора на «метафизическую составляющую» художественного мира Ф.М. Достоевского и Ю.В. Мамлеева. Поступательная логика исследования базируется на смыслообразующих аспектах: «образ метафизики» – «метафизические встречи» – «метафизические путешествия».

В первой главе исследования автор сосредоточен на механизме выявления «онтологических возможностей» текста с выходом на проблемы персонального мифа Достоевского и Мамлеева, основываясь на материалах историко-литературного, биографического, общекультурного характера. Основным акцентным полем авторской рефлексии становится вопрос о специфике художественного метода Ю.В. Мамлеева, анализируемый как в связи с существующей сегодня философской и литературоведческой традициями, так и в режиме авторской гипотезы.

Весьма содержательным является контекст автокомментария, введенный Р.С.-И. Семькиной в свое исследование, в связи с чем достигается убедительная органика философско-эстетического плана мамлеевского текста и его поэтики. Полемический аспект исследования выгодно соотносен со стилевым компонентом данной монографии. Р.С.-И. Семькина не только осваивает тексты Мамлеева в формате диалога с Достоевским, но и выходит в широчайший культурно-художественный контекст.

С особым изяществом осуществлена интерпретация текстов Ю.В. Мамлеева во второй главе исследования. Автор монографии сосредоточен на знаковых мотивных системах писателя-метафизика. Семиотический и интертекстуальный характер данного анализа подготавливает весьма убедительные вы-

воды о качественных доминантах поэтики Мамлеева как на уровне художественного мира «великого мистика», так и на уровне художественного текста. Сюжетная составляющая его писания и персонажный ряд его произведений анализируются автором монографии с выходом в мифологический подтекст мотива Пути (инвариантными формами которого становятся мотивы превращения, встречи, путешествия), универсального для русской литературы. «Погруженность в тайну трансцендентного» становится основной стилиевой краской исследования Р.С-И. Семькиной и весьма точным и адекватным отражением мамлеевского «трансцендентного зеркала».

Метамотив творчества Ю.В. Мамлеева – мотив смерти – подвергается предметному анализу в цикле «Кладбищенских фантазий». Кладбище как «амбивалентный биотоп, модус «жизнеспирити» Достоевского и Мамлеева в интерпретации автора монографии приобретает не нисходящую, а скорее «возводительную» семантику, что весьма убедительно завершает исследовательскую концепцию, восстанавливающую «горные интуиции» художнического поиска великих мыслителей – «через прах земной». Соотнесение произведений Ю. Мамлеева с творчеством Ф.М. Достоевского открывает общее и различное в метафизических устремлениях писателей.

Приложения к основному тексту монографии – фрагменты писем Ю.В. Мамлеева – содержат уникальную информацию о специфике творческого видения писателя и осознания им «метафизических реалий».

В результате эзотерическая метафорика Ю.В. Мамлеева, как, впрочем, и скрытая природа метода Ф.М. Достоевского, открываются еще одной новой гранью, а исследование Р.С-И. Семькиной оказывается бесспорно актуальным и оригинальным исследованием, ориентированным на плодотворное осмысление констант нашей культуры и литературы.

Монография представляет безусловный научный интерес и будет востребована широкой филологической аудиторией.

Н.И. Завгородняя

ФИЛОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ

Мы заканчиваем публикацию ответов на вопросы анкеты, предложенной читателям журнала в третьем номере за 2007 год (часть ответов была опубликована в № 4 за 2007 и № 1, № 2 за 2008):

1. Известно, что ситуация в современной филологии оценивается далеко не однозначно: филология предстает то как «содружество... гуманитарных дисциплин..., изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» (С.С. Аверинцев), то как «брачный союз» литературоведения и языкознания (Ю.В. Рождественский) или как сугубо номинационное единство, существующее в наименовании одной из отраслей гуманитарных наук и одного из направлений (одной из специальностей) высшего профессионального образования... *Каково, на Ваш взгляд, значение углубляющегося антропоцентризма филологических наук для развития филологии? Как меняется (если меняется) статус и влияние филологии в системе наук? в обществе?*

2. *Какие события в мире языка и литературы наиболее значимы для освоения филологическими науками человека?*

3. На III Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 года) декан филологического факультета профессор М.Л. Ремнева с обеспокоенностью говорила об общем ухудшении речевой культуры. *В чем Вы видите роль филологических наук и образования в повышении речевой культуры российского общества? отдельного человека?*

4. Какое место занимает проблема человека в Вашем научном творчестве?

Ниже дается обзор ответов, полученных от профессора Ю.Я. Бурмистровича (Абакан), профессора А.П. Майорова (Улан-Удэ), профессора В.М. Хамагановой (Улан-Удэ) и группы студентов 5 курса историко-филологического факультета Благовещенского государственного педагогического университета (заведующий кафедрой доцент З.И. Слыхова): Я. Баженовой, Е. Грачевой, И. Зелепукиной, В. Карагодиной, И. Карнауховой, С. Оробий, И. Самусенко, О. Филитовой.

1. Ситуация в современной филологии.

Современная филология развивается под знаком антропоцентризма, – таково суждение большинства ответивших на первый вопрос. Идею антропоцентризма как основы филологии на материале языкознания *А.П. Майоров* усматривает в самом слове-термине «филология»: «Его внутренняя форма – ‘любовь к слову’ – подразумевает субъекта действия – человека, который проявляет эту любовь. Изначально в соответствии со значением греческого слова-первоисточника *φιλολογία* «любовь к ученым беседам, к ученым занятиям; учено-литературная деятельность» предмет филологии понимался широко, но в основе лежал образ человека, его познавательная деятельность». Обращение современной филологии к антропоцентризму все авторы признают закономерным. Однако смысл и значение антропоцентризма, например, в языкознании видится по-разному. *А.П. Майоров*: «чтобы принять участие в разработке злободневной темы “Современный человек во всем его многообразии”»; *В.М. Хамаганова*: «познать человека самого себя, когнитивные механизмы сознания, свойства мыслительной деятельности»; *С. Оробий*: понять такие грани языка, рассмотрение которых находится за пределами традиции: «язык – это еще и связь с человеческим бессознательным»; «Мы не знаем <...> куда язык заведет нас»; *Ю.Я. Бурмистрович*: быть «помощником» всех других языкознаний, обогащая их.

Оценка ситуации в филологии проецируется на филологическое образование. *О. Филитова*: «А теперь – вспомним учебник по современному русскому литературному языку. Фонетика, графика, орфография. Словообразование, морфология. Синтаксис и пунктуация. Свод правил и норм... А где же: “Все в человеке, все для человека”? Есть! ... Но мало... Когнитивная лингвистика, этно- и психолингвистика, линвокультурология. Пока мало. Ведь все только начинается. Но как это прекрасно!». Ей вторит *Е. Грачева*: «филология, которую мы раньше связывали только с языком и его развитием, связана и с человеком, и с его развитием».

Значимость филологии в современном мире, по мнению приславших ответы, различается в зависимости от страны. *Ю.Я. Бурмистрович* пишет о России: «Что касается изменения статуса и особой влиятельности филологии в системе наук и тем более в обществе, то я какого-то особого изменения этого статуса и

этой влиятельности, да еще и в лучшую сторону, не вижу». Ср. оценку *А.П. Майоровым* ситуации в других странах: «Для многих зарубежных стран характерно, например, выделение значительных средств на изучение исчезающих языков, исследование языка и культуры малых народов». Большинство авторов сходится в том, что филология имеет хорошие перспективы, и связывает их с антропоцентричностью филологических наук. *О. Филитова*: «Филология “с человеческим лицом” изменит весь мир».

2. *События в мире языка и литературы и освоение филологией человека.*

Ответы на второй вопрос анкеты диаметрально противоположны по своему содержанию. Ср.: *Ю.Я. Бурмистрович*: «Каких-то событий в мире языка и тем более в мире литературы, которые были бы значимы для филологических наук в плане особого освоения ими не языка и литературы, а человека – я сегодня не вижу»; *В.М. Хамаганова*: «Значимыми событиями в мире языка для освоения человека мыслящего считаю любой речевой акт, любой текст как процесс речетворчества».

Правда, есть еще и третья, в известном смысле компромиссная, позиция. Она сформулирована *Т. Зелепукиной*, указавшей и акты создания писателями, поэтами и критиками новых произведений, и факты культурно-исторической памяти социума, вобравшей в себя память о юбилеях писателей, о крупных исторических событиях (войнах, революциях, великих открытиях и др.), и «филологические» праздники, и др., – словом, все то, что выступает «вечным двигателем» интереса филологических наук к человеку. Важно отметить, что *Т. Зелепукина* не разделяет авторов на «значительных» и «незначительных». По ее мнению, для филологии существенны любые произведения, независимо от того, станут ли они общепризнанными во всем мире или останутся известны лишь небольшой читательской аудитории. (В связи с этим вспоминается следующее суждение *Г.О. Винокура*: «**Все** (выделено мной. – *А.Ч.*) написанное, напечатанное, сказанное есть предмет филологического комментария».) *А.П. Майоров* отмечает еще одно обстоятельство: взаимодействие культур и языков, которое получило новый импульс в связи с новым витком модернизации общественной жизни в XX веке и связанным с ним процессом все более масштабной интеграции – формированием крупных межгосударственных и трансэтнических функциональных систем в экономической, политической, культурной и других сферах.

3. *Филология – образование – речевая культура.*

Полученные ответы представляют широкий спектр мнений по существу проблемы. *И. Карагодина*: «Бесспорно, роль филологических наук и образования огромна в повышении языковой культуры не только отдельного человека, но и всего общества в целом»; *Ю.Я. Бурмистрович*: «Филологические науки и образование в целом, конечно, могут кое-что сделать в повышении речевой культуры российского общества»; *И. Карнахова*: «Филологические науки не

могут повысить речевую культуру российского общества, но расширить знания, обогатить словарный запас могут».

Главный вопрос, который обсуждается нашими информантами – что делать? Представляется симптоматичным преодоление знаниецентризма как единственной методологии решения проблемы повышения речевой культуры. Эту позицию четко выразил *Ю.Я. Бурмистрович*: «По моему глубокому убеждению, речевая культура людей станет повышаться не столько оттого, что люди станут зазубривать правила правильного произношения и правильного построения предложений (хотя это, конечно, и немаловажно) <...> (здесь позволю себе прервать автора, чтобы ниже привести вторую часть его суждения. – *А.Ч.*)». Решение проблемы видится в другом: в разработке путей ее решения, адекватных современному уровню филологии. *В.М. Хамаганова*: «Повышение речевой культуры российского общества и его отдельного представителя может осуществляться только при усилении гуманитарного аспекта образования и воспитания. Это глобальная проблема современности». Если обратиться к филологическому инструментарию, то центральное место в нем занимает языковая, речевая, коммуникативная компетенция (*В.М. Хамаганова*); анализ прочитанного и услышанного, так как «вслед за этим (носители языка. – *А.Ч.*) станут рассуждать и в результате этих рассуждений обосновывать то, что говорят и пишут сами (неправильными, неграмотными фразами ничего не обоснуешь)» (*В.Я. Бурмистрович*); «умение опознавать, анализировать, сопоставлять, классифицировать языковые факты, оценивать их с точки зрения нормативности, соответствия ситуации, сфере общения; умение работать с текстом, осуществлять информационный поиск, извлекать и преобразовывать необходимую информацию» (*Я. Баженова*). Общей для наших информантов является мысль о новых формах, новых методиках решения проблемы. Вместе с тем, например, *Ю.Я. Бурмистрович* подчеркивает, что проблема речевой культуры не может быть решена вне фундаментальности филологического образования, в том числе и в сфере таких дисциплин, как культура речи и риторика.

4. Проблема человека в научном творчестве участников опроса.

Ю.Я. Бурмистрович привлекает внимание читателей журнала к своим работам в области истории языкознания: «Найти пропавший век!: Очерки по истории славянского исторического языкознания» (2006), «Теория группофонем В.К. Журавлева» (2007), «Важнейшие концепции современной русистики» (в рукописи), – в которых авторы концепций предстают как люди творческие. *В.М. Хамаганова* отмечает, что исследование текста типа «описание» позволило установить, что при восприятии свойств физического пространства и их вербализации осуществляется связь мыслительной деятельности человека о пространстве и языковых средств, выработанных носителями языка, в виде модели текста типа «описание».

...Редакция завершает публикацию материалов, связанных с поставленными в анкете вопросами. Эти материалы демонстрируют некоторые общие тенденции, существующие в современных филологических науках.

Имеется в виду признание фундаментальной значимости языка – для человека «вообще» и для человека «филологического». Напомню уже приводившееся мною суждение Н. Хомского: «Есть несколько причин, по которым язык есть и будет особо важен для изучения природы человека. Одна – та, что язык является подлинным свойством человека как вида, присущим в своих основных чертах только человеческим существам <...> Далее, язык *решающим* (выделено мною. – А.Ч.) образом участвует в мысли, действии и социальных отношениях. Наконец, язык сравнительно доступен для изучения».

Отмечу еще одну тенденцию: многообразие и разнонаправленность представлений о теме «филология и человек». Это свидетельствует о ее значимости для филологов – в плане исследований и, что существенно контексте проблематики анкеты, внутрифилологической рефлексии.

Поэтому представляется целесообразным продолжить обсуждение ключевых проблем современной филологии, например, в процессе Интернет-конференции с последующей публикацией ее материалов в журнале.

Редакция благодарит всех принявших участие в анкетировании.

Обзор подготовил А.А. Чувакин

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Ю.В. Трубникова. Детерминированность формально-семантических связей текста в коммуникативном аспекте. В статье рассмотрены коммуникативные свойства формально-семантических связей единиц текста, определяющих систему его смыслов и являющихся основанием его восприятия. Анализ вторичных текстов показывает, что характер деривации этой структуры зависит от типа и степени выраженности синтаксических отношений в структуре первичного текста.

U.V. Trubnikova. Determination of Text's Formal and Semantic Connections in Communicational Aspect. The subject of the report is the problem of communicative qualities of derivational structures, that determine the sense of the whole text and perception of this text by listener or reader. Our tests prove the idea that peculiarities of derivation of this structure depend on the type of syntactic relations in the text.

И.Г. Шестакова. Адресованность как категориальный признак текста научно-технической рекламы (на материале английского и русского языков). В статье выявляется, какими способами и с помощью каких лингвистических и паралингвистических средств автор текстов научно-технической рекламы манипулирует сознанием адресата.

I.G. Shestakova. Address as Categorical Indication of Technical Scientific Text (in English and Russian Advertisement). The article reveals in what ways and with the help of what linguistic and paralinguistic means the addresser of science and technique advertisement manipulates the addressee's conscious.

И.А. Нагорный. Субъектная перспектива односоставных предложений с предположительными частицами. В статье рассматривается функционально-семантический статус предположительных частиц. Объясняется сфера действия модально-персуазивных ограничений в субъектной перспективе предложений.

I.A. Nagorny. Subject Structure of One Word Sentencies with Supposition Particles. The report explains the functional and semantic status of the supposition particles. We explain the sphere action of modal-persuasive qualification in subject structure of the sentence.

Н.К. Данилова. Жилище в системе традиционного мировосприятия народа Саха. В данной статье на примере якутской культуры рассматривается жилище как знаковый феномен. Жилище, обладая преимущественно утилитарными функциями, является не только вещью, но и знаком, несущим в себе определенную символическую нагрузку. Таким образом, жилище выступает как максимально освоенное «домашнее пространство», несущее в себе определенную смысловую нагрузку.

N.K. Danilova. Home in Traditional Perception of Sakha people. Symbolic aspects of home organization and mythical ritual traditions of the Sakha people are considered in the article. Special attention is paid to its sacred center – the hearth. Home is a model of space according to mythological ideas.

Н.Ю. Абузова. Календарная лирика поэтов «сумароковской школы». Творчество поэтов-«сумароковцев» рассматривается с точки зрения поэтической динамики лирического пейзажа в рамках классицистического мирообраза. В статье исследованы новации Хераскова, Нартова, Поповского, Богдановича, чье творчество синтезирует опыт как ломоносовской, так и сумароковской традиции и развивает не исчерпанный потенциал классицистической поэтики. Автор обнаруживает тенденцию к полисемантизации традиционных образов и мотивов, к расширению и автономизации пейзажных элементов внутри жанровых канонов, к усилению антропологических акцентов в классицистической картине мира, к аксиологической перекодировке годового календаря в направлении его национальной специфики.

N.U. Abuzova. The Calendar Lyrics of the «Sumarokov's School» Poets. The works by the «sumarokov's school» poets are viewed through the poetic dynamism of the lyric landscape within the framework of classicistic outlook. The article investigates Heraskov's, Nartov's, Popovsky's and Bogdanovich's novations and points out that their works synthesize Lomonosov's and Sumarokov's traditions and convey an unexhausted potential of the classicistic poetics. The author of the article reveals the tendency to polysemantisation of traditional images and autonomisation of the landscape elements within genre canones, to enforcing of the anthropological accents inside the classicistic world scene, to axiological re-coding of the annual calendar up to its national specific characters.

И.Н. Кошелева. Взаимодействие гетерономного и автономного текстов в поэзии 60–80-х годов XX века. В статье рассматриваются принципы взаимодействия гетерономного и автономного текстов, различные ценности в рамках одного текста. Отмечаются некоторые методы реперезентации фольклорного и литературного мира не только на отдельных уровнях (архитектоническом, пространственно-временном, лексическом и сюжетном), но также в процессе межуровневого взаимодействия.

I.N. Kosheleva. The Interaction of Heteronomous and Autonomous Texts in the Poetry of the XX century 60–80-s. The article identifies some principles of

interaction heteronomous (folkloric) and autonomous (author's) texts, demonstrating different intensional values within one text. In notes some methods of representation of folkloric and literary art worlds not only within individual levels (architectonical, spacio-temporal, lexical and levels of plot), but also in their interlevel interaction.

М.С. Черепенникова. Гете и Фосколо: традиции итальянского «вертеризма». В данной статье рассматривается феномен влияния произведений И.-В. Гете на творчество итальянских авторов. Исследуется процесс внедрения этого феномена в контекст итальянской литературной традиции.

M.S. Cherepennikova. Goethe and Foscolo: Traditions of «Werther» in Italian Literature. This is an article «Goethe and Foscolo: traditions of “Werther” in Italian literature». In this scientific article we talk about the influence of Goethe’s works. We see this subject within the framework of literary traditions of Italy.

С.М. Дубинина. Имидж и речевая компетенция: взаимообусловленность в процессе имиджмейкинга. В статье рассматривается роль речевой компетенции в процессе имиджмейкинга. Речь является ключевым фактором в системе имиджа. В статье представлена идея, согласно которой для позитивного имиджмейкинга необходимо совершенствование речевой компетенции.

S.M. Dubinina. Image and Speaking Competency: Interdependence in Image Making. In the article we look upon the role of the speech image in image making. The speaking is crucial in the system of image. In the article we dwell upon the idea that in positive image creation one should constantly improve his / her speaking competency.

Е.В. Акулова. Женская и мужская «любовь» в пространстве русского и немецкого объявления о знакомстве. В статье рассматривается речевой жанр объявления о знакомстве. На основе анализа объявлений на русском и немецком языках автор делает выводы о лингвистических особенностях мужской и женской любви в различных культурах.

E.V. Akulova. Female and Male «Love» in Russian and German Dating Advertisement. The main focus of this article is the speech genre «dating advertisement». Having analyzed utterances about love in Russian and in German the author draws a number of conclusions about linguistic peculiarities of male and female love in the compared cultures.

Е.Е. Горбань. Изотопная реконструкция культуuroобразующего текста (на материале романа У. Фолкнера «Авессалом! Авессалом!»). Изотопная реконструкция представляет собой разновидность техники чтения культуuroобразующего текста, благодаря которой субъективный мотив автора приобретает объективное значение для читателя. Языковые значения, выделяемые на основе изотопной реконструкции романа У. Фолкнера «Авессалом! Авессалом!», помогают читателю ориентироваться в пространстве и времени американской культуры.

E.E. Gorban. The Isotope Reconstruction of Cultural Formative Text (W. Faulkner «Absalom! Absalom!»). The isotope reconstruction is the type of cultural formative reading technique. Owing to it the subjective motive of the author becomes objective for a reader. The language meanings distinguished on the basis of isotope reconstruction of «Absalom! Absalom!» by W. Faulkner helps a reader to orient in the space and time.

Д.О. Морозов. Графическая интеграция в текстах А.А. Вознесенского. Статья посвящена новому способу графического словообразования (интеграции слов) в текстах А.А. Вознесенского. Рассматриваются формально-семантические особенности графодериватов, предлагается классификация результатов интеграции.

D.O. Morozov. Graphical integration in works by A.A. Voznesensky. The article is devoted to the new way of graphical derivation (word integration) in works by A.A. Voznesensky. Formal semantic peculiarities of graphical derivatives and the integration results are presented in the article.

В.В. Тарасенко. Фразеологические репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в системе языка и их восприятие русскоязычными носителями. В статье приводится классификация фразеологических единиц, репрезентирующих концепты «жизнь» и «смерть». Описывается эксперимент, проведенный с целью верификации результатов.

V.V. Tarasenko. Phraseological Representation of Concepts «Life» and «Death» in Language and their perception by Russians. In this article the author gives the classification of phraseological units that represent the concepts «life» and «death» and describes the experiment which was conducted to verify the relevance of the proposed groups.

О.Г. Лещинская. Ситуация слухового восприятия и лексика, ее обслуживающая, в языке города. Статья посвящена проблеме отражения в языке современного города модальностей слухового восприятия. Автору присущ широкий взгляд на слуховое восприятие как на двунаправленный процесс – говорения (извлечения звука) и слушания.

O.G. Leshchinskaya. Situation of Audial Perception and it's Serving Vocabulary in Urban language. The article is devoted to the linguistic views on the problem of the basic subsystems (modules) of perception. The author tries to characterize how module defines lexico-semantic units. It is used to characterize the human audial representative system in the urban language.

Е.В. Федяева. Субъективный и этнокультурный компоненты в семантике категории количество. В статье рассматривается семантика категории количества с точки зрения двух наиболее значимых компонентов: индивидуального, или субъективного, компонента, выражающего отношение субъекта к оцениваемому количеству, и этнокультурного компонента, отражающего

так называемую «языковую картину мира» его носителей, раскрывающуюся в лексических единицах.

E.V. Fedyaeva. Subjective and Ethnocultural Components of the Category of *Quantity*. The two most specific components embedded in the category of Quantity are of anthropocentric and ethnocentric character. As the creator and user of the language, the human being represents the starting point in its formation and development. Cultural implications are significant since they reflect basic patterns of conceptualization.

Е.Л. Калинина. Проблема концептуального содержания субстратных географических имен. Данная статья посвящена проблеме концептуального освоения субстратных географических имен. Включение иноязычных названий в новую топонимическую систему сопровождается возникновением конфронтативных концептуальных лакун. Для выявления особенностей элиминирования подобных лакун в процессе функционирования субстратной ойконимии Амурской области был проведен свободный ассоциативный эксперимент. На основе ассоциаций, зафиксированных в ходе эксперимента, реконструируются ассоциативные поля топонимов и выявляются закономерности их концептуального наполнения.

E.L. Kalinina. The Particularities of Conceptual Filling of Substrative Toponyms. The given article tells about the problem of conceptual adaptation of substrative geographical names. Inclusion of foreign names into a new toponymy system is accompanied with appearance of confrontative conceptual lacunas. To expose the peculiarities of elimination of such kind of lacunas using the material of substrative toponymy of the Amur Region a free association experiment was held. Associative fields of toponyms are reconstructed and regularities of their conceptual filling are exposed on the basis of associations fixed during the experiment.

М.В. Овчинникова. Из истории терминологии уголовного права XVIII века (на материале памятников деловой письменности Забайкалья). Синонимичность в терминологической сфере «преступления против чужой собственности» вписывается в общий контекст эпохи становления норм русского литературного языка, для которой была характерна сильная вариативность языковых средств, обусловленная взаимодействием приказной и книжной традиций.

M.V. Ovchinnikova. History of Terminology of the Criminal Law of the 18th Century (on the material of business scripts in Baikal region). In terminology which designate offences against strange properties there are different nominations which have the same meaning. This process was characteristic for the history of the Russian language of the XVIII-th century, when there were many synonyms. The synonyms had different lineage.

К.Б. Самтакова. Сравнительный анализ топонимики Монгольского и Южного Алтая в историко-лингвистическом аспекте. В статье сравниваются топонимика Республики Алтай и так называемого Монгольского Алтая. На основе карты Монгольского Алтая В.В. Сапожникова и В.В. Обручева конца XIX века и современных карт Республики Алтай приводится список топонимов Монгольского Алтая с соответствиями из современных карт Республики Алтай. Проанализировав идентичные географические названия, автор делает вывод, что топонимы были образованы по одним и тем же принципам номинации, поскольку были созданы алтайскими племенами, проживавшими в верховьях Иртыша. Эти племена были вынуждены покинуть территорию в силу различных исторических событий.

K.B. Samtakova. Comparative analyses of Mongolian and Southern Altai Place names in historical linguistic aspect. Place names of the Altai republic and the so called Mongolian Altai are compared in this article. On the bases of the map of the Mongolian Altai made by V.V. Sapozhnikov and V.V. Obrutchev at the end of the XIX century and modern maps of the Altai Republic we give a list of place names of the Mongolian Altai with their parallels from modern maps of the Altai Republic. Having analyzed these identical geographical names we come to the conclusion that they were built using one and the same principles of nomination because they were made by one and the same Altai tribes who lived in the upper reaches of the Irtysh. Those tribes were made to leave their places according to different historical events.

Ю.В. Чернова. Некоторые особенности картины мира писателя-билингва В.В. Набокова (на материале романов «Lolita» – «Лолита» и «Другие берега» – «Speak, Memory»). В статье рассматриваются особенности картины мира В. Набокова на материале оригиналов и автопереводов писателя. В. Набоков намеренно делает «двойное видение мира» одной из главных особенностей своих произведений и своего индивидуального стиля.

U.V. Chernova. V. Nabokov's Picture of the World Reflected in «Lolita» («Лолита» and «Другие берега» – «Speak, Memory»). The article is devoted to Vladimir Nabokov's picture of the world and its reflection in his self-translations. Being a bilingual author V. Nabokov intentionally makes his «double vision» of the world one of the main characteristics of his works and his individual style.

Я.А. Терскова. Игровые мотивы в романе В.П. Катаева «Время, вперед!». В романе В.П. Катаева «Время, вперед!» присутствуют мотивы спорта, карт, цирка, театра и веселья. Эти мотивы вместе с темой социалистического строительства выглядят как пародия.

A.A. Terskova. Play Motifs in the Novel «Time, forward!» by V.P. Kataev. There are motifs of sports, cards, circus, theatre and festivity in the novel «Time, forward!» by V.P. Kataev. These motifs, in combination with the theme of socialist building, look like a parody.

Е.А. Черниченко. Культура как миф в поэзии И.А. Бродского позднего периода. Культура как знаковая система поэзии Бродского позднего периода существует в качестве мифа. Рассматриваются основные элементы лирической поэтики: язык, время и пространство, вода, внешность. Сглажена иерархия этих начал. Культура, присоединяясь к космогонии, становится неотъемлемой частью поэзии Бродского.

E.A. Chernichenko. Culture as Myth in the Poetry of Brodsky's Late Period. Culture as a sign system in the poetry of Brodsky's late period exists as a myth. This process is examined on the level of basic definitions of lyric poetry: Language, Time and Space, water, appearance. The hierarchy of these definitions are uniting and leveling. Thus, culture, joining the circle of cosmogony, becomes immanent part of myth and poetics by J.A. Brodsky.

Э.А. Лариева. Святые и грешные: два рассказа Л. Улицкой о семье («Они жили долго...», «... И умерли в один день»). Статья посвящена двум рассказам Улицкой из последней коллекции «Люди нашего царя». На разных уровнях текста они образуют концептуальное единство. Рассказы рассматриваются в контексте общей темы – темы семьи.

E.V. Larieva. Sacred and guilty: two stories by L. Ulitsky about family («They lived long...», «...Also have died in one day»). Given clause is devoted to two L.Ulitsky's stories from the last collection «People of our tsar». Being crossed at various levels of the text, they form a conceptual unity. Stories are considered in a context of a general theme of creativity of the writer – themes of family.

В.Н. Чечелева. Античность в прозе Томаса Лава Пиккока. Автор рассматривает аспекты воздействия античности на прозу Пиккока (эссе и романы). Особое внимание уделяется диалогам Платона, симпозиуму, старой комедии, миниппинским философским беседам.

V.N. Checheleva. Antiquity in Thomas Love Peacock's prose. The author explores some aspects of the influence of the antiquity on the Peacock's prose namely his essays and novels. Genre adoptions such as the Plato's dialogue, the symposium, the old comedy, and the Menippean symposia are of a special interest.

В.П. Канарина. Алтайская литература в «Сибирских огнях»: проблемы критики. Литературная критика журнала «Сибирские огни» оказала значительное влияние на литературный процесс Сибири. Критические материалы по алтайской литературе начали регулярно появляться на страницах журнала с конца 20-х – начала 30-х годов XX века. В данной статье прослежено развитие литературно-критической мысли о литературе Горного Алтая на страницах «Сибирских огней».

V.P. Kanarina. Altai Literature in «The Siberian Lights»: problems of critics. Literary critics of «The Siberian Lights» influenced the Siberian literature greatly. Critics on Altai literature began to appear regularly at the end of 20-s – be-

gining of 30-s of XX century in this magazine. The article is devoted to the development of literary critics on Gorny Altai literature in «The Siberian Lights».

Е.М. Талалаева. Роль детских СМИ в развитии медиакомпетентности детей и подростков. Роль детских средств в развитии массового медиаобразования детей и подростков очевидна, но недостаточно изучена. Большинство самодельных и официальных детских и подростковых СМИ не используют свой медиаобразовательный потенциал, хотя исследователями доказано, что участие детей в создании медиатекстов, подготовке самодельных изданий – это важный элемент медиаобразовательной деятельности.

E.M. Talalaeva. Children's media Role in Development of Mass Media Education for Children and Teenagers. The role of children's media in the development of mass media education for children and teenagers is obvious, but it is insufficiently studied. The majority of amateur and official children's and teenage mass-media do not use the media educational potential, though it is proved by researchers, that participation of children in creation of media texts and in preparation of amateur editions is an important element of media educational activity.

НАШИ АВТОРЫ

**АБУЗОВА,
Наталья Юрьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Барнаулского государственного
педагогического университета.
E-mail: nataliya_abuzova@mail.ru

**АКУЛОВА,
Евгения Владимировна**

– аспирант Саратовского государственного
университета им. Н.И. Чернышевского.
E-mail: jewgenija@rambler.ru

**ВОЛЧКОВА,
Ирина Михайловна**

– доктор филологических наук, профессор
Уральского государственного университета
им. А.М. Горького (г. Екатеринбург).
E-mail: elazareva66@r66.ru

**ГОРБАНЬ,
Елена Евгеньевна**

– аспирант Алтайского государственного
университета (г. Барнаул).
E-mail: gorbanluk@mail.ru

**ДАНИЛОВА,
Наталья Ксенофонтовна**

– младший научный сотрудник Центра
этнологических исследований ИГ АН РС (Яку-
тия) (г. Якутск).
E-mail: tachika@mail.ru

- ДУБИНИНА,
Светлана Михайловна** – старший преподаватель Саратовского государственного технического университета.
E-mail: dsm@forpost.ru
- ЗАВГОРОДНЯЯ,
Наталья Ивановна** – кандидат филологических наук, доцент Барнаульского государственного педагогического университета.
E-mail: svoboda_8@mail.ru
- КАНАРИНА,
Валентина Петровна** – аспирант Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: surdash@hotmail.ru
- КАЛИНИНА,
Елена Леонидовна** – аспирант Благовещенского государственного педагогического университета.
E-mail: kalinin_79@mail.ru
- КОШЕЛЕВА,
Ирина Николаевна** – преподаватель Бийского педагогического государственного университета им. В.М. Шукшина.
E-mail: kosheleva@mail.biysk.ru
- ЛАЗАРЕВА,
Элла Александровна** – доктор филологических наук, профессор Уральской государственной архитектурно-художественной академии (г. Екатеринбург).
E-mail: elazareva66@r66.ru
- ЛАРИЕВА,
Эмилия Владимировна** – аспирант Карельского государственного педагогического университета (г. Петрозаводск).
E-mail: emilia@snw.ru
- ЛЕЩИНСКАЯ,
Ольга Георгиевна** – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: butakova@univer.omsk.ru

- МОРОЗОВ,**
Даниил Олегович – аспирант Уральского государственного университета имени А.М. Горького (г. Екатеринбург).
E-mail: shiguja@yandex.ru
- НАГОРНЫЙ,**
Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор Белгородского государственного университета.
E-mail: nagorny@bsu.edu.ru
- ОВЧИННИКОВА,**
Мария Владимировна – аспирант Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ).
E-mail: marija-v@mail.ru
- САМТАКОВА,**
Кларисса Бинолдановна – аспирант Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: ff@gasu.ru
- ТАЛАЛАЕВА,**
Елена Михайловна – ассистент Белгородского государственного университета.
E-mail: comp-03@yandex.ru
- ТАРАСЕНКО,**
Валентина Васильевна – ассистент Амурского гуманитарно-педагогического университета (г. Благовещенск).
E-mail: tarasenko_val@mail.km.ru
- ТЕРСКОВА,**
Яна Анатольевна – аспирант Барнаульского государственного педагогического университета.
E-mail: terskova_yana@bk.ru
- ТРУБНИКОВА,**
Юлия Витольдовна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: trubnikova67@mail.ru

ФЕДЯЕВА,
Елена Владимировна

– аспирант Барнаульского государственного педагогического университета.
E-mail: fedyaeva_lena@mail.ru

ЧЕРЕПЕННИКОВА,
Маргарита Сергеевна

– кандидат филологических наук, доцент
Литературного института им. А.М. Горького
(г. Москва).
E-mail: chrita@rambler.ru

ЧЕРНИЧЕНКО,
Елена Александровна

– аспирант Барнаульского государственного педагогического университета.
[E-mail: wazno@narod.ru](mailto:wazno@narod.ru)

ЧЕРНОВА,
Юлия Владимировна

– аспирант Барнаульского государственного педагогического университета
E-mail: Chernova_Julia19@mail.ru

ЧЕЧЕЛЕВА,
Вера Николаевна

– аспирант Московского педагогического государственного университета.
E-mail: runninggirl@yandex.ru

ШЕСТАКОВА,
Ираида Георгиевна

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного технического университета им. И.А. Ползунова (г. Барнаул).
E-mail: communication41@list.ru

ЩЕРБИЦКАЯ,
Светлана Викторовна

– магистрант Алтайского государственного университета (г. Барнаул).
E-mail: veta-nym@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (редакция июль 2007)».

Сдано в набор 26.07.2008. Подписано в печать 29.08.2008. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Графикс»:
г. Барнаул, ул. Крупской, 108

© Издательство Алтайского университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков с пробелами), научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Интервал точно 12 пт (полупетельный); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом 7.1.–2003 и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указывается фамилия автора год издания цитируемые страницы. Например, [Виноградов 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Неосновной текст, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: код по УДК и код по ББК; название (на русском и английском языках), и.о.фамилия автора (на русском и английском языках), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 411-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются по электронной почте. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала».) К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов/факса, электронная почта. **(Наличие адреса электронной почты обязательно!)**
9. Статьи, оформленные в нарушение приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

Примечания: 1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел./факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**